

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ»**

№ 4

**Москва
Издательство МГОУ
2008**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. – председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. – зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. – доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. – доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. – директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. – доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. – проректор по научной работе и международному сотрудничеству, доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Гришина Н. Г. – кандидат исторических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, доцент
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – доктор исторических наук, доцент

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – № 4. – 2008. – М.:
Изд-во МГОУ. – 200 с.

«Вестник МГОУ» является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК № 4 за 2005 г., с. 5. и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г.). На сайте МГОУ имеется информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и правилах для авторов статей.

Подписной индекс серии «История и политические науки» Вестника МГОУ - 36765 (см. Дополнение №1 к Каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» (2006) и Каталоги этого же Агентства на первое и второе полугодия 2007 г., первое и второе полугодия 2008 г.).

ISBN

© МГОУ, 2008

© Издательство МГОУ, 2008

ИСТОРИЯ РОССИИ

I. История России в Новое время

Г.П. Ламкина

Московский университет МВД России

САМОЗВАНСТВО В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ XVII ВЕКА

Аннотация

Самозванство в формировании структурного кризиса государственной власти на Руси сыграло ключевую роль.

Доверие к государственной власти в смутное время у народа было потеряно. На фоне всех этих грозных и трагических событий в обществе стали распространяться слухи о приходе к власти справедливого монарха как гаранта прав и свобод. Это и породило феномен самозванства на Руси в период Смуты.

Частая смена самозванцев у власти в период Смуты привела к политическому кризису, духовному упадку моральных устоев национального самосознания. Смутное время принесло стране неисчислимые беды и подтвердило простую истину: Россия в период средневековья могла существовать только при условии сильной монархической власти.

IMPOSTURE IN CASE OF CRISIS OF POLITICAL AUTHORITY IN RUSSIA OF 17TH CENTURY

Galina Lamkina

Moscow University of Ministry of internal affairs, Russia

Abstract

Imposture played a great role in forming of state rule's structural crisis. The faith in state rule was undermined in the period of disturbance between people.

On the background of these tragic and terrible events were a lot of rumours about a wise monarch, who could be a guarantor of all the rights and liberties. And this was a situation, when such a phenomenon as imposture, took place in Russia in period of disturbance.

Frequent changes of impostors in the period of disturbance resulted in political crisis and spiritual breakdown of moral foundations of national selfconsciousness. The period of disturbance brought to our country lots of troubles and confirmed such truth as follows: Russia in the Middle Ages could exist just with strong monarchical power.

Тема русской Смуты и самозванства в XVII веке на Руси не остается без внимания исследователей. Однако многочисленные работы посвящены, как

правило, её отдельным отраслям и сторонам.

Многие историки акцентируют в своих трудах повышенное внимание в своих исследованиях на источники, прежде всего, связанные с различными формами социального протеста: крестьянскими войнами, городскими восстаниями, казацкими бунтами и, таким образом, народные представления о государственной власти изучаются именно в русле «социального протеста», что, думается, обедняет их реальное содержание. Данным проблемам посвящены работы таких исследователей, как: *Пушкарева Л.Н.*, в работах которого отражены проблемы культурно-интеллектуальной и гендерной истории, а также истории ментальности во взглядах на власть русского средневекового человека (1999); *Рогожина Н.М.* – о проблемах выбора исторического пути Руси периода Смуты (2007); *Козлякова В.* – о личности Василия Шуйского на царском престоле (2007); *Павлова А.П.* – о политической власти в период правления Бориса Годунова (1999); *Успенского Б.А.* – о сакральности государственной власти в русской истории (2002) и др.

Разработка темы структурного кризиса политических институтов власти на Руси периода Смуты и связанного с ним самозванства позволяет сформировать целостный взгляд на данную проблему, т. к. институты политической власти и persona монарха играли ключевую роль в общественном сознании людей Руси XVII века. Такой подход к данной проблеме углубляет знакомство с историей периода Смутного времени Руси, задает отправную точку для исследования частных сюжетов феномена самозванства XVII века и открывает новые перспективы исследований в данной области.

...Иван Грозный умер, не доведя до конца многие из начатых дел и оставив государство без достойного наследника. Впереди страну ждали тяжелые испытания, в сравнении с которыми предшествовавшие годы могли показаться раем земным. Приближалось Смутное время, принеся стране неисчислимые беды, и которое, в конце концов, подтвердило простую истину: Россия не могла в период средневековья существовать в форме безразмерного народного вече, а должна была иметь твердый и негнибемый стержень сильной централизованной монархической власти.

Гибель малолетнего царевича Дмитрия-уара, сына Ивана Грозного, являвшегося законным наследником российского престола, летописи совершенно однозначно трактуют не как несчастный случай, а как политическое убийство в интересах боярской группировки, рвущейся к власти: «...Об убиении царевича Дмитрия Ивановича и запустении града Углича. По преставлении царя Ивана Васильевича на восьмой год, Бог попустил ради грехов наших во многих знатнейших сугубую зависть, и гордость, и неправду, не только друг к другу, и ненавидели одни других, но и на самого государя помышляли смертным убийством и неправду творили... Из них же, знатнейших, был боярин Борис, называемый Федоровичем, Годунов, ненавидел братию свою бояр, и бояре его не любили, потому что многих людей он погубил напрасно. И вложил дьявол ему в мысль извести праведного своего государя царевича Дмитрия; и помышлял себе: «Если изведу царский корень, то буду сам властелин в Руси...»¹

Уж больно выгодна была смерть юного царевича фактическому правителю России – Борису Годунову. Да разве ему одному? Несомненно, более законные претенденты на царский трон неоднократно предпринимали попытки устранить удачливого конкурента.

Во все времена народу морочили голову с одинаковым упорством и переменным успехом. А потому народ предпочитал с простецким сомнением относиться к тому, в чем его пытались настойчиво убедить. Иначе разве могла бы возникнуть в России столь благодатная питательная среда для появления одного за другим самозванцев, выдававших себя за чудом спасшегося царевича Дмитрия?

Укротить сепаратизм, местничество и своеволие родовой верхушки боярства в этот период оказалось не под силу даже Годунову - потомку татарского мурзы. Сразу же после смерти Годунова на Руси образовался вакуум власти, и наступило Смутное время.

Ситуация в России этого периода характеризовалась крайней хаотичностью и непредсказуемостью. В начале XVII века страну поразил чудовищный голод, цены на хлеб в 1601-1603 гг. взлетели в 25 раз! На этот счет есть совершенно точные воспоминания «служилых иноземцев» Жака Маржерета и Конрада Буссова. Оба владели в России поместьями, занимались хлеботорговлей и проблему знали не понаслышке. Жак Маржерет о том времени писал, что за два года Великого голода из двухсотпятидесятитысячного населения Москвы вымерло 125.000 жителей². Монах Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, оставивший записки о Смутном времени, называет даже большую цифру – 127.000 человек³.

Централизованное управление было полностью утрачено. Никто никому не подчинялся. Моральные и нравственные устои рухнули. Разбойники расплодились на Руси в огромном множестве: разбой и грабежи стали повседневной реальностью. На дорогах разбойничали уже не просто беглецы от голода, но и мелкие дворяне, со своими «дружинами» искавшие легкой добычи, и беглые холопы, и «вольные казаки»...

Казачество сыграло особую роль в Смутное время. Причем главным образом роль эта была более негативной, чем позитивной. Многие казаки, особенно на Дону и Днепре, умели только воевать и жили за счет добычи, захваченной во время набегов на сопредельные территории. Оказавшись втянутыми в русскую Смуту и очутившись в центральных российских областях, казаки принялись заниматься привычным делом – грабить и убивать. В результате многие казачьи отряды быстро превращались в обыкновенные бандитские шайки. При этом все беды приписывались государственной власти, не способной защитить своих граждан от голода и бедствий. А «благородные разбойнички», согласно народной молве, были не просто лесными грабителями, а мятежниками и борцами за правду и справедливость для народа и против никчемной государственной власти: «...взгляды народа на разбойников в XVII-XVIII вв. были... как на людей, ведущих борьбу с несправедливостью и гнетом; прославлялась удаля и удача... в борьбе с угнетателями...»⁴, т.к. произвол, гнёт и бессилие царской власти на Руси в период Смуты перешел все границы.

Это уже были не просто разбойники, а люди с некоей программой действий. Правда, «программа действий» не отличалась ни новизной, ни глубиной – занять столицу, всех истребить и всё разграбить!

Как часто бывает в периоды политических кризисов и социальных потрясений на Руси, все чаще в народе в эпоху Смуты распространялись пересуды о том, что центральная власть является виновником всех несчастий, усилились ожидания мессии, народного заступника в лице государя, который восстано-

вит погранные права и традиции устоев жизни. Поэтому так триумфально «прошествовал к престолу» Лжедмитрий I, первый из большой череды последующих самозванцев на Руси.

Краткость правления первого самозванца Лжедмитрия I закончилась тем, что боярская верхушка, использовав фигуру самозванца и впоследствии убрав его с политической арены борьбы за власть, воспользовалась той обстановкой, которая уже сложилась к тому времени на Руси (полный развал экономики, династический, социальный, политический и идейный кризис – как составные части общенационального кризиса), наряду с захватившим власть боярином Василием Шуйским, допустила к власти второго самозванца у трона – Тушинского вора. Лучше всего данную ситуацию охарактеризовал историк С.Ф. Платонов: «...В Москве, благодаря Тушину, все сословия дошли до глубокого политического [разврата]... Москвичи служили и тому, и другому государю: и царю Василию Шуйскому, и Вору. Они то ходили в Тушино за разными подачами, чинами и «деревнишками», то возвращались в Москву и, сохраняя тушинское жалованье, ждали награды от Шуйского за то, что возвратились, «отстали от измены». Они открыто торговали с Тушином, смотрели на него не как на вражий стан, а как на очень удобное подспорье для служебной карьеры и денежных дел. Так относились к Тушину не отдельные лица, а массы лиц в тогдашнем московском обществе... Оба соперника...своим совместным существованием влияли растлевающим образом на народ, развращали его...»⁵

Разгадку феномена самозванства следует искать в том мощнейшем психологическом шоке, который обрушился, без преувеличения, на всю страну. Подавляющее большинство народа, далекого от столичных интриг и московского «обилия информации», искренне считало самозванцев настоящими царевичами и законными претендентами на царский престол. И вдруг их одного за другим убивают, а те, кто совсем недавно клялись и божились, что самодержцы подлинные, теперь уже говорят нечто абсолютно противоположное... Непонятно стало, во что же после всего этого верить, кому же теперь верить, и можно ли вообще во что-то верить перед лицом таких событий. И «верхи», и «низы» русского общества или потеряли чувство правды и справедливости во всех политических событиях и не знали, во имя чего противостоять Смуте, или были готовы на Смуту во имя самых разнообразных мотивов.

Выдающийся русский историк Соловьев С.М. так охарактеризовал кризис института политической власти в России периода Смуты: «...до сих пор обители верили Москве, признавали каждое слово, приходившее из Москвы, непреложным, но теперь Москва явно признается, что ... чародеи прельстили её омрачением бесовским... Связью между Москвой и областями было доверие ко власти, в ней пребывающей; теперь это доверие было нарушено, и связь ослабла, государство замутилось; вера, раз поколебавшись, повела необходимо к суеверию; потеряв политическую веру в Москву, начали верить всем и всему...»⁶

Пожарище великой Смуты на Руси разгоралось... По необъятным просторам Руси великой во времена Смуты вольготно шатались еще десятка два самозванцев вовсе уж мелкого масштаба: одни называли себя сыновьями царя Федора Иоанновича – «царевич Федор», Клементий, Савелий, Ерофей и прочая, и прочая. Другие не могли даже внятно ответить на вопрос, кого же они изображают: «царевичи» - и всё тут! Некий Лаврентий объявил себя, ни много ни мало – внуком Ивана Грозного, т.е. сыном царевича Ивана. Его «коллега по ремеслу» Август пошел еще дальше: не чинясь, выдавал себя за родного сына

самого Ивана Грозного от четвертой супруги Анны Колтовской. Наглость вышеупомянутого Федора дошла до того, что он явился к Тушинскому вору с этим известием. Лжедмитрий II, не склонный поощрять конкурентов, «племянника» не признал и велел тут же укоротить его на голову. А заодно прикончил и Лаврентия с Августом, после чего остальные «царевичи» обходили Тушинского вора десятой дорогой...

Большая часть разбойников и «лесных братьев» колотила всё, что на пути попадётся, не обременяя себя детальным выяснением «легитимности» российских самодержцев, меняющихся, как калейдоскоп, на российском троне. По сравнению с тогдашней политической ситуацией известное противостояние президента и парламента в России 1993 года – просто детская игра в поддавки...

Виктор Гюго так писал о времени безвластия уже в XIX веке: «...первая потребность народа после падения [законной монархической] власти – это раздобыть себе новую династию... [Династия]... должна быть приемлема для нации, она должна иметь прошлое, иметь будущее и пользоваться расположением народа... И, в сущности, первый встречный одаренный человек может сойти за монарха... »⁷

Таким образом, оказываясь на передовом рубеже современной исторической науки, важно иметь представление о том, что всякая политическая система развивается в своем «канале эволюции». Но «каналы» со временем исчерпывают себя. Развиваться дальше по этим правилам политическая система уже не может. И система вступает в «точку бифуркации» - времени поиска нового «канала эволюции». При этом система распадается на составные элементы, часть этих «элементов» гибнет, часть – необратимо меняется. В «точках бифуркации» страна и народ выбирают дальнейшую политическую и историческую судьбу. И в XIII-XIV вв. на Руси, и во времена Смуты XVII века, и в нынешнее беспокойное время мы выбираем. Вся известная нам русская история – не просто «единственно возможное», а результат прежних выборов народом путей политического развития. Реализуется тот вариант развития политических структур власти, который мы хотим реализовать... Право, нам есть над чем задуматься...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание русских летописей. Т.2. СПб., 1843.
2. Маржерет Я. Записки капитана Маржерета // Россия начала XVII века. – М., 1982.
3. Сказание Авраамия Палицына. – М.; Л., 1955.
4. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. М.: ЧАРЛИ, 1994.
5. Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI-XVII веков. СПб, 2001.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1-15. М., 1959. - 196 с.
7. Гюго Виктор. Отверженные. Т. 2. 1997.

Список литературы

1. Андреев И.Л. Анатомия самозванства. // Наука и жизнь. – 1999. - № 10.
2. Козляков В. Смута в России. XVII век. М.: Омега, 2007.
3. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М. Россия после Смуты – время выбора. // Отечественная история. – 2008. - № 5.
4. Мауль В.Я. Архетипы русского бунта XVII столетия. – М., 2007.
5. Морозова Л.Е. Смута на Руси: Выбор пути. М.: АСТ, 2007.
6. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1998.

В.В. Мищенко
Брянский государственный университет
им. И.Г. Петровского

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация

В статье исследуется проблема изучения становления старообрядчества Черниговской губернии как особой группы населения, условий формирования, результаты воздействия на население отдельных регионов России. Показывается адаптация в новых географических и социальных условиях, которая привела к соединению в групповом сознании старообрядцев религиозности и рационализма. Изолированность и положение меньшинства сформировало индивидуалистический подход.

HISTORICAL TERMS OF FORMING STAROOBRYADCHESTVA OF THE CHERNIGOV REGION

Victor Mischenko

Bryansk State University of the name I.G.Petrovskiy

Abstract

In the article the problem of study of becoming of staroobryadchestva of the Chernigov region is probed as the special group of population, forming terms, results of affecting population of separate regions of Russia. Adaptation in new geographical and social terms, which resulted in connection in group consciousness of staroobryadcev of religiousness and rationalism, is shown. Formed an insulativity and position of minority individualistic approach.

В середине XIX в. в ряде губерний Малороссии старообрядцы являлись значительной и заметной среди остального населения социальной общностью. Проблема изучения становления старообрядчества как особой группы населения, условий формирования и результатов воздействия на население отдельных регионов России является актуальной.

В условиях современной обстановки, переживаемой российским обществом, обострения религиозных конфликтов, необходимо глубокое взаимопонимание не только между представителями различных религий, но и между различными конфессиональными группами.

Объектом исследования являются конфессиональные группы старообрядчества Черниговской губернии. Предметом исследования выступают исторические условия их формирования на территории данного региона.

Исследуемый регион (Черниговская губерния) интересен разнообразным этноконфессиональным составом. Начиная с XIV в., эти земли были ареной многочисленных военных действий между Великим Княжеством Литовским и Россией. Только после подписания «Вечного мира» между Речью Посполитой и Россией были определены границы России, Польши и Малороссии. «Северные земли Стародубского полка (позднее Мглинский, Суражский, Но-

возыбковский, Стародубский и отчасти Городнянский уезды Черниговской губ.), так называемое «Задесенье», составляя пограничную страну съ своими непроходимыми лесами, служило съ давних поръ надежным убежищем для всевозможных перебежчиков, укрывающихся сюда из Польши, Литвы и Московскаго государства... крестьяне начали целыми толпами переселяться изъ за- Днепра, ...и изъ Великоруссии... Такимъ образом в северных уездах явилась целая масса «нахожих» людей, которые стали на свободных землях «осаживать слободы»¹. Наряду с малороссийскими крестьянами, в регион прибывало великорусское население, что подготовило основу для формирования конфессиональной группы старообрядцев.

Крупным регионом расселения старообрядцев на юго-западе России во второй половине XVIII - середине XIX вв. являлись Новозыбковский, Стародубский, Клинецовский и Севский уезды Черниговской губернии. География старообрядцев сохранена и в XXI веке: это Стародубский, Климовский, Новозыбковский, Клинецовский, Злынковский районы Брянской области. На территории Черниговской (Украина) и Гомельской областей (Республика Беларусь), пограничных с Брянской, находятся места компактного проживания старообрядческого населения.

Историографические сведения об обширном районе, заселенном староверами, берут свое начало в XVIII в. Одним из первых было исследование старообрядческого писателя И. Алексеева «История о бегствующем священстве», написанная в 1775 г., но опубликованная в журнале «Истина» в 1875 г. Оно содержало материал о первоначальном заселении старообрядческих слобод Ветки и Стародубья, рассматривало вопросы духовной жизни старообрядцев. В период первой половины XIX в. происходило накопление материала о старообрядчестве, что позволило систематизировать его.

В Записках протоиерея Санкт-Петербургской Никольской единоверческой церкви Т.А. Верховского и «Исторических очерках поповщины» П.И. Мельникова-Печерского выражалось обоснование религиозной политики государства по отношению к старообрядцам. Авторы впервые опубликовали данные о старообрядческих общинах в первой половине XIX в., показали сложность процесса введения единоверия и ликвидации старообрядческих духовных центров, в том числе и Стародубья.

Для истории старообрядчества Стародубья наиболее значительными являются исследования М.И. Лилеева. Он использовал большой круг источников из великороссийских и малороссийских архивов и внес значительные коррективы и выводы по истории раскола Ветки-Стародубья в XVII-XVIII вв. Свое видение раскола он изложил в книгах: «Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии», «Из начальной истории раскола в Стародубье», «Материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв.», «Очерк миссионерских мер по обращению в православие стародубских и черниговских раскольников до времени Екатерины»².

И.Абрамов опубликовал этнографический очерк «Старообрядцы на Ветке», который содержал этнографические сведения о жизни старообрядцев, их быте, занятиях, промыслах, обычаях. Позже тот же автор совершил поездку в Стародубье и издал этнографический очерк «Поездка в Стародубье».

Много времени отдавал изучению и старообрядчества во второй половине XIX в. - начале XX в. А.С. Пругавин³. Он выделял Стародубье как центр старо-

обрядчества.

После ослабления цензуры в 1905 г. вышли в свет работы старообрядческих писателей и исследователей раскола, среди них значительный интерес представляют работы В.Г. Сенатова «Философия истории старообрядчества», И.И. Кириллова «Статистика старообрядчества», В.Е. Макарова «Очерк истории Рогожского кладбища».

Итак, дореволюционная историография старообрядчества довольно обширна. Сведения, приводимые в ней, являются базовыми в контексте изучения старообрядчества изучаемого региона.

Отечественная историография советского периода продолжила разработку, прежде всего, социально-экономических характеристик староверия. Так, Н.М. Никольский в «Истории русской церкви» доказывал, что русское староверие имело сходную типологическую основу с западноевропейскими реформационными движениями и служило начальной точкой развития буржуазных отношений в России и в частности в исследуемом регионе⁴.

В 90-х гг. XX в. продолжал расти интерес к истории старообрядчества у широкого круга исследователей. Под редакцией И.В. Поздеевой выходили сборники научных статей «Мир старообрядчества», где по-новому осмысливалась роль старообрядчества в экономической, политической, культурной жизни России XVIII-XX вв.

Современные российские исследователи: В.В. Керов, Д.Е. Расков, М.Ю. Рощин, М.В. Брянцев, М.В. Кочергина, рассматривают вопросы религиозно-этического фактора и его роль в экономическом развитии страны в XVIII-XX вв.⁵

Представляется возможным дополнить имеющийся исторический материал исследованием комплекса черт, характерных для конфессиональной группы старообрядцев в целом, и тех региональных особенностей, которые сложились под влиянием естественно-географических и социально-исторических условий проживания старообрядцев в Черниговско-Брянском пограничье. Прежде всего, необходимо обратиться к характеристике природных условий жизни населения региона: климата, ландшафта, плодородия почв, так как они во многом определяют характер расселения и исторически сложившихся условий хозяйствования.

Черниговская губерния имела форму неправильного многоугольника, обращенного наибольшей стороной к югу, а наименьшей – к северу. В географическом отношении – это обширная равнина, пересеченная в разных направлениях рядом холмов и сравнительно небольших возвышенностей. На западе граничит с Киевской, Минской и Могилевской губерниями; на востоке – с Курской и Орловской; на юге – с Полтавской. Черниговская губерния была разделена на 15 уездов (Черниговский, Городненский, Новозыбковский, Суражский, Мглинский, Стародубский, Новгород-Северский, Сосницкий, Борзенский, Глуховский, Кролевецкий, Конотопский, Нежинский, Козелецкий, Остерский)⁶, каждый уезд делился на три стана и на приходы. Площадь Черниговской губернии, по данным подробного генерального и специального межевания, произведенного в 1858-1890 гг. по точным и окончательно утвержденным межам земельных владений, составляет 4752363 десятины или 45622,3 кв. версты⁷. Почвы четырех северных уездов были малопригодны для земледелия: серые лесные, дерновые супеси, суглинки. Лишь часть Стародуб-

ского уезда занимал район с черноземновидными почвами на лёссе. Активное освоение земель Посожья и Поднепровья привело к перенаселению этих мест и нехватке пахотной земли. В 1828 г. средний надел на ревизскую душу в Черниговской губернии составлял от 2 до 3 десятин. И если местное население жило в основном скудным хлебопашеством, то старообрядцы, основав слободы и посады, предприимчиво занялись промыслами, используя местные природные ископаемые (железная руда, стекольный песок, глина). В военно-статистическом обозрении Черниговской губернии раскольники описываются так: «Вообще живут богато. Многие из них платят купеческие капиталы, все они вообще промышленны и очень трудолюбивы. В посадах и слободах, которые находятся в северных уездах губернии, то есть в скуднейших по количеству земли и ее произведениям, они не имеют почти пахотной земли, земли и сенокосы занимают у соседних помещиков... Все из них мастеровые, как-то плотники, кузнецы, кирпичники и хорошие грабари. Они не боятся ремесел, требующих физической силы, напротив, предпочитают их прочим, и потому все телосложения статного, росту вообще более среднего. Белокуры, лицом белы, ловки и находчивы»⁸. На севере Черниговщины среди старообрядцев было развито изготовление горшков из глины (Семеновка), кирпича (Новозыбков, Климов), телег и саней (Новозыбков, Злынка, Климов, Воронок, Чуровичи), тачали сапоги (Климов, Семеновка, Шеломы). В XIX в. среди старообрядцев были развиты отхожие промыслы. «Ежегодно большими артелями, с ранней весны они отправляются на заработки. Зимой занимаются извозом... Зимой по домам делают телеги и сани, которые можно видеть на всех базарах городов Черниговской и Могилевской губернии, они возят их даже в Варшаву и получают хорошие барыши»⁹.

Наряду с ремеслом, популярным занятием старообрядцев стала торговля. Мелочные торговцы «красным товаром» исхаживали всю Россию, добирались даже до Риги и Варшавы. Развитию торговли способствовало достаточное количество сухопутных и речных транспортных путей, близость границ. «Военно-статистическое обозрение» в 1848г. отмечало: «Через Черниговскую губернию пролегает большое число дорог больших и проселочных. Они вообще удобопроезжимы и способствуют к свободному сообщению по всем направлениям»¹⁰. Судосходными были реки, относящиеся к Днепровскому бассейну: Сож, Десна, Ипуть, Беседь. Местные жители употребляли разные типы речных судов (дубки, берлинки, байдаки брянские, любецкие плоскодонные барки) и нагружали их лесом, дегтем, водкою, конопляным маслом и разной деревянной посудой.

Важную роль в развитии предпринимательства старообрядцев сыграл «железнодорожный бум» 1868-1899 гг., когда через Брянск и Карачев прошла железная дорога от Орла до Витебска, открылось движение по линиям Брянск - Гомель, Москва - Брянск. На смену старым ремесленным и ярмарочным центрам пришли новые промышленные города и посады. Самым крупным промышленным центром региона во второй половине XIX в. стал посад Клиницы Суражского уезда. К 1897 году в Клиницах находилось 20,5% установленной мощности механических двигателей всей губернии. Здесь старообрядцы владели суконными фабриками, стремительно развивавшимися с начала 1860-х гг. Владельцы фабрик сумели быстро поднять их техническое оснащение и обеспечить высокое качество товаров, широко продаваемых не только в России, но и поступавших за рубеж. Из других предприятий следует назвать спичечную

фабрику в Новозыбкове «Максим Волков и сыновья», спичечную фабрику купца - старообрядца Осипова Ф.И. в Злынке.

Местное малороссийское население, отмечая трудовые и предпринимательские успехи старообрядцев, «... относились к старообрядцам с большим уважением как к деловым людям, хотя и не всегда их долюбливало»¹¹.

Заметная социальная активность старообрядцев в регионе исследования объясняется также их значительной долей в общем количестве населения, постоянно возрастающем в XIX веке.

К середине XIX в. на территории Черниговской губернии проживало 1 392 374 человек, из них – 46 326 старообрядцев, принявших священников – 38 438, не принявших – 7 888 человек¹².

Официальные данные подчеркивают преобладание старообрядческого населения в северных уездах Черниговской губернии во второй половине XIX в.:

Таблица 1

Распределение старообрядцев
по северным уездам Черниговской губернии (1860 г.)¹³

Поселение		г. Новозыбков	Новозыбковский уезд	г. Стародуб	Стародубский уезд	Суражский уезд
Всего жителей	М	3923	57000	6088	50947	58582
	Ж	3741	60431	6283	54064	60794
Раскольники	М	3340	9029	257	7627	4554
	Ж	3354	9371	206	8416	5254

Как видим, в г. Новозыбкове 87% населения составляли старообрядцы, в Новозыбковском уезде – 15,7%, г. Стародубе – 3,7%, Стародубском уезде – 15%, Суражском уезде – 8%. В то же время, официальные цифры не дают представления о точном количестве проживающих в этих старообрядческих поселениях. «У них нет метрических и венчальных книг, ни даже книг, где бы записывались умершие, что дает им средство всегда, на место умершего приписать беглеца или рекрута, и какой бы бродяга ни попал к ним, нет почти средства открыть его»¹⁴.

Кроме природно-географических условий, особые черты, свойственные старообрядцам, диктовались религиозно-этическими факторами. Любая недоминирующая конфессия, испытывающая притеснения от государства, стремится самоизолироваться. Для старообрядцев эта тенденция проявилась в сохранении строгих бытовых устоев, трезвости, трудолюбии, стремлении к образованию, особом отношением к книге. Титулярный советник Домбровский в своем отчете обратил внимание на следующие характерные черты раскольников Черниговской губернии: «...раскольники по обрядам своим разных наименований в слободах живущие, трудолюбием, деятельностью промышленной, и трезвой жизнью весьма отличают себя от темных жителей Малороссии»¹⁵. В то же время производственные успехи вынуждали старообрядцев к налаживанию делового общения и торговых связей с представителями других социальных и профессиональных групп. В исследовании хозяйственной деятельности старообрядческих общин А.М. Дубровского и М.В. Кочергиной отмечается: «Известно, что старообрядец-предприниматель был не только хозяином, но и духовным наставником, «отцом» общины, прихода, фабрики, мастерской. Од-

нако ... такое положение характерно для начальных стадий в развитии крупного производства. Неизбежным становится стихийное вливание в среду рабочих и нестарообрядцев. Черты корпоративности в таких условиях ослабевали, предприятие теряло черты единой общины»¹⁶.

В итоге можно выделить основные исторические условия формирования старообрядчества в Черниговской губернии.

Одновременно с переселением в пограничный российский регион происходит адаптация в новых социальных и географических условиях. Старообрядцы вынуждены приспосабливаться к неблагоприятным географическим условиям и развивать земледелие, ремесленные промыслы, торговлю. Это привело к соединению в групповом сознании старообрядцев религиозности и рационализма. Изолированность и положение меньшинства сформировало индивидуалистический подход. Главным организатором трудовой деятельности и потребителем результатов труда выступало отдельное домохозяйство. Таким образом, личная инициатива и ответственность за свое благосостояние явились неоспоримым фактором развития старообрядчества Черниговщины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные отделами Генерального штаба. Черниговская губ. СПб., 1865. – С. 528.
2. Лилеев М.И. Из начальной истории раскола в Стародубье. Киев, 1889; Лилеев М.И. Материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв. Киев, 1895; Лилеев М.И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии. СПб., 1880; Лилеев М.И. Очерк миссионерских мер по обращению в православие стародубских и черниговских раскольников до времени Екатерины. Чернигов, 1895.
3. Пругавин А.С. Раскол – сектанство. Материалы для изучения религиозных и бытовых движений русского народа. М., 1887; Пругавин А.С. Раскол сверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб, 1909; Пругавин А.С. Раскол и сектанство в русской народной жизни. М., 1905; Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерк из новейшей истории раскола. М., 1904
4. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1931.
5. Брянцев М.В. Концепция труда в расколе // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы международной научно-практической конференции. Гомель. 2003; Расков Д.Е. Купцы-староверы в экономике Санкт-Петербурга// Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М., 2000; Кочергина М.В. Духовные связи старообрядцев Стародубья и Ветки и подмосковных Гуслиц (II пол. XVIII - нач. XX вв.)// **Гуслицкая округа. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 1. Куровское, 2006**; Рошин М.Ю. Старообрядчество и труд//Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 2. М., 1994.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи департамент Генерального штаба. т. XII. ч. II. Черниговская губерния. СПб. 1851. – С. 10-11.
7. Русов А.А. Описание Черниговской губернии. тт. I-II, Чернигов, 1899. – С. 27.
8. Военно-статистическое обозрение Российской империи департамент Генерального штаба. т. XII. ч. II. Черниговская губерния. СПб. 1851. – С. 65.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи департамент Генерального штаба. т. XII. ч. II. Черниговская губерния. – С. 65.
10. Там же. – С. 38.
11. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1904. – С. 206.
12. Военно-статистическое обозрение Российской империи департамент Генерального штаба. т. XII. ч. II. Черниговская губерния. СПб. 1851. – С. 70.
13. Записки Черниговского Статистического Комитета. Кн. 1. Чернигов. 1866, табл. 2.
14. Военно-статистическое обозрение Российской империи департамент Генерального штаба. т. XII. ч. II. Черниговская губерния. СПб. 1851. – С. 66.
15. ГА РФ ф. 109, III отд. с. е. и. в. к., оп. 56, ед. хр. 15.
16. Дубровский А.М., Кочергина М.В. Хозяйственная деятельность старообрядческих монастырей Ветки-Стародубья в конце XVIII-первой половине XIX века// Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы международной научно-практической конференции. Гомель. 2003. – С. 73.

Э.Б. Галиев
Оренбургский государственный
аграрный университет

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация

Отмена крепостного права и вызванные ею реформы оказали серьезное влияние на развитие полицейских учреждений. Чины полиции помогали местной власти избегать вооруженных столкновений с населением в ходе проведения крестьянской реформы в целях стабилизации социально-политической ситуации на Южном Урале. В конце XIX – начале XX вв. становится очевидным аграрный кризис. В условиях аграрных беспорядков и самоуправства крестьян действия полиции были направлены на их предупреждение и прекращения.

THE LEGISLATIVE BODIES' ROLE IN REALIZATION OF GOVERNMENT AGRARIAN POLICY IN THE SECOND HALF XIX – BEGINNING XX CENTU- RIES IN SOUTH URAL

Adgar Galiev

Orenburg state agrarian university, Orenburg

Abstract

With the emancipation of serfdom and reforms occasioned by the situation influenced on the development of police institutions. Police officials helped local authorities to avoid meetings with population in putting into practice peasant reform and stabilized social-political situation in South Ural. Towards the end of XIX - beginning XX centuries the agrarian crisis was obvious. The actions of polis were directed to prevent and put an end to agrarian disorders and arbitrariness of peasant masses.

Правоохранительные органы всегда служили важнейшим аппаратом государственной власти в регулировании социальных отношений. Отмена крепостного права определила в 60 – 80-е гг. XIX в. одно из основных направлений деятельности южноуральской полиции, как и всех органов правопорядка Российской империи – содействие в проведении крестьянской реформы.

Ликвидация крепостной зависимости крестьян представляла собой не единовременный акт 19 февраля 1861 г., а длительный процесс, растянувшийся на несколько десятилетий. Реализация реформы началась с обнародования Манифеста «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, об устройстве их быта»¹. Объявление Манифеста о реформе состоялось в г. Уфе 15 марта в присутствии флигель-адъютанта Г.А. Кригера, командированного в качестве особо доверенного лица Александра II для содействия губернскому начальству в практическом осуществлении «Положения 19 февраля» и в обеспечении «порядка и спокойствия»². В тот же день Манифест был разослан уездным земским исправникам для объявления

его крестьянам. Министерство внутренних дел и местные власти понимали, что реформа не оправдала надежды крестьян на полное освобождение и безвозмездное получение надела, что могло привести к волнениям и беспорядкам. Для предотвращения этого Министерством внутренних дел на места направлялось множество инструкций и циркулярных предписаний³, в соответствии с которыми местными властями принимались необходимые меры.

Распоряжением оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П. Безака было предписано заводским и земским исправникам, в случае возникновения каких-либо волнений, немедленно обращаться с требованием о присылке военной силы непосредственно к начальникам казачьего войска. Оренбургское казачье войско выставило 10 конных полков и несколько пеших батальонов. Кроме того, военную повинность выполняли население 9 кантонов Башкирского войска. Всего за период с 1861 по 1869 гг. в заводские поселки и сельские населенные пункты Урала военные и казачьи команды вводились 64 раза⁴.

С первых дней обнародования Положений министр внутренних дел каждую неделю докладывал императору о ситуации в стране. Сведения о крестьянских волнениях поступали отовсюду. Из Оренбургской губернии были получены сведения о «непослушаниях» горнозаводских крестьян медеплавильных заводов Пашковых – Воскресенского, Преображенского, Верхоторского и Архангельского. Во время объявления Манифеста они отказались от работ и почти все ушли из рудников по домам⁵.

В первые месяцы после объявления Манифеста (весна – лето 1861 г.) наблюдалась слабая политическая активность помещичьих крестьян. Преобладающей формой протеста являлся отказ повиноваться помещику. Так, мензелинский земский исправник рапортовал о неповиновении крестьян и о самовольной порубке помещичьего леса в имениях Горчакова и Пасмуровой. В эти имения были направлены два взвода казаков для предотвращения волнений среди крестьян и предупреждения беспорядков в других имениях⁶. В имения г. Пальчикова, где крестьяне оказали неповиновение помещику, порядок был восстановлен убеждениями станового пристава⁷. Стерлитамакский земский исправник сообщал о неповиновении сельским властям крестьян села Петровского господ Тимашевых, куда по согласованию с гражданским губернатором направились флигель – адъютант Г.А. Кригер и уездный предводитель дворянства⁸. В докладной записке оренбургского предводителя дворянства, направленной генерал-губернатору, говорилось, что во многих имениях крестьяне оказывают явное неповиновение и под разными предлогами уклоняются от обязательных работ⁹.

Период усиления социальных конфликтов осенью 1861 – 1863 гг. был связан с нежеланием крестьян принимать уставные грамоты и исполнять по ним повинности. Так, проверка и введение в действие уставных грамот были причиной беспорядков в имениях гг. Дашковых, Соколова и Тимашевых, Балашевых, Авдеевых, Сергеева, Булгакова и в других, куда для восстановления порядка были направлены военные части¹⁰. Например, крестьяне деревни Сукулак помещика Соколова отказались принять уставную грамоту и исполнять Положения 1861 г.¹¹. Крестьяне выступали против навязывания им неплодородной земли, высокого оброка. И только после устрашения соглашались присутствовать при прочтении им уставной грамоты. Причинами нежелания

крестьян подписывать уставные грамоты являлись: недоверие крестьян к владельцам и ожидание указа о «полной воле», боязнь снова связать себя кабальными условиями; невыгодность условий уставных грамот.

В Министерство внутренних дел поступало множество сообщений о случаях отказа крестьян платить оброк или отбывать барщину в имениях, где уже были введены в действие уставные грамоты. Так, оренбургский губернатор докладывал в министерство о случаях неисправного отбывания повинностей временно-обязанными крестьянами в Стерлитамакском, Оренбургском, Белебеевском и Уфимском уездах¹². Крестьяне села Бардовки Бирского уезда отказались от исполнения повинностей уже по составленной и введенной в действие уставной грамоте, ссылаясь на чересполосицу своих наделов. И только после прибытия исправника и военной команды крестьяне согласились отбывать издольную повинность¹³. Подобных примеров множество, что свидетельствовало о политической нестабильности в стране. За период с июня 1861 г. по декабрь 1869 г. было зафиксировано 110 случаев крестьянских волнений, 37 из них – в Уфимской и Оренбургской губерниях. Полиция не всегда могла справиться с ними своими средствами, и каждое второе волнение подавлялось с помощью военных команд.

Одновременно с проведением крестьянской реформы 1861 г. началось реформирование полиции на основе Временных правил от 25 декабря 1862 г.¹⁴ Прежние полицейские органы в уездном городе (городничий и его канцелярия) и уезде (земский исправник и земский суд) были объединены в возглавляемые исправниками уездные полицейские управления. Централизация городской и уездной полиции усиливала власть исправников, в ведении которых находились все основные дела полицейского управления уездного города и уезда. В губернских городах были созданы городские полицейские управления, возглавляемые полицмейстером. В сельской местности сохранялось деление уездов на более мелкие полицейско-территориальные единицы - станы, которыми руководили становые приставы. Станы разбивались на участки (сотни), которые могли включать в себя несколько селений. Полицейские обязанности в них возлагались на сотских и десятских, подчинявшихся становым приставам.

С целью укрепления полиции в сельских местностях, Указом 9 июня 1878 г. император утвердил «Временное положение о полицейских управлениях в 46-ти губерниях, по Общему учреждению управляемых». Согласно Положению, в каждом стане была создана должность ближайшего помощника станового пристава – полицейского урядника. Круг обязанностей, возлагаемых на полицейских урядников, был необычайно велик. Они обязаны были обеспечивать порядок около церквей, особенно во время богослужения и крестных ходов. На них возлагалась обязанность не допускать распространения каких-либо слухов, направленных против правительства, законных властей и общественного порядка. Должны были обеспечивать общественную безопасность, выявлять факты ношения запрещенного оружия, не допускать стрельбы, где это запрещено, контролировать соблюдение мер предосторожности при складировании и перевозке тяжеловесных грузов, при содержании диких зверей, при быстрой езде и в других случаях. Осуществляли контроль за соблюдением правил продажи спиртных напитков, запрещали азартные игры в питейных заведениях.

Полицейские урядники докладывали становому приставу, судебному сле-

дователю и товарищу прокурора окружного суда о чрезвычайных преступлениях и происшествиях, до прибытия кого-либо из вышеперечисленных лиц приступали к проведению дознания. Обязаны были при открытом сопротивлении распоряжениям полиции или законным представителям власти докладывать становому приставу с целью принятия установленных законом мер. В качестве профилактико-предупредительных мер урядники обязывались регулярно обходить или объезжать вверенный им участок территории уезда, посещать общественные места и промышленные предприятия, осматривать глухие места и притоны. На них возлагалось негласно следить за политически неблагонадежными и подозрительными лицами, наблюдать за поведением лиц, водворенных на местах жительства под надзор полиции.

В их обязанность входил надзор за состоянием дорог и дорожных сооружений, телеграфных проводов, межевых знаков и сохранность деревьев. О выявленных недостатках они должны были докладывать становому приставу. В целях профилактики инфекционных заболеваний и соблюдения санитарных норм урядники наблюдали в селениях за уборкой улиц, исправностью канав, ограждением колодцев. Следили за соблюдением санитарных норм при торговле на сельских рынках продуктами питания, соблюдением гигиены при обслуживании больных и умерших от инфекционных болезней. Кроме того, урядники наблюдали за соблюдением правил охоты на птиц и зверей, а также рыбной ловлей.

Несмотря на то, что введение новой должности увеличило в 2 – 3 раза общую численность профессиональной полиции в уезде, однако это было недостаточно для огромных территорий уездов Южноуральского региона. Нагрузка на уездное полицейское управление по-прежнему оставалась непосильной. Неопределенность обязанностей южноуральской полиции объяснялась сохранением за ней не только правоохранительных, но и отчасти судебных функций, поскольку проведение судебной реформы на Южном Урале затянулось. Кроме того, на оренбургскую уездную полицию возлагалось большое количество обязанностей по общему управлению, которые в земских губерниях выполняли земства.

С отменой в 1865 г. кантонной системы управления Башкиро-Мещерякское войско было выведено из состава военного ведомства. В отношении полиции и суда башкиры и мишари передавались в заведование общих гражданских учреждений. В связи с передачей башкир в гражданское ведомство начальник Уфимской губернии в августе 1866 г. выступил с предложением «об увеличении средств полиции», что было связано с нерешенностью земельного вопроса. Практика насильственного завладения спорными землями, которая присутствовала в Башкирии, нередко сопровождалась убийствами, отвлекая становых приставов от общих обязанностей, и требовала создания временных полицейских отделений¹⁵.

В середине 60-х гг. XIX в. была проведена административно-территориальная реформа Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства. Его огромная по площади территория была разделена на ряд самостоятельных административных единиц. Из состава генерал-губернаторства была выделена Область оренбургских киргизов (1868 г.), самостоятельность получила Самарская губерния (1865 г.). 31 мая 1865 г. по указу Правительствующего сената Оренбургская губерния была разделена на две: Уфимскую и Оренбургскую,

при общем руководстве генерал-губернатором. Только после ликвидации генерал-губернаторства в 1881 г. губернии окончательно обособились в административном отношении. В рамках проводимой реформы появились новые административные единицы, изменился статус некоторых населенных пунктов. Как следствие, произошло перераспределение территории полицейских станов и их числа. Постепенно увеличивается количество станов, если в 1865 г. в Оренбургской губернии было 18, то в 1884 г. – 21 стан¹⁶, в Уфимской губернии – соответственно, 26 и 27 станов¹⁷.

С 1 января 1883 г. прекращались «временнообязанные» отношения крестьян с помещиками, крестьяне переводились на обязательный выкуп, что усилило борьбу за землю. Особенно острый характер она приобрела в Уфимской губернии, на которую в 80-е гг. приходилось 53,7 % общеуральского числа выступлений крестьян.¹⁸ В 1882 г. аграрное движение приняло массовый характер. Волнения сначала охватили Белебеевский уезд, затем перекинулись в Бирский, Уфимский, Стерлитамакский. К лету 1883 г. крестьянское движение охватило почти всю губернию и распространилась на ряд смежных с ней волостей Пермской и Оренбургской губерний. В этих сложных условиях прежде всего на полицию возлагалась задача прекращения беспорядков и восстановление нарушенного права собственности. Не мене сложным и неблагоприятным видом деятельности полиции, который перешел к ней от палаты государственных имуществ, стал сбор недоимок с крестьян, нередко сопровождавшийся описью и продажей имущества неплательщиков.

На рубеже веков в России сложился комплекс взаимосвязанных социально-экономических проблем, одной из которых было ухудшение положения крестьянства. Истоки этого процесса лежали в самом характере крестьянской реформы 1861 г., предусматривавшей такие нормы надела, которые в перспективе не позволяли большинству крестьян улучшить свое хозяйство. В связи с этим уже в начале 80-х гг. XIX в. стал вызревать аграрный кризис.

В конце XIX - начале XX вв. земельная обеспеченность крестьянского населения значительно сократилась. Большая масса крестьян, разоренная выкупными платежами, чрезмерными налогами и высокой арендной платой, не могла рационально организовать производство. Придавленное двойным гнетом – остатками крепостничества и растущей капиталистической эксплуатацией, мелкое крестьянское хозяйство велось на небольших участках примитивными орудиями, рутинными приемами земледелия. Все это не могло обеспечить высокой урожайности. Социальный протест крестьян против бедственного положения выражался в самовольном захвате земель, поселении на чужих участках, порубках частновладельческих и казенных лесов. Подобные условия являлись благодатной почвой для распространения в крестьянской среде слухов и воззваний антиправительственного характера, порождающих волнения среди крестьян. Чины полиции принимали меры к прекращению самоуправства крестьян.

Были случаи самовольного поселения на земле. Так, начальник Оренбургской губернии сообщил министру внутренних дел о том, что крестьяне, прибывшие из разных губерний, самовольно поселились на участке, принадлежащем купцу Шихобалову. По решению мирового судьи крестьяне подлежали выселению с участка. При приведении в исполнение решения судебный пристав встретил отказ крестьян-переселенцев добровольно подчиниться судеб-

ному решению, поэтому пристав обратился за помощью к местной полиции. Уездный исправник, прибыв на место и собрав поселенцев, предлагал им исполнить судебное решение. Несмотря на все убеждения, поселенцы в числе 160 домохозяев отказались добровольно оставлять заселенную ими землю. Уездный исправник, предупредив поселенцев о наказании в случае сопротивления полиции, отдал распоряжение начать выселение с главного подстрекателя крестьянина Ивана Дубровина. Его имущество сложили на подводы и увезли в соседнее село на базарную площадь, оставили там под присмотром чинов полиции. К вечеру все избы, землянки и амбары были освобождены от жильцов и имущества, опечатаны, земля сдана приказчику купца Шихобалова¹⁹.

Широко были распространены случаи самовольной порубки частновладельческого и казенного леса. Так, жена землевладельца-дворянина О.Ф. Крашенинникова заявила в полицию, что в ее лесной даче, находившейся в Петровской волости, крестьяне деревни Николаевки производят несколько дней порубку строевого леса, просила самоуправство прекратить и виновных привлечь к ответственности. Пристав, прибыв на место порубки с конными стражниками, изгнали из леса крестьян, отобрав 14 топоров и 3 серпа и часть нарубленного леса. В ходе дознания оказалось, что крестьяне, прежде чем приступить к порубке леса, всем обществом в присутствии сельского старосты на сходе согласились поделить, а затем вырубить лес на даче Крашенинникова²⁰. Как правило, крестьяне действовали всем обществом. Так, крестьяне Николаевского сельского общества Троицкого уезда на сельском сходе постановили просить земского начальника ходатайствовать об удалении из села Николаевки казаков, присланных для наведения порядка, обязываясь круговой поручкой не допускать насилий по отношению к имению графа Мордвинова, подчиняться законным требованиям властей²¹.

Усиление крестьянских волнений, расширение рабочего движения, совершенствование форм и методов революционной борьбы, а также рост уголовной преступности потребовали увеличения численности полицейских. 5 мая 1903 г. был принят закон об учреждении уездной полицейской стражи²², которым в 46-ти губерниях Европейской России при станowych приставах и полицейских урядниках создавалась уездная полицейская стража для «охраны благочиния, общего спокойствия и порядка в местностях подведомственных уездной полиции». Законом в каждой волости вводились должности урядника и необходимого числа стражников, из расчета не более одного на 2500 душ населения. Кроме того, в каждой волости учреждалась должность десятского на общественных началах. Главной функцией стражи являлось пресечение антиправительственных выступлений местного значения с тем, чтобы не отвлекать основные силы полиции.

Особенно широкий размах крестьянское движение приняло в период первой русской революции с 1905 по 1907 гг., под влиянием пропаганды социалистических идей, распространения литературы антиправительственного содержания. В Министерство внутренних дел все чаще стали поступать сведения о готовящемся массовом выступлении крестьян. «Крестьяне усиленно готовятся к революции, ведется пропаганда социалистических идей, печатаются прокламации, призывающие население активно включаться в борьбу с самодержавием»²³, - говорилось в донесениях губернаторов, в том числе оренбургского и уфимского. Крестьяне под давлением революционной агитации

были настроены решительно. Министру внутренних дел стало известно, что в крестьянской среде появляются присылаемые из-за границы печатные воззвания, одно из них, под названием «Мужичкам и всем простым людям», призывает народ к неповиновению законным властям, захвату земель, возбуждает ненависть к духовенству и купечеству. Ввиду чего начальник Оренбургской губернии обязал уездных исправников принять меры к нераспространению подобных воззваний²⁴. Большое количество листовок с призывом к выступлению против помещиков было обнаружено в Челябинском и Верхнеуральском уездах²⁵. В ноябре 1905 г. всем уездным исправникам и земским начальникам было направлено распоряжение, предписывающее подвергать обыску и аресту агитаторов, действующих от имени Всероссийского аграрного союза²⁶. Обеспокоенное положением дел на местах, правительство направило всем губернаторам письмо, в котором полиции и земским начальникам рекомендовалось немедленно объехать участки, внимательно относиться ко всякого рода законным требованиям крестьян по земельным делам, совместно выезжать на места, где заметны были какие-либо волнения на почве несогласия с помещиками, обстоятельно разбираться, но в случае посягательства со стороны крестьян на право собственности соседних с ними землевладельцев, решительно пресекать²⁷.

Наращение в конце XIX - начале XX вв. социальных, политических и экономических противоречий в российском обществе требовало принятия профилактических мер по предупреждению и пресечению массовых выступлений со стороны полиции. На данном направлении деятельности было сосредоточено основное внимание центральных и региональных властей. В то же время на Южном Урале к началу XX в. число полицейских станов уже не удовлетворяло требованиям охраны общественного порядка в связи с значительным ростом населения. Общая малочисленность полиции усугублялась неравномерным распределением полицейских сил, несоответствием их плотности населения, постоянной неукомплектованностью.

Можно сделать вывод, что в конце XIX - начале XX вв. становится очевидным аграрный кризис, вызванный сокращением крестьянского землевладения, ухудшение экономического положения крестьянского хозяйства. Это вызывало волнения в среде крестьян, приводившие к беспорядкам. Особенно широкий размах крестьянское движение приняло в период с 1905 по 1907 гг., под влиянием пропаганды социалистических идей, распространения литературы антиправительственного содержания с призывами оказывать сопротивление властям. Действия полиции в этих условиях было направлены на предупреждение и прекращение всякого рода волнений и беспорядков среди населения и устранения причин, способных их вызвать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание законодательства (далее: ПСЗ) Собр. 2. Т. 36. № 36650.
2. Государственный архив Оренбургской области (далее: ГАОО). Ф. 6. Оп. 8. Д. 129. Л. 34.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 129. Л. 41–42.
4. Кобзов В.С., Шадрин В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. М., 2003. - С. 120.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 128. Л. 17, 22-23; Д. 129. Л. 107–109; Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861 – 1862 г. / отв. ред. С.Н. Валк. М., Л., 1950. - С. 17-31.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 128. Л. 26–26 об.

7. Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861 – 1862 г. / отв. ред. С.Н. Валк. М., Л., 1950. – С. 39.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 128. Л. 25.
9. Там же. Л. 401.
10. Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861 – 1862 г. / отв. ред. С.Н. Валк. М., Л., 1950. – С. 158–196.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 147 а. Л. 127.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 148. Л. 13–14.
13. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее: ЦГИА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 554. Л. 5–5 об.
14. «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» от 25 декабря 1862 г. // ПСЗ-2. Т. 37. № 39087.
15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 183. Л. 37.
16. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 48 / 1. Л. 14.
17. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 561. Л. 32.
18. Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005. – С. 114.
19. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 23–54 об.
20. ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 3. Л. 165–165 об.
21. ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 3. Л. 26.
22. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи» от 5 мая 1903 г. // ПСЗ – 3. Т. 23. № 22906.
23. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 237. Д. 11. Л. 1–3, 61.
24. ГАОО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–1 об.
25. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 175. Л. 20; Д. 219. Л. 1–2.
26. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10. Л. 84.
27. Там же. Л. 1-3.

С.М. Санькова
Орловский государственный
технический университет

МИХАИЛ НИКИФОРОВИЧ КАТКОВ: В ПОИСКАХ МЕСТА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Аннотация

Данная статья характеризует основные этапы жизни и деятельности М. Н. Каткова до начала издания совместно с П.М. Леонтьевым журнала «Русский вестник». Автор прослеживает процесс формирования Каткова как личности и выработки его общественно-политических взглядов, проявившихся в дальнейшем в его редакторской и публицистической деятельности.

В ноябре этого года исполняется 190 лет со дня рождения Михаила Никифоровича Каткова. Несмотря на изменившуюся ситуацию в отечественной историографии, над которой больше не довлеют идеологические клише, обращение к личности Каткова по-прежнему сопряжено с рядом сложностей, что и обусловило отсутствие до настоящего времени его полной научной биографии¹. Сложности эти вызваны тем, что Михаил Никифорович был сколь неординарным, столь и неоднозначным общественным деятелем. Это, в свою очередь, привело к тому, что Катков на протяжении своей жизни выступал в нескольких ипостасях, каждой из которых хватило бы на отдельную жизнь, требующих каждая отдельного исследования. Назовём основные из них.

На заре своей юности Катков – студент Московского университета, член кружка Станкевича, друг Белинского, постигающий философию Гегеля, пробующий свои силы на поприще переводов и литературной критики в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках». Период обучения в Берлинском университете стал своеобразным водоразделом между этим этапом его жизни и следующим – преподаванием в Московском университете. И, возможно, Катков остался бы в истории как один из профессоров философии, если бы стечение обстоятельств не лишило его возможности занимать кафедру.

Во многом по воле случая Катков вступает на поприще редактора университетской газеты «Московские ведомости», но проявляет себя вполне подготовленным к подобной деятельности, быстро изменяя облик газеты в лучшую сторону, способствуя, в числе прочего, её экономическому успеху. Эта деятельность вполне обеспечила бы Каткову достойное место в почётном списке редакторов газеты Московского университета, но здесь, не дожидаясь вновь случая, Катков решает сам на новые перемены в своей жизни. Преодолев сопротивление обстоятельств и отказавшись от стабильности положения государственного служащего, он решает на издание частного журнала «Русский вестник». Это, пожалуй, был бы самый яркий период деятельности Каткова по значительности вклада в отечественную культуру и общественную мысль, но его затмило новое предприятие Каткова – «Московские ведомости», взятые в аренду у университета и превращённые, выражаясь его собственными словами, в «личный орган». К способностям и уже приобретённому опыту Каткова на этом последнем поприще добавились обстоятельства 1863 года. Передовицы

газеты Каткова в период польского восстания положили начало его международной славы как создателя российской политической печати и редактора русского «Таймс».

Безусловно, Катков как редактор личной газеты оказал наибольшее влияние не только на внутривосточную, но и на международную жизнь, что было признано как в России, так и за рубежом всеми, несмотря на диаметрально противоположные оценки этого влияния. Но, приведя Каткова к вершине его славы, «Московские ведомости» невольно затмили собой все предшествующие периоды его жизни, которые до сих пор являются наименее освещёнными. Между тем именно в юности и молодости Каткова следует искать ответ на вопрос, почему человек, которому, казалось бы, самым происхождением и положением уготовано было стать борцом с существующим строем, вошёл в отечественную историю как консерватор и охранитель, определивший в конце жизненного пути свою деятельность как роль «сторожевого пса» самодержавия.

В детские годы Катков был близок к тому, от чего учит не зарекаться русская пословица. Родившись в семье титулярного советника, он пяти лет от роду остался с годовалым братом на попечении матери Варвары Акимовны, которая из-за крайней бедности вынуждена была работать кастеляншей в Бутырской тюрьме. Младшего сына она вынуждена была отдать на воспитание в семью своей сестры, а воспитанием и начальным обучением старшего занималась сама. Дальнейшее образование Михаил Никифорович получал, что называется, «по случаю», поучившись в Преображенском сиротском училище, затем – около года в первой Московской гимназии и, наконец, попав в известный в то время пансион профессора М.Г. Павлова. Окончив его в 1834 г., семнадцатилетний Катков поступил в Московский университет на словесное отделение.

Во время учёбы в университете, благодаря своим талантам и трудолюбию, Катков снискал славу блестящего студента, которого ставили в пример другим и на чьи экзаменационные ответы «новички-студенты» ходили, как на представление. Характерный штрих к портрету Каткова этого периода даёт Н. А. Любимов, замечавший, что тот занимался всегда «своеобразно и самостоятельно», и потому «никого из профессоров нельзя назвать его учителями»². Эти обстоятельства, по всей видимости, способствовали формированию его, отмечаемой всеми, манере держаться уверенно и независимо и всегда стоять на своём. Блестящие способности Каткова не могли не обратить на себя внимание попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова, который сыграл в его дальнейшей судьбе не последнюю роль.

Таланты и дарования Каткова были оценены и в кружке Станкевича, самым юным членом которого он стал. Но, несмотря на свою молодость, Катков и здесь вёл себя крайне независимо, не случайно в мемуарах И. И. Панаева неоднократно всплывает образ молодого человека в «позе Наполеона» со скрещенными на груди руками и прищуренными глазами. Сохранился ряд восторженных отзывов о Каткове Белинского, который, будучи старше на семь лет, характеризовал своего младшего товарища как многообещающего мыслителя, одного «из лучших людей, каких только встречал» он в жизни и признавался, что иногда ощущает «его превосходство над собою»³. Следует отметить, что плохо знавший немецкий язык Белинский нуждался в помощи товарищей, в том числе и Каткова, для изучения философских работ Гегеля, которым в то

время был увлечён весь кружок. Вплоть до поездки Каткова за границу между ним и Белинским сохранялись дружеские отношения, омраченные лишь одной размолвкой. Вызвана она была отнюдь не философскими спорами, а общим увлечением старшей дочерью М. С. Щепкина. Как только оба товарища охладели к ней, их дружеское общение возобновилось.

Как известно, среди двух основных кружков того времени – Станкевича и Герцена – последний большее внимание обращал на политические и социальные вопросы, а первый главным образом интересовался философией, эстетикой и литературой. Кружок Станкевича находился под сильным влиянием немецкого романтизма, его члены не только обсуждали философские вопросы, но и делали переводы и декламировали друг другу современных немецких поэтов. Из прозаиков особой любовью пользовался Гофман. Именно с ним связан один эпизод, ярко характеризующий личность юного Каткова, описанный И. И. Панаевым. Однажды Каткову пришла в голову фантазия пригласить Панаева провести вечер в погребке, «как это делывал в Берлине знаменитый Гофман». На все увещевания Панаева о том, что в Москве «не водится» пить вино в погребах, что его там только покупают, а пьют дома, Катков лишь обвинял приятеля в «дворянских предрассудках и нелепых приличиях», не понимая, почему они не могут завести новый обычай и поступить так, как им хочется. Однако один пойти в погребок Катков не решился, но несколько дней после этого разговора «дулся» на Панаева⁴.

Приведённый случай представляется весьма символичным. Можно сказать, что все члены кружка Станкевича искали свой «погребок», чтобы скрыться в нем от удушающей атмосферы николаевского режима. Одни погрузились в славянофильскую идею о прошлой прекрасной Руси, другие – в столь же условную теорию благополучного Запада, а Катков, так и не найдя ни в Москве, ни, позднее, в Германии своего «погребка», преодолев, по всей видимости, определенное разочарование юности, нашел в себе силы жить в реальной России. И двадцать лет спустя романтический «погребок» ему заменила маленькая комнатка редактора «Московских ведомостей», в которую попасть можно было, только сказав заветные слова и поднявшись с чёрного хода по крутой узкой лестнице. Он сам превратился в персонажа любимого в юности Гофмана, появляясь, как фейерверк, на один день в Петербурге, в течение нескольких дней успевая сделать множество необходимых визитов и переговорить с большим количеством людей, ускользая от ещё большего количества искавших встречи с ним, и вновь исчезая в своей уединенной московской каморке. Но вернемся ко времени юности Каткова.

Знание Катковым английского, немецкого и французского языков не только возвышало его в глазах товарищей, но и давало основное средство к существованию его самого, матери и брата. Катков много переводит поэзию, прозу, критические статьи. В числе прочего он сделал первый полный перевод трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта». Окончив университет в 1838 г. кандидатом с отличием, через год Катков сдал экзамен на степень магистра. В этом же 1839 г. в «Отечественных записках» Краевского увидело свет его первое самостоятельное произведение – предисловие к его же переводу литературоведческой статьи об А.С. Пушкине немецкого биографа и критика Варнгагена фон-Энзе. В признании гения Пушкина германским критиком Катков видел признание русской культуры в глазах всей Европы, а вместе с тем и на-

дежду на возможность её дальнейшего развития «на равных» с европейской.

В 1840 г., после отъезда Белинского в Петербург, Катков сблизился с кружком Н. П. Огарёва. Между первой женой Огарёва, Марией Львовной и Катковым возник роман, преданный огласке М. А. Бакуниным. Белинский в письме В. П. Боткину, нисколько не осуждая сам факт романа, удивлялся, что Катков мог найти в столь пустом предмете для обожания. Летом 1840 г. на квартире Белинского состоялось выяснение отношений между Катковым и Бакуниным. Примечательно, что во время ссоры Катков более всего был возмущен тем, что Бакунин ударил его тростью по спине. Эти действия, как и в приведенном выше случае с Панаевым, были истолкованы им как барская замашка. Катков в ответ ударил Бакунина несколько раз по лицу. Оскорбленный такими действиями Бакунин вызвал «обидчика» на дуэль. Ввиду того, что предполагаемые дуэлянты намеревались вскоре отправиться в Германию для слушания лекций в Берлинском университете, дуэль было решено перенести за границу, однако эта история не получила продолжения. Возможно, Каткова и Бакунина примирило известие о смерти Станкевича.

Катков рассчитывал перед поездкой в Германию получить деньги с книгопродавца В. П. Полякова за перевод «Ромео и Юлии», однако, обнадеживаемый до последнего дня посулами, он этих денег так и не получил и вынужден был отплыть 19 октября 1840 г. с последним пароходом из Кронштадта в Любек, имея на руках не более двух сотен рублей. «Спасайте меня, – призывал он своих друзей во время прощанья, – высылайте же мне скорее деньги в Берлин... Я могу умереть с голоду, если вы меня забудете»⁵.

В Германии Катков жил, практически нищенствуя и перебиваясь небольшими редкими гонорарами от Краевского и займами у земляков. Но и при таких условиях он продолжал поражать соучеников и преподавателей самоотверженным рвением к знаниям. Самоотверженность эту отчасти объясняют письма Каткова к семье и друзьям, в которых он признавался, что философия «благотворно действует» на его дух, и он надеется с её помощью выбраться «на чистую воду»⁶. Из подобных откровений явствует, что образование для Каткова в тот период было не самоцелью, а средством для окончательного формирования собственного мировоззрения. И подобное отношение, к учебе вкупе с блестящим знанием немецкого языка, сделали для него открытыми не только лекции немецких философов К. Вердера, И. К. Ватке и одного из кумиров мыслящей Европы – Шеллинга, но и двери дома последнего. «Шеллинговы лекции имеют для меня великое значение, – писал он в письме к матери и брату, – я слушал их с жадностью: столько глубокого, оригинального, поучительного! У меня открылись глаза на многое, на что прежде были закрыты; много предчувствий моих уяснилось...». Последнее замечание представляется наиболее важным для формирования картины становления мировоззрения Каткова. В лекциях Шеллинга по философии Откровения, соединявших идеализм и Священное писание, Катков нашел завершение своих собственных взглядов на мир, ощущавшихся им до того не достаточно ясно, но, тем не менее, уже присутствовавших и в основе своей консервативных.

Утвердившись в своих философских и жизненных позициях, Катков отказывается от работы в журнале Краевского и решает по возвращению на Родину поступить на государственную службу. Письма к матери и брату показывают, что этот выбор, помимо карьерных устремлений, имел под собой и искреннее

желание оказаться полезным своей стране. «О России я думаю и мечтаю очень часто, – писал он, – и всякий раз более чувствую крепость связей, соединяющих меня с моим народом; знаю, знаю, но всё же убежден – самую лучшую наградой за все мои труды, разумеется в будущем, была бы хоть какая-нибудь польза, принесённая с моей стороны»⁷.

Однако по возвращении в Россию Катков не сумел получить чиновничьего места. Г.С. Строганов убедил Каткова попробовать себя на университетском поприще и помог ему устроиться учителем в доме Голицыных, что давало ему и содержание и возможность работы над диссертацией.

Именно 1842 г., год возвращения Каткова из-за границы, Герцен считал временем, когда окончательно оформились направления западников и славянофилов. И от тех и от других Катков дистанцируется и практически не участвует в философских и литературных дискуссиях, кажущихся ему теперь пустыми и наивными. Отторжение Каткова и бывших товарищей по кружку Станкевича было взаимным. Последние не приняли «нового» Каткова, Каткова-шеллингианца. «Каткова ты видел, – писал Белинский В. П. Боткину. – Я тоже видел. Знатный субъект для психологических наблюдений. Это Хлестаков в немецком вкусе...»⁸. Характеризуя создавшуюся ситуацию своему товарищу по Берлинскому университету А. Н. Попову, Катков писал: «Я здесь молчу и только слушаю: там слышишь, что Россия гниёт; здесь, что Запад околевает как собака на живодёрне...»⁹. Из этого письма явствует то отношение к западничеству и славянофильству, которое и привело Каткова к некоему «серединному» в данном вопросе положению. Позднее на страницах «Русского вестника» Катков писал: «С одной стороны мы видим бессильную и слепую фантазию, которая вселяет только недоверие и подозрительность относительно предметов своего увлечения, а с другой жалкое презрение ко всякому оригинальному проявлению народности, якобы слишком грубому, не довольно вышколенному административную розгой, в которой видят они животворную силу исторического развития и народного образования»¹⁰. Катков не одобрял и ещё одну особенность этих течений, заключавшуюся в споре ради спора и в критике противоположной стороны не ради истины, а ради посрамления противника. Подобный характер полемики был неприемлем для Каткова в таком важнейшем вопросе, как будущность государства.

В 1845 г. Катков защищает диссертацию «Об элементах и формах славяно-русского языка» и до 1850 г. преподаёт в Московском университете по кафедре философии. В этот период он совершенно не занимается публицистической деятельностью, посвящая всё время новой работе. Преподавание в университете давалось Каткову непросто, осложняясь плохим здоровьем, из-за чего ему приходилось часто пропускать занятия, и «зловещими рожами», которые, по его выражению, смотрели на него «изо всех углов профессорской». О преподавательских способностях Каткова сохранились диаметрально противоположные отзывы. И это вполне объяснимо. Наибольшей любовью студентов пользовались по преимуществу фрондирующие преподаватели, занимавшиеся популяризаторством вместо сообщения серьёзных глубоких знаний. Положение осложнялось недостаточной подготовленностью студентов к слушанию академических курсов. Возможно, именно этот опыт в будущем привел его к мысли о необходимости введения в России классической системы образования, которая делала бы гимназистов более пригодными для слушания универ-

ситетских курсов. Катков-преподаватель не заботился о «минутном успехе» у студентов, полагая, что это только повредит цели образования. В то же время он сокрушался, что лекции его в конспектах перевирались «безбожно». Поэтому с теми, кто проявлял заинтересованность его предметами, он занимался дополнительно, разъясняя сложные вопросы.

Подходила к завершению его работа над докторской диссертацией по истории античной философии. Но едва налаживающийся размеренный ход его жизни был прерван изданием нового положения, по которому кафедра философии должна была перейти к профессору богословия.

На переломе века резко переломилась и жизнь Каткова. Лишившись в 1850 г. кафедры, Михаил Никифорович остался без средств к существованию. Но ещё большей постигшей его бедой в том же году стала смерть матери, к которой он всегда питал взаимную любовь и уважение. Не имея возможности содержать даже ту скромную квартиру, которую Катков с семьей снимал до этого времени, они с братом перебираются в здание университетской обсерватории, где их приютил профессор астрономии А. Н. Драшусов.

В 1851 г. Каткову предложили освободившееся место редактора университетской газеты «Московские ведомости», и он сумел проявить себя на новом поприще. За пять лет редакторства Каткова в «Московских ведомостях» объем газеты увеличился с 1,5-2 листов до 3,5-4, что повлекло увеличение её стоимости в три раза. Это не только не отпугнуло подписчиков, но и увеличило их количество более чем вдвое, достигнув пятнадцати тысяч. В газете стали более активно сотрудничать профессора Московского университета, и появился ряд новых авторов, приглашённых со стороны. На новой работе открылся организаторский и редакторский талант Каткова. Следует отметить, что редакторские способности проявились в Каткове не вдруг. Ещё Белинский писал, что после бесед с ним, как бы тяжелы они иногда ни были, он начинал на многое смотреть по-новому. А в частной переписке 1847 г. с Поповым мы встречаем прямые редакторские наставления. Всё более вживаясь в новую роль, Катков постепенно начинает тяготиться зависимостью от университета и задумывается о собственном издании. Не могли его не беспокоить и чисто технические условия издания университетской газеты, работавшей на изношенном оборудовании с небольшим типографским штатом.

Менее чем через два месяца после смерти Николая I, Катков через А. В. Никитенко пытается выяснить, подходящая ли теперь обстановка для того, чтобы «начать хлопотать о журнале». Получив благоприятные сведения, в конце мая он подает прошение о разрешении на издание «Русского летописца» - патриотического органа, в котором могло бы найти выражение «благородное одушевление» общества. В конце 1855 г. Катков получил разрешение на ежемесячное, а не еженедельное издание, вследствие чего пришлось подавать ещё одно прошение – об изменении ранее заявленного названия на «Русский вестник». Таким образом, журнал начинает выходить только в 1856 г. и сразу же становится, по характеристике С. А. Венгерова, наиболее отзывчивым на потребности минуты изданием «благодаря своему радостно-оптимистическому настроению»¹¹.

Впереди Каткова ожидало развенчание «Колокола», борьба с нигилизмом, мобилизация общественного мнения во время польского восстания, создание «русского Таймс», образовательная реформа, неоднозначно оцененные как современниками, так и потомками. Катков не оправдал надежд сотоварищей

по кружку Станкевича, не став крупным литератором; надежд немецких учителей и товарищей по Московскому университету, видевших в нем ученого, и надежд покровителей, стремившихся, хотя и безуспешно, найти ему административную должность, равную его дарованиям. Замкнувшись в редакторской деятельности, Катков предоставил все эти поприща другим, оставляя за собой право на страницах своих изданий координировать их действия, что позволило ему в короткие сроки, не занимая никакого административного поста, занять одно из ведущих мест в общественной жизни страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее об этом см.: Санькова С. М. Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. (Историографический аспект). СПб., 2007.
2. Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. – С. 19.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. М., 1982. – С. 279, 236.
4. Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., С. 269.
5. Неведенский С. [Щегловитов С. Г.] Катков и его время. СПб., 1888. – С. 55.
6. Воспоминания о М. Н. Каткове. Б. м. и г. – С. 144.
7. Из писем М. Н. Каткова к матери и брату // Русский вестник. 1897. № 8. – С. 161.
8. Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. Указ. изд. – С. 528.
9. Письма М. Н. Каткова к А. Н. Попову. Публикация и примечания П. Бартенева // Русский архив. 1988. № 8. – С. 481.
10. Крестьянский вопрос. От редакции // Русский вестник. 1858. Т. 16 (июль-август). Современная летопись. Июль. Кн. 2. – С. 77 – 103.
11. Венгеров С.А. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. – С. 50.

М.В. Мельников

Ковровская государственная технологическая академия
им. В.А. Дегтярева

ОБСУЖДЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЗОЛОТОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИИ В 1895 Г.

Аннотация

В статье подробно рассматривается обсуждение в периодической печати введения в России золотого обращения в 1895 г. Значительную роль в этом процессе играло Министерство финансов и лично С.Ю. Витте, которые пытались направить обсуждение вопроса о преобразовании денежной системы в нужном им направлении и заручиться поддержкой общественного мнения.

THE DISCUSSION IN PERIODICALS OF INTRODUCTION IN RUSSIA THE GOLD REFERENCE IN 1895

Maksim Melnikov

Kovrov's the state technological academy of a name of V.A. Degtyaryov

Abstract

In clause discussion in periodicals of introduction in Russia the gold reference in 1895 is in detail considered. Significant role in this process played the Ministries of Finance and personally S.Vitte which tried to direct discussion of a question on transformation of monetary system in the direction necessary to them and to get support of public opinion.

Денежная реформа конца XIX в. освещена в многочисленных работах – как дореволюционных авторов¹, так и современных исследованиях историков и экономистов². В научной литературе, посвященной реформе денежного обращения, основное внимание уделяется, прежде всего, экономическим факторам финансовых преобразований. В тоже время малоисследованная в историографии проблема общественного обсуждения реформы заслуживает более пристального внимания.

В конце XIX в. тема реформирования денежного обращения, оставаясь одной из самых актуальных, активно обсуждалась в прессе, публичных дискуссиях, частных беседах. Русское общество, еще недавно очень далекое от экономических вопросов, с поразительной быстротой погрузилось в оживленные споры о путях и методах финансовой реорганизации.

Началом и важнейшим периодом широкого обсуждения правительственных преобразований денежного обращения являлся февраль - май 1895 г. Данный этап связан с обсуждением законопроекта о разрешении сделок на золото, предлагаемого Министерством финансов, который, совершенно справедливо, ассоциировался с началом денежной реформы и важнейшим актом введения золотого монометаллизма в стране.

Большую роль в освещении общественного обсуждения реформы сыграла пресса. Из многообразия периодической печати конца XIX в. интересны для изучения, прежде всего, материалы наиболее влиятельных столичных газет:

«Новое время», «Биржевые ведомости», «Новости и биржевая газета», «Русские ведомости», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости». Вышеуказанные издания, входившие в десятку наиболее распространенных газет в общероссийском масштабе, регулярно помещали на своих страницах экономические материалы³.

В освещении финансовых проблем для печати характерна следующая особенность: в одном и том же издании, даже иногда в одном и том же номере, порой встречались противоположные точки зрения на обсуждаемый вопрос, при этом спорящие часто принадлежали к числу постоянных сотрудников газеты. Не последнюю роль в позиции газет по финансово-экономическим вопросам, по-видимому, играла цензурная политика правительства и давление со стороны властей⁴.

Против реформы денежного обращения, в основном, активно выступала консервативная пресса, наиболее яркими представителями которой были газеты «Гражданин» и «Русский труд». Выступая с критикой денежной реформы, авторы этих изданий (прежде всего, сторонники биметаллизма П. Оль и Г.В. Бутми) утверждали, что дешевые относительно золота русские деньги были выгодны особенно для сельского хозяйства, поскольку давали возможность получать за проданную продукцию гораздо больше серебряных денег, нежели раньше. Поэтому России необходимо биметаллическое денежное обращение, которое поможет ей извлечь дополнительные выгоды и избежать финансового кризиса, связанного с подорожанием золота.

В своих многочисленных публикациях на страницах консервативной печати пытался обосновать свою всеобъемлющую финансовую теорию издатель «Русского труда» С.Ф. Шарапов. В противовес золотовалютной реформе, автор предлагал ввести бумажный рубль в качестве, как он это называл, «абсолютных денег». Он считал, что, основанная на нравственном авторитете православного русского самодержавного государя, новая русская валюта – бумажный рубль, должна стать основной экономической, общественной и политической стабилизации и началом возрождения патриархального великоросского сельскохозяйственного центра России. Золото как мировые деньги сохранялось исключительно для внешних расчетов, учета платежей и поступлений, в то время как внутреннее хозяйство должно было «иметь счет» в национальных деньгах⁵.

Позиция этой части прессы оказывала некоторое влияние на ближайшее окружение императора, поэтому противовес ей С.Ю. Витте должен был искать у либеральной печати.

Положение С.Ю. Витте было достаточно сложным, если учесть, что хотя ему и удалось добиться взаимопонимания с наиболее влиятельными либеральными газетами по вопросу необходимости проведения денежной реформы, вопрос о способе ее проведения продолжал вызывать бурные споры⁶.

О необходимости восстановления в России металлического денежного обращения в некоторых либеральных газетах говорилось еще в конце 1894 г. Однако первая серьезная волна активного обсуждения этого вопроса на страницах печати прошла сразу после именного указа министру финансов (3 марта 1895 г.) об усилении разменного фонда. По этому указу из разменного фонда Государственного банка изымалось серебро на сумму 1 125 682 руб. 14 коп. и заменялось на такую же сумму золотом, кроме того, из Государственного казначейства в разменный фонд передавалось 98 061 276 руб. 84 коп. золотом⁷.

Это мероприятие отметили и прокомментировали на своих страницах практически все влиятельнейшие газеты. Положительно оценивая этот шаг Министерства финансов, некоторые издания попытались спрогнозировать, в связи с ним, дальнейшие действия финансового ведомства, связав их с подготовкой введения в России размена на золото. 6 марта 1895 г. в передовой «Биржевых ведомостей», посвященной указу, говорилось: «Мы находимся накануне крупной реформы денежного обращения, и золотой рубль перестает быть для нас чем-то недостижимым, о котором можно мечтать»⁸.

В этот же день «Новое время» так отреагировало на указ: «В связи с этой мерой напрашивается мысль о приготовлении правительства к установлению у нас металлического денежного обращения... Возможно, в настоящее время нет пока еще ясно сформулированной и определенно поставленной задачи установления металлического обращения. Но рано или поздно нам не миновать... этой задачи»⁹. Вскоре в этой газете появилась статья «67 вместо 100», вызванная предположениями, что в России решено фиксировать курс на существующем уровне, то есть провести девальвацию. «Новое время» считало, что девальвация «внесет... путаницу в нашу внутреннюю торговлю, в промышленную жизнь... в финансы... в хозяйство каждой семьи... В настоящее время девальвация поведет к страшным потрясениям во всех наших денежных и хозяйственных делах»¹⁰. Еще через день газета напечатала письмо в редакцию за подписью «В» (по-видимому, это был сам С.Ю. Витте), в котором полностью отрицалась даже возможность столь катастрофических последствий: «Спрашивается, каких же губительных для наших финансов и для народного хозяйства последствий от такой девальвации, при которой каждая сотня кредитных рублей сравняется с сотней новых золотых рублей». Данная публикация интересна тем, что ее автор не отрицал возможность разрешения в ближайшее время в России сделок на золото по курсу 1 кредитный рубль к 66 коп. золотом, но не считал данное мероприятие девальвацией, так как покупательная стоимость кредитного рубля при этом останется прежней. Комментируя это письмо, редакция выразила несогласие с ним по вопросу определения девальвации и ее возможных последствий и высказалась за подробное обсуждение этого вопроса в печати¹¹.

Наконец, с «Маленьким письмом» выступил сам А.С. Суворин. «Девальвация - это превращение рубля в копейку», - писал он и, высказываясь против «скоропелых» конверсий и девальваций, прошелся по адресу «финансовых Овидиев», вечно находящихся в зависимости от «людей денежных, поросших насквозь еврейскими традициями», требуя подробного обсуждения проекта реформы в печати. В заключении Суворин посоветовал министру финансов заняться более «важными и насущными» делами: повышением благосостояния населения страны и развитием народного образования¹².

Попытки каким-либо образом повлиять на позицию «Нового времени» со стороны С.Ю. Витте ни к чему не привели. 26 марта в статье «Забытый рубль», подводя итоги читательских писем о реформе, газета отмечала, что абсолютное большинство корреспондентов были против неё, считая девальвацию несправедливой мерой для кредиторов казны, что она приведет к потрясениям в сфере денежного обращения, и называли её «отобранием имущества у ни в чем не повинных людей». Газета считала, что это мнение разделяет большинство населения, но, признавая необходимость и неизбежность преобразования денежного обращения, заключала: «Вопрос сводится к тому, как лучше всего

провести реформу... Лучше повременить, чем преподнести ее России в виде совершившегося факта... Суть реформы, ее пределы, цели должны выясниться в общественном сознании. Представителям всех интересов надо дать возможность высказаться»¹³.

Столкнувшись с такой «несгибаемой» позицией суворинской газеты, С.Ю. Витте разворачивает в прессе информационную кампанию с целью убедить общественное мнение в том, что избранный уровень фиксации курса для размена на золото не является девальвацией и что именно этот уровень является оптимальным для экономики страны.

28 марта 1895 г. в «Торгово-промышленной газете», официальном издании Министерства финансов, была опубликована статья «По поводу превратных толков о скрытой девальвации», в которой заявлялось: «Разрешение в стране сделок на золото, если бы оно и последовало, не только ничего общего со скрытой девальвацией не имеет, но даже представляет собой прямую льготу держателям русских кредитных билетов по отношению к основной нашей серебряной единице, обесценившейся вследствие причин мирового характера. Таким образом, ныне нет, и не может быть речи об уменьшении покупной цены кредитного рубля...»¹⁴. Эта статья была перепечатана и прокомментирована всеми крупнейшими столичными газетами. «Биржевые ведомости» в связи с этим писали: «В настоящее время можно говорить лишь о возможно продолжительной стабилизации курса, но никак не о девальвации...»¹⁵. Им вторили «Санкт-Петербургские ведомости»: «С точки зрения торгово-экономических интересов страны избранный уровень фиксации курса должен быть признан мерой наиболее безобидной»¹⁶. «Русские ведомости» считали, что «одно разрешение сделок на золотую монету отнюдь не есть девальвация...»¹⁷. Даже консервативно настроенные «Московские ведомости» полностью поддержали С.Ю. Витте: «Обсуждая вопрос о разрешении сделок на золотую валюту, мы уже не раз замечали, что нельзя отождествлять эту меру с девальвацией, или отказом правительства от исполнения принятых им на себя обязательств»¹⁸. «Новости», обсуждая вопрос о сделках на золото, высказали смелую мысль, что «данная мера будет представлять верную почву для подготовки будущей замены кредитной валюты металлической»¹⁹.

Только «Новое время» выступило против «Торгово-промышленной газеты», разъяснив свою позицию так: «Только замена серебряного и кредитного рубля полным рублем золотом не будет девальвацией, всякая же другая расценка ... не что иное, как девальвация, переоценка ниже нарицательной стоимости»²⁰. Защищая свою точку зрения, А.С. Суворин вступил в бурную и многословную полемику с редактором «Торгово-промышленной газеты» М. Федоровым. Позицию своей газеты сам А.С. Суворин расценивал как оппозиционную политике С.Ю. Витте. «Новое время» продолжало утверждать, что предлагаемая финансовым ведомством мера есть девальвация, которая приведет к дальнейшему обесценению рубля и, как следствие, - общему кризису в сельском хозяйстве и массовому разорению крестьян.

В свою очередь, крупные столичные газеты публиковали новые статьи о необходимости разрешения сделок на золото, сообщая, что это способствует стабилизации и устойчивости финансовой системы, привлечению иностранного капитала в отечественное производство, увеличению золотого запаса страны.

В конце концов, и суворинская газета, и издания, лояльные С.Ю. Витте, прекратили полемику лишь после одобрения представления Министерства финансов о разрешении сделок на золото в Государственном совете. Дальнейшая дискуссия по этому вопросу просто не имела смысла. При этом редакция «Нового времени» попыталась поставить точку в споре. 28 апреля 1895 г. в статье «Разрешение сделок на золото» речь С.Ю. Витте в Государственном совете истолковывалась так, что разрешение таких сделок не первый шаг к реформе и девальвации, а лишь «особая мера, ничего не предрешающая»²¹.

Кратко подводя итог дискуссиям в прессе по проблеме преобразования денежной системы весной 1895 г., следует отметить поддержку, оказанную С.Ю. Витте со стороны как либеральных, так и консервативных изданий. При этом многие газеты часто использовали в своих статьях аргументы, приводимые Министерством финансов в защиту проекта о введении сделок на золото (некоторые издания прямо цитировали проект финансового ведомства). Это свидетельствует об активном и даже личном участии С.Ю. Витте в процессе формирования общественного мнения и его успешной работе с прессой.

Оппозицию составило только «Новое время». Ее издатель А.С. Суворин, с одной стороны, критикуя политику С.Ю. Витте, как бы демонстрировал независимость своего издания, а с другой – своими агрессивными действиями шантажировал влиятельнейшего министра, добываясь от него щедрых субсидий. В конечном итоге, в обмен на лояльность, «Новое время» получит их несколько позднее.

В ходе обсуждения вопроса о разрешении сделок на золото многие издания не только поддержали финансовое ведомство, но и высказали пожелания дальнейшего реформирования финансовой системы страны, считая предложенную меру лишь первым шагом на пути введения в России золотого монометаллизма. Такая трактовка официально отвергалась С.Ю. Витте, утверждающего, что разрешение сделок на золото лишь давно назревшая необходимость, и данное мероприятие не связано ни с какими далеко идущими последствиями в области денежного обращения. Тем не менее можно предположить, что такую инициативу некоторые газеты проявили с ведома и согласия министра финансов, который, по-видимому, таким образом пытался начать долгосрочную подготовку общественности к проведению денежной реформы.

Различные общественные и научные организации не принимали активного участия в обсуждении вопроса о разрешении сделок на золото непосредственно в 1895 г. Торгово-промышленные и сословные организации сыграли важную роль уже на следующем этапе реформы – в марте 1896 г. Проект преобразования денежного обращения неоднократно обсуждался в Вольном экономическом обществе, ряд докладов, посвященных этой проблеме, был прочитан в Обществе для содействия русской промышленности и торговле и Петербургском собрании сельских хозяев.

Справедливости ради, следует отметить доклад С.Ф. Шарапова и прения по нему в Обществе для содействия русской промышленности и торговле в апреле 1895 г. Докладчик старался убедить собрание, что разрешение сделок на золото вызовет обесценение кредитного рубля и стимулирует биржевую спекуляцию. По мнению С.Ф. Шарапова, предлагаемая мера – подготовительный шаг к девальвации существующей денежной единицы и введению металлического обращения, то есть к мероприятиям, экономически опасным для сельско-

го производителя и, следовательно, для государства. В обсуждении доклада принял участие А.Н. Гурьев, что свидетельствует о серьезном отношении Министерства финансов к подобным мероприятиям и желании этого ведомства активно участвовать в публичных прениях по вопросам финансовой политики. А.Н. Гурьев в очередной раз огласил основные аргументы в пользу разрешения сделок на золото: финансовые параметры позволяют осуществить это мероприятие, которое готовилось почти двадцать лет, и тем самым стабилизировать курс рубля и способствовать развитию иностранных инвестиций.

Доклад С.Ф. Шарапова не получил широкой известности в обществе. Большинство газет вообще не сообщило о нем на своих страницах. Обширную редакционную статью, посвященную этому докладу и его обсуждению, опубликовали только «Санкт-Петербургские ведомости», высказавшиеся очень резко в адрес докладчика: «Счастливо огражденный от тлетворного соприкосновения с наукой, он проявляет почти невероятную смелость в деле изобретения самобытных теорий...». Досталось от авторов статьи и слушателям доклада: «Вообще, «общество для содействия» осталось и на этот раз верным своему духу и направлению, выражающимся в какой-то ожесточенной ненависти к экономической науке, ради торжества «самобытных» идеалов и теорий...». Оценивая результат подобной дискуссии, «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «При других условиях г. Шарапов, со всеми своими самобытными теориями, заслуживал бы внимания разве в качестве курьеза. Но ведь не затем Общество для содействия выпускает подобных господ на кафедру, чтобы сообщить своим заседанием занимательность курьеза. Действительно, «шараповщина» отнюдь не представляет собою невинного невежества»²².

В конце апреля - начале мая 1895 г. завершается активный этап обсуждения преобразования денежного обращения в России. Наступает длительный период затишья. Только поздней осенью 1895 г. в прессе вновь появляются публикации, затрагивающие тему денежной реформы. Но это, в основном, были незначительные статьи в рамках информации об экономической политике правительства. Позиции крупнейших изданий в это время оставались прежними. Суворин в очередном своем «Маленьком письме» заявил, что он против реформы и её способа проведения - девальвации²³. Осторожные «Русские ведомости», считая реформу неизбежной, вопрос о её способе предлагали оставить открытым²⁴. «Новости» утверждали, что золотой монометаллизм - знамение времени, «против реформы лишь «дикие финансисты» - Шарапов и Бодиско, остальные - за неё, а разногласия касаются только способов её проведения». Суворина и его газету редакция «Новостей» считала врагами реформы «по незнанию»²⁵.

Подводя итоги обсуждению в периодической печати законодательных инициатив финансового ведомства в 1895 году, можно отметить, что Министерство финансов не только допустило его, но и активно участвовало в этом процессе. С помощью своего влияния на прессу и через своих представителей в публичных прениях финансовое ведомство максимально пыталось направить обсуждение вопроса о преобразовании денежной системы в нужном направлении и заручиться поддержкой общественного мнения во внутриправительственной борьбе вокруг реформы. Кроме того, и само Министерство финансов, по-видимому, не уверенное полностью в успехе разработанной им реформы, стремилось таким образом проверить ее научную обоснованность.

Именно в 1895 г. в ходе общественного обсуждения преобразования денежного обращения финансовое ведомство окончательно определилось с основными положениями реформы, которые впоследствии и были реализованы, а С.Ю. Витте интуитивно осознал единственную возможность добиться политического решения вопроса в обход традиционных бюрократических процедур. В условиях острого политического противостояния вокруг проекта реформы, министр финансов выбрал оптимальную тактику для достижения поставленной цели. Рассчитывая свои действия на несколько шагов вперед, он старался всячески избегать прямого столкновения со своими идеологическими и политическими противниками. Проведя в обход Государственного совета целый ряд законопроектов, С.Ю. Витте осуществил необходимые изменения в финансовой сфере по частям, поставив население страны перед свершившимся фактом введения золотой валюты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Гурьев А. Реформа денежного обращения в России. СПб, 1896; Кашкаров М.П. Денежное обращение в России. Т. 1-2. СПб., 1898; Мигулин П.П. Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893-1902). Харьков, 1902; Боголепов М.И. Финансы правительства и общественные интересы. СПб., 1907; Фридман М. Наша финансовая система. СПб., 1905; и др.
2. См.: Пушкарева И., Степанов А. «Золотой» рубль в денежной системе России в 1897-1917 гг. // Вопросы экономики. 1992. № 12; Русский рубль. Два века истории XIX-XX вв. М., 1994; Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте - финансист, политик, дипломат. М., 1998; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999; Абалкин Л.И. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте. М., 1999; Корелин А.П. С.Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX - начала XX века // Отечественная история. 1999. № 3.; Ильин С.В. Витте. М., 2006. и др.
3. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. М., 1984. – С. 32.
4. Драган Г.Н. Экономическая программа С.Ю.Витте в буржуазной прессе. 1892-1903. Дисс... к.и.н. М., 1987. – С. 11.
5. См. подробнее: Власенко В.Е. Теории денег в России. Конец XIX-дооктябрьский период XX века. Киев, 1963; Конягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX-начало XX века. Дисс... к.и.н. М., 1995; Базулин Ю.В. Двойственная природа денег. Русская экономическая мысль на рубеже XIX-XX вв. СПб., 2005.
6. О способах достижения С.Ю. Витте «взаимопонимания» с влиятельными либеральными газетами, прежде всего «Биржевыми ведомостями» см. подробнее: Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. М., 1984. – С. 40-45.
7. Торгово-промышленная газета. 1895. 5 марта. № 51.
8. Биржевые ведомости. 1895. 6 марта. № 64.
9. Новое время. 1895. 6 марта. № 6831.
10. Там же. 1895. 14 марта. № 6839.
11. Там же. 1894. 16 марта. № 6841.
12. Там же. 1894. 20 марта. № 6845.
13. Там же. 1895. 26 марта. № 6851.
14. Торгово-промышленная газета. 1895. 28 марта. № 69.
15. Биржевые ведомости. 1895. 29 марта. № 87.
16. Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 31 марта. № 87.
17. Русские ведомости. 1895. 14 апреля. № 101.
18. Московские ведомости. 1895. 16 апреля № 103.
19. Новости. 1895. 2 апреля. № 91.
20. Новое время. 1895. 29 марта. № 6854.
21. Там же. 1895. 28 апреля. № 6882.
22. Санкт-Петербургские ведомости. 1895. 5 мая. № 119.
23. Новое время. 1895. 19 ноября. № 7087
24. Русские ведомости. 1895. 5 ноября. № 307.
25. Новости. 1895. 21, 23 ноября. №№ 324, 326.

В.В. Вострикова

Всероссийский заочный финансово-экономический институт
(г. Орёл, филиал)

РОССИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ НАЧАЛА XX В. О РОЛИ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Аннотация

В статье рассматриваются воззрения представителей российской либеральной мысли начала XX в. на роль религии в общественной жизни. Показано понимание либералами религии как нравственного ориентира для личности, основы совершенствования государственных форм и устройства общества. Проанализировано понимание либералами проблемы соотношения политики и религии, разрешавшейся в плане признания опосредованности нравственными началами не только целей, но и средств политики.

RUSSIAN LIBERAL THINKERS OF THE EARLY 20TH CENTURY ON THE ROLE OF RELIGION IN SOCIAL LIFE

Vlada Vostrikova

Abstract

Russian liberal thinkers of the early 20th century views on the role of religion in social life have been considered in the article. Liberals' sense of religion as moral reference for personality, foundations for political systems and society building perfection have been shown. Liberals' understanding of politics and religion correlation problem resolved in acknowledgement of purposes and means of politics being mediated by moral principles has been analyzed.

В переломные исторические эпохи резко возрастает значимость религиозного фактора в общественной жизни. В современной России системная трансформация сопровождается религиозным ренессансом, что придает особую актуальность вопросу о роли религии в возрождении страны. Поиск ответа на данный вопрос побуждает к обращению к опыту осмысления проблемы роли религиозного фактора в общественной жизни отечественными философами, публицистами, общественно-политическими деятелями. Серьезный интерес в этом плане представляют воззрения тех либеральных мыслителей, для которых была характерна религиозно-философская трактовка политико-правовых явлений. К их числу следует отнести прежде всего Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, П.Б. Струве, С. Н. Булгакова, Д.Н. Шипова.

Данная тема не получила комплексного освещения в российской историографии. Существует лишь ряд работ персонифицированного характера, в которых затрагиваются взгляды отдельных либеральных деятелей по религиозному вопросу¹. В настоящей статье ставится задача восполнить обозначенный историографический пробел.

По глубокому убеждению либералов, истоки религии коренились в самой природе человека. «Человек не может жить одним настоящим, одной обыденщиной, – и, по божественной природе своей, так или иначе «взыскует грядущему»».

щего града», – писал С.Н. Булгаков². Об этом же говорил П.Б. Струве, отмечая присущую человеку «неискоренимую потребность» выйти из сферы ограниченного, личного существования и приобщиться к более широкому, сверхиндивидуальному бытию³.

Либералы видели в религии «высшую основу и святыню жизни», отводя ей роль нравственного ориентира, помогающего человеку возвыситься над тяготами повседневности⁴. «Идеалы высшей правды, любви и всечеловеческого единения, – писал Д.Н. Шипов, – должны всегда служить людям маяком, освещающим им жизненный путь, ведущий от преходящего личного к всеобъемлющему вечному»⁵. «Вне отношения к Высшему, Абсолютному Началу человеческая жизнь есть слепая игра слепых сил», – отмечал П.Б. Струве⁶.

На религию как основу морали указывал С.Н. Булгаков. Попытки отвергнуть религиозную санкцию морали, по его мнению, неизменно приводили к фактическому упразднению последней, замене основополагающей нравственной идеи – идеи долга – «идеей интереса, личного или группового, инстинктом звериного самосохранения»⁷.

Раскрывая сущностную основу религии, П.Б. Струве отмечал неразрывную связь последней с идеей Божества, с признанием и переживанием ценностей, «которые выходят за пределы личного или социального существования, т. е... трансцендентных ценностей»⁸. Однако, с точки зрения П.Б. Струве, для человека века двадцатого неприемлема идея поклонения высшему началу лишь из страха наказания, подлинное религиозное чувство может утвердиться только на основе любви к Богу, осознания того, что свободное и деятельное служение высшему началу есть необходимое условие победы в самом человеке сил Добра, единственный путь к личному спасению. «Основная мысль всякой религии, утверждаемой не на страхе, а на любви и благоговении, – отмечал либерал, – есть «Царство Божие внутри вас есть»⁹. А потому «для религиозного мирозерцания не может... быть ничего более дорогого и важного, чем личное самоусовершенствование человека»¹⁰. Таким образом, заключал П.Б. Струве, «не может быть религии без идеи Бога и не может быть ее без идеи личного подвига»¹¹.

Стремление к личному совершенствованию, по мнению либералов, неразрывно связано с чувством ответственности, с пониманием человеком того, что духовно-нравственное преображение осуществляется только в результате неуклонной работы личности над собой и зависит только от нее. Как указывали либеральные мыслители, идея личной ответственности перед Богом составляла один из важнейших постулатов христианства. Однако в католическую и протестантскую догматику она вошла в индивидуалистической трактовке, тогда как в православии утвердилась идея ответственности каждого человека не только за себя, но и за ближнего, суть которой раскрывают слова Ф.М. Достоевского, что «всякий перед всеми, и за всех виноват». Отсюда, отмечал Д.Н. Шипов, осознание человеком личной ответственности за «внутреннее устройство» других членов общества, а значит, и за устройство «жизни общественной, являющейся плодом коллективного разума и коллективной воли всех людей»¹².

Таким образом, по убеждению либералов, в православии принцип духовного самоусовершенствования находил органическое продолжение в утверждении необходимости содействия каждого христианина совершенствованию

форм общественной жизни. Как писал Д.Н. Шипов, «религиозно-нравственное устройство личности и улучшение условий общественной жизни не исключают друг друга и не могут быть противопоставлены; только разумно согласованное и параллельное осуществление этих двух начал может обеспечить переустройство личной и общественной жизни согласно требованиям высшей правды»¹³. Исходя из этого, либералы резко критиковали толстовское «неделание», отрицательное отношение «к общественным установлениям и к участию в их жизни»¹⁴. Общественный и политический индифферентизм, возведенный в принцип, представители отечественного либерализма характеризовали как безнравственное и антихристианское мировоззрение. Человек, который равнодушно относится к одичанию общества, к нарушению в нем права и правды, отмечал Е.Н. Трубецкой, «тем самым доказывает полное отсутствие любви к ближнему»¹⁵. А Д.Н. Шипов прямо указывал, что закон христианской любви налагает на человека обязанность «служить общему благу всех людей»¹⁶. Ошибочным мыслители считали отказ от общественно-политической активности на основании отождествления мирского порядка с «царством антихриста», видя в первом необходимую историческую ступень на пути «от зверочеловечества к Богочеловечеству»¹⁷.

Специфическую особенность мирского порядка, подтверждающую его переходный, несовершенный, с точки зрения христианского идеала, характер, Е.Н. Трубецкой усматривал в том, что зло в мире ограничивается не изнутри – осознанным нравственным выбором каждого человека, а извне – внешней силой государства. Именно как сила, «которая до времени мешает миру превратиться в ад», государство получало оправдание у Е.Н. Трубецкого и С.Н. Булгакова¹⁸. Отсюда убеждение мыслителей в недопустимости безучастного отношения к государству – орудию «в борьбе против звериного начала в мире» и их призыв к каждому человеку по мере сил и возможностей содействовать усовершенствованию государственных форм на началах свободы, добра и справедливости¹⁹.

Таким образом, у части либеральных мыслителей идея значимости государства как политического института получила религиозное обоснование. Как и их более рационалистически мыслящие соратники, они пришли к выводу о том, что государство является не Левиафаном, а орудием общественного прогресса и одновременно важнейшей стадией последнего. Вместе с тем, либералы постоянно подчеркивали относительность государственных форм, предостерегая от их абсолютизации. «Никакая из этих форм, – отмечал, в частности, С.Н. Булгаков, – не имеет... абсолютного значения, все они суть только исторические средства», призванные способствовать постепенному воплощению в жизнь заветов Христа²⁰. А П.И. Новгородцев, утверждая первостепенное значение религиозных идеалов, писал: «Не конституции, а религии образуют высший продукт духовного творчества и высшую цель жизни»²¹.

Постулирование государства как исторически необходимого средства воплощения в жизнь высших нравственных начал, проповедуемых религией, являлось для либеральных мыслителей теоретической посылкой при разрешении вопроса о соотношении религии и политики. Высшие нравственные ценности воспринимались либералами в качестве базисных основ политической деятельности, опосредующих цель и средства последней. Политика, указывал, например, С.Н. Булгаков, «вдохновляется высшей, не политической, но эти-

ческой или религиозной ценностью. Отсюда она черпает свой энтузиазм, свой пафос, свою духовную мощь»²². Над всеми государственно-правовыми нормами, проводил ту же мысль П.И. Новгородцев, «возвышается еще высший трансцендентный закон, высшая заповедь Божия как норма, соответственно которой должна строиться и перестраиваться вся общественная жизнь»²³.

Однако при попытке конкретного сочетания идей и жизни между либералами возникли серьезные разногласия. Так, С.Н. Булгаков, отстаивая лозунг «христианской политики», выступал за превращение религии в способ устроения общественного бытия. Призыв мыслителя к рационализации религии в непосредственных тактических действиях рельефно отразился в его позиции по вопросу о роли религии в деятельности политических партий. По мнению С.Н. Булгакова, политическая партия, претендующая на роль общенациональной силы, должна «представлять собой единый духовный организм, иметь общую душу, общую волю», что невозможно без четкой констатации приверженности определенным религиозным идеалам, которые оживляют мертвую букву партийной программы²⁴.

Позиция С.Н. Булгакова не нашла поддержки у других представителей русского либерализма. Одним из его оппонентов был П.Б. Струве. Последний считал категорически недопустимым игнорирование специфических законов политики, смешение политических средств с религией, ибо это «по существу есть всегда двойное злоупотребление: политикой – во имя религии и религией – во имя политики»²⁵. П.Б. Струве призывал к выработке нового понимания политики, цели которой были бы освящены религией. «Всякая сколько-нибудь глубокая и искренняя политика, как бы она ни была, по видимости, безрелигиозна, – по существу близка к глубочайшей, внутренней, субъективной религиозности», – утверждал он²⁶.

Можно предположить, что глубинной причиной разногласий либералов при разрешении проблемы соотношения религии и политики в практической плоскости явилось своеобразное смещение акцентов при восприятии религиозного нравственного императива. Если С.Н. Булгаков связывал высшие нравственные ценности прежде всего с христианством, то П.Б. Струве всячески подчеркивал их универсальность, имманентную присущность любой религиозной системе.

Приоритетной задачей государственной политики, освященной религией, с точки зрения мыслителей, являлось обеспечение «каждой личности полной свободы в духовном развитии и в своих действиях, не причиняющих ущерба и не производящих насилия по отношению к своим ближним», ибо именно свобода личности, по мнению либералов, обосновывалась в качестве важнейшего нравственного установления христианским «учением о богосыновстве, об абсолютном достоинстве человеческой личности, носящей образ Божий»²⁷. Исходя из последнего, мыслители утверждали связь либерализма и христианства. Как указывал П.Б. Струве, либерализм как политическое течение имеет свои религиозно-мировоззренческие корни, которые кроются в «радикальном протестантизме разных оттенков и разных стран, провозгласившем религиозную автономию личности»²⁸.

Либералы были глубоко убеждены в невозможности осуществления свободы личности и общего блага «путем вечной борьбы интересов и классовых сил, хотя бы и регулируемой тем или иным правовым порядком»²⁹. И общее благо,

и подлинная свобода и равноправие, с точки зрения либеральных мыслителей, могли быть обеспечены «лишь при сознании моральной солидарности всех людей между собой»³⁰. Идея всечеловеческого единства, утверждал Д.Н. Шипов, должна вытеснить из массового сознания пагубный лозунг «В борьбе обретешь ты право свое». Общественные изменения, происходящие под влиянием борьбы и насилия, по мнению либерала, всегда непрочны, «только идеи и принципы служат устойчивыми основами улучшения жизни»³¹. Силой, призванной всячески содействовать осознанию каждым человеком долга заботиться не столько о своем личном благополучии, сколько о благе ближнего, для либералов выступало государство. Отсюда понимание ими политики как средства объединения, а не разделения людей. Реалистично оценивая современную им ситуацию, либералы отмечали, что в таком качестве политика будет выступать в достаточно отдаленном будущем, а пока «фактической данностью», неотъемлемой составляющей политической жизни является социальная борьба. Однако, по убеждению мыслителей, уже теперь государство при активном содействии религии должно способствовать тому, чтобы «дать перевес влиянию совести над влиянием интереса, возвысить и одухотворить борьбу, полную своекорыстия и безбожия»³². Помимо того, нравственные критерии, с точки зрения либералов, должны были стать определяющими и при заключении компромиссов, неизбежных в политике, ибо она не может выходить за пределы осуществимого. Как указывал Е.Н. Трубецкой, политические компромиссы возможны лишь «во имя нравственных требований, ...в пределах, допускаемых совестью»³³. Таким образом, либералы утверждали опосредованность религией не только целей, но и средств политики, чем позиционировали себя в качестве категорических противников формулы «цель оправдывает средства».

Квинтэссенцией понимания представителями российского либерализма религии как общественного феномена стали их размышления о настоящем и будущем религии. Характеризуя положение религии в западных странах и России на рубеже XIX-XX вв., либералы говорили о кризисе религии, главным симптомом которого являлась утрата последней доминирующих позиций в общественном сознании и утверждение представления о религии как некоей «исторической тени, имеющей скоро отойти в прошлое»³⁴. По мнению либералов, к такому «трагическому» положению религию привели факторы как объективного, так и субъективного плана. К числу первых, с точки зрения П.Б. Струве, относился завершившийся к концу XIX столетия многовековой процесс отхода христианства от хилиазма – учения, суть которого составляло утверждение о близком осуществлении на земле Царства Божия. Разрыв христианства с теологическим материализмом, указывал П.Б. Струве, уничтожил один из самых понятных толпе христианских догматов. Следствием этого явилось разочарование широких масс в христианстве как таковом, ибо для того, чтобы подняться от материальной, внешней веры к вере идеальной, внутренней необходимы определенные духовные усилия, к чему большинство людей не готово. «Носить и творить Бога в своей душе гораздо труднее, чем ожидать от него материальных чудес», – замечал П.Б. Струве³⁵. Субъективные причины кризиса религии либералы видели, с одной стороны, в распространении атеистического мировосприятия в массах, пропагандистом которого выступала «прогрессивная общественность» с ее «теоретическим безбожием», а с другой, в дискредитации религии консервативными силами, склонными рас-

смагивать последнюю как служебное орудие для политики³⁶.

Констатация кризиса религии была для либералов не самоцелью, а проблемой, от разрешения которой напрямую зависела судьба человечества. Сможет ли человечество «удержаться во всех отношениях на уже достигнутом уровне или даже прогрессировать», утратив религиозное начало, до сих пор игравшее огромную роль в созидании человеческой культуры? – вопрошал П.Б. Струве³⁷. Очевидно, что для либералов этот вопрос был риторическим. Общественный прогресс не мыслился ими без религиозной составляющей, а значит, без религиозного возрождения. Либералы искренне надеялись, что «в неверующем человечестве не умерли, а только замерли религиозные силы души», возрождение которых произойдет на качественно новой основе³⁸. «На смену современному религиозному кризису, – предрекал П.Б. Струве, – идет подлинно религиозное мирозерцание, в котором воскреснут... идея личного подвига и личной ответственности, осложненные новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как творческая автономия»³⁹. Идея свободы личности – носителя «в космосе личного творческого подвига», по П.Б. Струве, должна была стать той центральной идеей, которая «захватит человечество, захватит его религиозно и вошьет в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы»⁴⁰. Таким образом, религиозное возрождение для либерала имело глубоко гуманистический характер, ибо переносило всю силу творческой воли с Бога на человека.

Возвращение к религиозной вере, по убеждению либеральных мыслителей, позволит человеку преодолеть внутреннюю пустоту, образовавшуюся на месте отринутых религиозных ценностей, безуспешно заполнить которую человек стремится путем поиска ярких внешних впечатлений. Этот «духовный подвиг возрождения человеческой личности», отмечал С.Н. Булгаков, является необходимым условием исторического творчества, созидания государственных форм на началах добра, равенства и справедливости⁴¹. А П.И. Новгородцев прямо утверждал, что «судьба права и государства зависит в первую очередь от того, в какое отношение человек ставит себя к Богу»⁴².

Эта идея явилась основополагающей в трактовке либералами причин кризиса российской государственности в 1917 г. Отсюда возрождение России не мыслилось либералами вне религиозного возрождения, по образному выражению П.И. Новгородцева, «восстановления святынь». «Важно понять, – писал он в постоктябрьский период, – что речь идет... не о воскрешении каких-либо внешних форм жизни и быта, а о возрождении душ, о религиозно-нравственном возрождении»⁴³. Без религиозно-нравственного просветления духа, отмечал С.Н. Булгаков, даже самые прогрессивные социальные преобразования могут привести к крайне негативным результатам. Так, короткий рабочий день может стать «источником деморализации и духовного вырождения рабочего класса»⁴⁴.

Таким образом, размышляя о роли религии в общественной жизни, российские либералы поставили вопрос о сущности и критериях исторического прогресса, о соотношении его материальной и идеальной составляющих. Они утверждали, что рост материального благополучия не может быть самоцелью, а должен гармонично сочетаться с нравственным совершенствованием человека. Именно постоянное нравственное совершенствование личности выступало для либералов в качестве сущностной основы человеческого бытия, смысла че-

ловеческого существования. «Не для счастья рожден человек, и не к счастью должен он стремиться, – писал С.Н. Булгаков, – но к духовному росту, который совершается лишь ценою борьбы, страданий, испытаний. Не счастье, но блаженство, духовная радость, не сонное благополучие, но горение и парение духа способны насытить душу человека»⁴⁵. Либералы были глубоко убеждены в том, что внутреннее преобразование личности, достигаемое в сознании любви, свободы, равенства, добра, есть единственная дорога устройства общественной жизни. Без этого все попытки разрешения общественных проблем обречены на неудачу. Размышления представителей отечественного либерализма чрезвычайно актуальны сегодня, когда те или иные конкретные исторические формы объявляются чудодейственным средством для выхода России из системного кризиса, в котором она оказалась в конце XX столетия. Не менее значима для современной России и поднятая либералами проблема соотношения нравственности и политики, целей и средств политической деятельности.

В целом же, обращение к воззрениям российских либералов начала прошлого века по религиозной проблематике заставляет еще раз задуматься над важнейшими вопросами человеческого бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кантор В.К. Евг. Трубецкой: совместимы ли христианская демократия и русская идея равенства? // Вопросы философии. 2007. № 11. – С. 13-20; Колеров М.А., Плотников Н.С. Творческий путь П.Б. Струве // Вопросы философии. 1992. № 12. – С. 91-111; Российские либералы. Сб. ст. М., 2001.
2. Булгаков С.Н. Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 60.
3. Струве П.Б. Отрывки о государстве // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. – С. 68.
4. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. – С. 352.
5. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2008. С. 166.
6. Струве П.Б. На разные темы // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. – С. 246.
7. Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 121.
8. Струве П.Б. Лев Толстой // *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. – С. 299; Он же. Религия и социализм // *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. – С. 325.
9. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Там же. – С. 194.
10. Там же.
11. Там же. – С. 193.
12. Д.Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2008. – С. 165.
13. Д.Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. С. 39.
14. Булгаков С.Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 31; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – С. 39.
15. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2003. – С. 392.
16. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2008. – С. 39.
17. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2003. – С. 383.
18. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – С. 384.
19. Там же. – С. 385.
20. Булгаков С.Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 33.
21. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. – С. 376.
22. Булгаков С.Н. Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 61.

-
-
23. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. – С. 377.
 24. Булгаков С.Н. Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 63.
 25. Струве П.Б. Несколько слов по поводу статьи С. Н. Булгакова // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – С. 316.
 26. Там же. – С. 316-317.
 27. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2008. – С. 166; Булгаков С.Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 32.
 28. Струве П.Б. Религия и социализм // *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* М., 1997. – С. 331.
 29. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2008. – С. 164.
 30. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – С. 164.
 31. Там же. – С. 161.
 32. Булгаков С.Н. Церковь и социальный вопрос // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 87.
 33. Трубецкой Е.Н. Два слова по поводу полемики г. Лурье и С.Н. Булгакова // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – С. 318.
 34. Булгаков С.Н. Религия и политика (К вопросу об образовании политических партий) // Там же. С. 60.
 35. Струве П.Б. *Facies hipocratica.* К характеристике кризиса в современном социализме // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* М., 1997. – С. 315.
 36. Струве П.Б. Религия и общественность // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* – С. 402; Булгаков С.Н. Неотложная задача // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 29.
 37. Струве П.Б. Религия и социализм // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* – С. 333.
 38. Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 125.
 39. Струве П.Б. Религия и социализм // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* М., 1997. – С. 333.
 40. Струве П.Б. Религия и социализм // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* – С. 334.
 41. Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 137.
 42. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. – С. 377.
 43. Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Сочинения. – С. 440.
 44. Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. – С. 213.
 45. Булгаков С.Н. Христианство и социализм // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – С. 231.

II. Новейшая история России

Г.Т. Камалова

Южно-Уральский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

В статье автор на примере Уральской области выявляет специфику функционирования советских судебных учреждений в конкретно-исторических условиях реализации новой экономической политики. Прослеживает влияние на характер и направления их деятельности противоречивой эпохи двадцатых годов.

COURTS IN URAL DURING NEW ECONOMIC POLICY (NEP)

Galina Kamalova

The South-Ural State University (Chelyabinsk)

Abstract

In this article an author reveals distinctive features of Soviet courts operation during New Economic Policy. An author draws attention to the ways how contradictions of these years affected courts operation.

В деятельности советских судебных органов (собственно, как и всей системы охраны правопорядка) в двадцатые годы явственно прослеживаются два этапа, отличавшиеся по характеру и направленности. В период с 1922 по 1925 гг. функционирование судебной системы проходило под влиянием либерализации режима в условиях осуществления новой экономической политики. Изменения направленности судебной политики проявляются уже в 1926 г., с началом свертывания нэпа, и особенно усиливаются в последней трети двадцатых годов. Рассмотрим подробнее особенности функционирования судебных органов на различных этапах на примере Уральской области.

После реформы 1922 г., как справедливо отмечает большинство авторов, суды стали руководствоваться законами, определявшими их полномочия и обязанности. Значительно возросла самостоятельность и независимость судебной системы. В РСФСР судам приходилось рассматривать значительное количество дел; уголовных: в 1924 г. – 2127 тыс.; 1925 г. – 1483 тыс.; 1926 г. – 1543 тыс. и, соответственно, гражданских: 1046 тыс., 1559 тыс. и 2086 тыс. Число гражданских дел увеличилось в два раза. За два года гражданских дел было заслушано на 35,2% больше, чем уголовных дел¹. Все это свидетельствовало о расширении сферы гражданско-правовых отношений, активизации товарно-денежных отношений в стране.

В общем производстве народных судов доля гражданских дел возрастала: если в 1923 – 1924 гг. гражданские дела составляли 30-35 % от всех, то в 1925 г. – уже 55 %, а в 1927 г. – 80 %. В 1925 г. в судах было рассмотрено около 1,6 млн. гражданских дел, а в 1927 г. – уже свыше 3 млн.². Развитие гражданского судопроизводства стало следствием перехода к новой экономической политике, которая потребовала обеспечения в суде интересов сторон по имущественным спорам. О необходимости «большой революционной законности, твердых гражданских норм и защиты в судебном порядке» было прямо заявлено еще в декабре 1921 г. на XI Всероссийской конференции РКП (б) и IX Всероссийском съезде Советов³. 7 июля 1923 г. был принят первый советский Гражданско-процессуальный кодекс. Гражданам страны предоставлялось право защиты своих интересов в суде. Однако ГПК ещё не был достаточно полным, подвергался критике, имел существенные пробелы⁴. Судебная практика также была неустойчива. Широко распространялись представления о возможности и даже необходимости отступления от указаний закона при вынесении решений. Они обосновывались «интересами государства и трудящихся», «политикой социалистического государства», «революционной целесообразностью».

В практике судебных органов Уральской области в первой половине двадцатых годов прослеживаются те же тенденции, что и в целом по РСФСР. Если поступление уголовных дел в 1926 г. по сравнению с 1925 г. увеличилось с 106501 до 115070, т.е. на 8569 дел (рост составил 8 %), то поступление гражданских дел возросло с 124846 до 160919 дел (на 28,8%)⁵. Это стало отражением, с одной стороны, хозяйственного роста региона, а с другой – показателем возросшего доверия к судебному разрешению споров. Особенно ярко эту тенденцию подтверждает увеличение количества окончанных гражданских дел. За этот же период этот показатель составил 29,4 % от общего количества поступивших дел. По характеру исков рассмотренные гражданские дела распределялись следующим образом: о зарплате – 8 %, о содержании – 12,5 %, жилищные – 2,7%, по договорам – 6,8%, прочие – 33,9%, особого производства – 20,1 %⁶.

Однако в последней трети двадцатых годов положение в области правосудия по гражданским делам, как по РСФСР в целом, так и в регионах, резко ухудшилось. ГКК Верховного суда РСФСР в инструктивном письме № 1 за 1927 г. прямо указала, что «суд откровенно может пойти дальше, чем гласит буква закона», если «этого настойчиво требуют интересы трудящихся и государства»⁷. Второе совещание судебно-прокурорских работников краев, областей и автономных республик РСФСР, состоявшееся в 1929 г., приняло резолюцию, которая в качестве «основного лозунга работы судов» закрепляла положение – «минимум формы, максимум классового существа»⁸. Судебная деятельность по гражданским делам приобрела ярко выраженный карательный, репрессивный уклон, особенно – в деревне против кулаков и даже середняков, в городе – против предпринимателей. По многим категориям гражданских дел, например, по искам о взыскании зарплаты с предпринимателей, по делам о взыскании налоговых недоимок, суды без учета общественной опасности деяния возбуждали уголовное преследование. Негативные тенденции в судопроизводстве появились и в изъятии некоторых категорий гражданских дел из ведения судебных органов. В деревне после упразднения земельных комиссий большая часть земельных споров стала рассматриваться административными органами

и общественными судами. В городе также, например, трудовые споры были изъяты из судебной подведомственности и переданы на рассмотрение других органов. Большая часть работников была лишена права обращаться в суд за защитой своих трудовых прав (например, по вопросу о восстановлении на работе)⁹. Сокращение гражданских дел в суде свидетельствовало не только о сужении сферы гражданского оборота, но и об ограничении гражданских прав, усилении репрессивного характера судебной деятельности.

Рассмотрим изменения уголовной политики судов в исследуемый период. В течение двадцатых годов происходило изменение не только общего количества уголовных дел, рассматривавшихся судебными органами Урала, их доли в сравнении с гражданскими делами, но также изменялось соотношение уголовных дел по составу преступлений и по кругу лиц, совершивших их. Обращая внимание на характер преступлений в условиях осуществления новой экономической политики, «Еженедельник советской юстиции» отмечал, что хозяйственные преступления стали более утонченными, а ущерб от них государству - весьма существенным. Это проявлялось во взяточничестве чиновников, волоките, бюрократизме, раздувании штатов, посредничестве государственных органов в пользу частных лиц и т.п. Действительно, доля контрреволюционных преступлений в республике сократилась: с 0,2 % - в 1925 г. до 0,1 % - в 1926 г., зато возросло количество должностных преступлений (их доля составляла 5,8 % от общего количества по РСФСР)¹⁰. В Уральской области особенно увеличилось количество должностных преступлений, связанных с растратами государственных и общественных денег. Их доля в общем количестве должностных преступлений составила 66,1 %¹¹.

Если на 1 января 1925 г. количество растрат по области составило 3336, то в течение первого полугодия 1926 г. их стало 4177,9 (рост 25,2 %), хотя сумма растрат сократилась на 8 %. Наибольшее количество растрат зафиксировано в Пермском округе - 510 (12,2 % от общего количества по области), сумма растрат в округе составила 202658 руб. (16,6 % от всей суммы растрат по Уральской области)¹². Из общего количества растрат, совершенных в области в первом полугодии 1926 г., на город приходилось 34 %, на деревню - 66 %, причем, по сравнению с предыдущим полугодием, прослеживается тенденция к росту растрат в деревне на 0,1 %. Наибольшее количество растрат падало на кооперацию - более 40 % и государственные органы - 39,4 %. Наиболее распространены были хищения в сумме от 50 до 200 руб. (27,4 % от всех); от 200 до 1000 руб. (27,6 %), от 1 тыс. до 5 тыс. - (8,8 %.)¹³.

В целом, уголовные дела, рассмотренные судебными органами Урала в 1925 г. распределились следующим образом: против личности - 42,4 %, имущественные - 22,1 %, против порядка управления - 21,4 %, количество дел по остальным видам преступлений незначительно¹⁴. Большое количество дел по преступлениям против личности связано с бытовыми условиями деревенской жизни. Сравнительно большой процент количества дел против порядка управления объясняется тем, что в этот разряд включались дела, связанные с нарушениями лесного законодательства и хулиганством, наиболее распространенными среди сельского населения.

Изменение соотношения между различными категориями преступлений можно проследить по делам, рассмотренным Пермским окружным судом. Если во втором полугодии 1926 г. всего должностных преступлений - 45 % (от обще-

го количества дел, рассмотренных по существу), то в первом полугодии 1927 г. – некоторое снижение общего количества должностных преступлений при увеличении доли растрат. Зато количество преступлений против порядка управления возросло в 2 раза¹⁵. Таким образом, к 1927-1928 г. при общем росте количества уголовных преступлений значительно возрастает доля преступлений против порядка управления, особенно в деревне. Это было напрямую связано с усилением произвола в отношении крестьян в условиях сплошной коллективизации. В Уральской области сельское хозяйство являлось главной отраслью. В 1927-1928 г. в нем было занято 80,3 % всего населения области¹⁶, поэтому перемены касались большинства населения региона. Возросли масштабы произвола в деревне, которые вели к росту преступности среди крестьян. Если в 1925 г. доля крестьян, совершивших контрреволюционные преступления, составляла 54,7 %, от общего количества, то уже в первом полугодии 1926 г. она возросла до 82,2 %. На крестьян приходилась и большая часть преступлений против порядка управления (70,7 %), при некотором снижении их доли среди лиц, совершивших хозяйственные преступления (с 63,1 % до 53,3 %)¹⁷. Во второй половине двадцатых годов рост количества лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, наблюдается и в целом по РСФСР. В 1926 г. их было 17804 человека; в 1927 г. – 26036; в 1928 г. – 33751; в 1929 г. – уже 56220 (рост по сравнению с 1926 г. более чем в три раза)¹⁸.

Наглядно направленность изменений в деятельности судов показывает их карательная политика. В 1925/26 г.г. суды выносили много оправдательных приговоров либо применяли наказания, не связанные с лишением свободы (штрафы, принудительные работы и т.д.). В РСФСР доля оправдательных приговоров в 1925 г. составила 25,6 % от всех лиц, привлеченных к судебной ответственности, в 1926 г. – 25,9 %. Условному наказанию было подвергнуто в 1925 г. 24,6 % всех осужденных, тюремному заключению – 38,1 % от всех осужденных¹⁹. Причем при применении тюремного заключения преобладали небольшие сроки. Распространенность последней меры наказания во многом объясняется тем, что большинство уголовных дел рассматривалось судами во время выездных сессий, кроме того, в этот период до 40 % всех уголовных дел составляли хулиганство, самогоноварение, незаконная рубка леса и т.п.²⁰ Это имело своим следствием огромный объем работы судов и перенасыщенность тюрем.

Поиски решения проблемы разгрузки судов шли в разных направлениях. Наркомат юстиции рекомендовал на местах проведение ударных кампаний по разгрузке судебно-следственных органов, ускорению сроков рассмотрения дел. В циркуляре Уральского областного суда от 1 февраля 1928 г. предусматривались конкретные меры по реализации рекомендаций НКЮ. Надо отметить, что именно во второй половине двадцатых годов в деятельности судов складывается традиция по проведению различных «ударных кампаний» (по борьбе с самогоноварением, взяточничеством, борьбе с хулиганством, волокитой и т.п.). Это позволяло привлечь внимание к конкретным видам преступлений и добиваться повсеместного применения определенных наказаний.

Т.П. Коржихина считает проведение различных кампаний признаком перехода к «чрезвычайщине», ставшей неотъемлемой чертой жизни страны в конце двадцатых годов. Она определяет «чрезвычайщину» как «совокупность принципов, методов, приемов управления, основанных на внесудебном при-

нуждении и массовых репрессиях»²¹. На наш взгляд, такая оценка различных кампаний раскрывает суть явления не в полном объеме. В 20-е годы, при том уровне общественного сознания и состояния кадров, организация кампаний являлось достаточно быстрым и эффективным способом принуждения местных органов следовать политике, разработанной центром. Эта мобилизационная технология в работе правоохранительных органов наибольшей интенсивности достигла в конце 20-х годов. Кроме того, следует отметить и такую особенность кампаний двадцатых годов, которая получила наибольшее развитие уже в тридцатые годы – это то, что их движущей силой были не проблемы уголовного правосудия, а политические интересы правящей партии, стремившейся укрепить свою власть, повысить свою роль в управлении обществом.

Тенденция к ужесточению карательной политики судебных органов Уральской области, наметившаяся уже в первом полугодии 1926 г., прогрессировала в 1927 - 1928 гг. Хотя XV съезд ВКП (б) поставил задачу: «...обеспечить улучшение и расширение работы органов суда...»²² и провозгласил верность курсу новой экономической политики, но, вместе с тем, принцип революционной законности фактически подменялся «коммунистической бдительностью и революционным чутьем в отношении классовых врагов»²³. Эти термины нашли законодательное воплощение в постановлении ВЦИК и СНК СССР от 26 марта 1928 г., где даны директивы по изменению политики суда. Теперь уголовная политика, поправ принципы состязательности, равенства всех перед судом, свела уголовный процесс к орудию классовой борьбы. Суд стал прямым проводником партийной линии. Это особенно очевидным становилось при проведении общегосударственных кампаний по хлебозаготовкам, самообложению и т.п. Было дано четкое указание «арестовывать спекулянтов, кулаков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен» и судить их в «особо срочном и не связанным формальностями порядке», «с конфискацией хлеба», «с широким опубликованием приговоров и решений в печати, через сельсоветы и проч.»²⁴. Так, в Уральской области при проведении кампании по самообложению крестьян в 1928 - 1929 гг. предельный размер самообложения был превышен более чем на 25 %²⁵. В 1930 г. Уральский областной исполком Советов постановил обязать сельские советы провести общие собрания по самообложению и признать необходимым проводить самообложение в размере 50% сельхозналога, а в отдельных случаях – до 100%²⁶. При этом народные следователи получили прямое указание при попытке срыва кампании по самообложению рассматривать эти дела как контрреволюционную агитацию, проводить следствие в течение 24 часов²⁷.

Являясь одним из органов государства пролетарской диктатуры, советский суд был обязан проводить классовую политику пролетариата при осуществлении правосудия. Характер, содержание и направленность судебных решений изменялись на различных этапах нэпа. На рубеже 20 – 30-х гг. судебная деятельность приобрела ярковыраженный карательный уклон. Деформация судебной деятельности инициировалась руководящими партийными и государственными органами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сводный отчет о деятельности губернских, областных и краевых судов и подведомственных им судебно-следственных учреждений за 1925 г.- М., 1926. – С. 79, 81, 105, 115, 169.

2. Домбровский Е., Елоховский А. Основные нарушения действующего законодательства в решениях народных судов за 1925 г. // Ежедневник советской юстиции. 1926. № 26. С.803; Гарнаевский Е. Народные суды в 1925 г. // Ежедневник советской юстиции. 1926 № 31. С.943-944; Осипович В. Больше внимания гражданским делам в народном суде. // Ежедневник советской юстиции. 1926. № 6. – С. 161.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. и исправ Т. 2. М: Изд-во полит. литер., 1970. С.472; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. – С. 328.
4. Ежедневник советской юстиции, 1926. – № 5. – С. 148; № 30. – С. 923; – С. 923; № 31. – С. 947-948; № 48. – С. 1359-1360; Юридический вестник, 1996. № 14.
5. Подсчитано по: Государственный архив Пермской области (ГАПО) Ф.Р. 127. Оп.1. Д.17. Л. 109.
6. ГАПО Ф.Р. 127. Оп.1 Д.17. Л.109 об.
7. Ежедневник советской юстиции, 1927. – № 3. – С. 298.
8. Резолюции II совещания судебно-прокурорских работников. // Ежедневник советской юстиции, 1929. – № 47. – С. 1099.
9. Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов. // СЗ СССР. 1928. – № 56. – С. 495.
10. ГАПО Ф. Р. 154. Оп.1. Д.51. Л.116, 117.
11. ГАПО Ф. .Р. 154. Оп.1. Д.51. Л.116, 124.
12. Подсчитано по: ГАПО Ф. Р. 154. Оп.1. Д.51. Л.115.
13. ГАПО Ф. Р. 154. Оп.1. Д.51. Л.115.
14. ГАПО Ф. Р. .127. Оп.1. Д.17. Л.109; Д.36 .Л.303.
15. Подсчитано по: ГАПО Ф. Р.127. Оп.1. Д.36. Л.303, 304 об.
16. Государственный архив Свердловской области (ГАСО) Ф. Р. 245. Оп.1. Д.135. Л.85.
17. Подсчитано по: ГАПО Ф. Р. 127. Оп.1. Д.17. Л.110.
18. Земсков В.Н. Заключение в 30-е годы. Социально-демографические проблемы. // Отечественная история, 1997. № 4. – С. 59.
19. Сводный отчет о деятельности губернских, областных и краевых судов и подведомственных им судебно-следственных учреждений за 1925 г.- М., 1926. – С. 79, 81, 105, 115, 169; Сводный отчет о деятельности губернских, областных и краевых судов и подведомственных им судебно-следственных учреждений за 1926 г. - М., 1927. – С. 47, 50, 54, 56, 62, 108.
20. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – С. 63.
21. Коржихина Т.П. Основные черты административно-командной системы управления. // Формирование административно-командной системы 20-30-е гг. М., 1992. – С. 159.
22. КПСС в резолюциях.... Т. 4. –С. 25.
23. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б). 6-11 апреля 1928 г. // КПСС в резолюциях... Т. 4. – С. 75-83.
24. Цит. по: Известия ЦК КПСС, 1991. – № 5. – С. 198.
25. ГАСО Ф.Р. 2259. Оп.1. Д.51. Л. 1, 29.
26. Известия Уральского областного исполкома совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, 1930. – № 50. – 9 сентября.
27. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГА ОПДКО). Ф.7. Оп.1. Д.752. Л.18.

С.Т. Гайдин
Красноярский государственный
аграрный университет

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
ОТРАСЛЕВЫХ МИНИСТЕРСТВ И ТЕРРИТОРИЙ В РЕШЕНИИ
ПРОБЛЕМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(1946 – 1990 ГГ.)**

Аннотация

В статье рассмотрена государственная политика развития природопользования в Восточно-Сибирском экономическом районе в послевоенный период существования СССР. Автор попытался выявить основные этапы в проведении этой политики через отраслевые министерства и ведомства, а также проследить эволюцию отношения к ней со стороны партийных и советских органов Восточной Сибири. Проанализировав развитие природопользования, автор пришел к выводу, что, несмотря на растущие объемы вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот, политика государства в регионе оказалась экономически недостаточно эффективной, слабоориентированной в социальном плане и экологически ущербной.

Abstract

The state nature management policy in Eastern-Siberian economic region in post-war period of the USSR is analyzed in the article. The author tries to identify the main stages of adopting the nature management policy by branch ministries and departments and to study the evolution of communist party and Soviet bodies' attitude towards the discussed problem. The research proves that despite increasing use of natural recourses and rapid pace of development of productive forces, the state nature management policy is economically insufficient, not enough socially oriented and environmentally unbalanced.

Организация природопользования в Восточной Сибири в послевоенный период существования СССР во многом зависела от согласования интересов министерств и ведомств, выражавших так называемые государственные интересы, и территорий, на которых решались экономические и социальные проблемы населения. Приоритеты в этих отношениях были определены еще в 30-е гг., когда Госплан СССР отказался от реализации рекомендаций первой Всероссийской конференции по развитию производительных сил страны, которая предлагала в Восточной Сибири сделать акцент на развитие Ангаро-Енисейского региона на основе первоочередного строительства объектов теплоэнергетики и гидроэнергетики, размещения энергоемких производств. Но в условиях недостаточной изученности региона, нехватки финансовых средств и других причин ставка была сделана на разработку стратегических видов сырья, которые отсутствовали в Европейской части страны и прилегающих к ней районах, независимо от степени затрат на их разработку. В Забайкалье были созданы предприятия оловянной и вольфрамо-молибденовой промышленнос-

ти. На севере Красноярского края, за Полярным кругом, силами заключенных строился Норильский горно-металлургический комбинат по производству меди, никеля и редких металлов¹. В Хакасии была налажена добыча и первичная переработка асбеста, в Иркутской области - слюды.

С тех пор экономический облик разных регионов страны стал определяться системой директивного планирования и управления, которая, исходя из формулируемых ею стратегических целей, принимала решения о размещении и развитии производительных сил и выделении для этого необходимых ресурсов. Благодаря действию этого механизма, в годы Великой Отечественной войны удалось обеспечить вынужденный по причинам и значительный по масштабам сдвиг промышленного производства в восточные районы страны, что привело к усложнению отраслевой структуры промышленного производства и увеличению изъятия природных ресурсов на нужды страны. Но уже к концу войны специалисты вынуждены были говорить о том, что резко возросшие объемы заготовки рыбы, диких животных и пушнины привели к значительному истощению сырьевой базы рыбной промышленности и пушного промысла². Серьезные экологические проблемы возникли в связи с размещением в некоторых городах большого количества эвакуированных предприятий. Например, в Красноярске за годы войны население выросло в 1,5 раза, а выпуск промышленной продукции - в 7-8 раз. Почти незаселенный ранее, правый берег стал крупным промышленным районом протяженностью 23 км с населением 100 тысяч человек³.

В восстановительный период центральные органы поддерживали развитие в Восточной Сибири предприятий отраслей общесоюзной и республиканской специализации, созданных в довоенный и военный период, и отраслей, обеспечивающих местные потребности населения. Так, Норильский горно-металлургический комбинат за 1945–1947 гг. в два раза увеличил производство никеля и меди. В Бурятии были увеличены мощности Джидинского вольфрам-молибденового комбината, в Читинской области – предприятий оловянной промышленности. Добыча угля в Восточной Сибири за 1946–1950 гг. возросла в два раза, а заготовка древесины – в 4,4 раза⁴. Причем большинство произведенной здесь продукции вывозилось за пределы региона и шло на восстановление пострадавших от военных действий районов страны.

С началом строительства в 1950 г. Иркутской ГЭС началось практическое решение Ангаро-Енисейской проблемы. В тот период партийные органы Иркутской области рассматривали создание ГЭС как воплощение в жизнь Великого сталинского плана преобразования природы, суть которого заключалась в приспособлении природы к обслуживанию потребностей общества, определяемых государством⁵. Такой технократический подход высшего руководства страны, с одной стороны, создавал условия для экономического развития СССР, а с другой, как показала практика гидростроительства в Восточной Сибири, ставил экономику в зависимость от природных процессов, как это произошло в маловодные 70-е гг., когда было значительно сокращено производство электроэнергии. Масштабное вмешательство в природные процессы при строительстве крупных ГЭС, в свою очередь, вело к нарастанию кризисных явлений экологического характера. В середине 90-х гг. специалисты оценили общий экономический ущерб от строительства Иркутской, Братской и Усть-Илимской ГЭС на Ангаре в 1910 млрд. руб. Он складывался из утраты сельскохозяйственных и

промысловых угодий, затопления лесов, снижения рыбопродуктивности водохранилищ, ухудшения качества воды и многих других факторов⁶.

Следующий период в развитии природопользования в Восточной Сибири целесообразно обозначить хронологическими рамками 1951–1958 гг. Его отличала активизация работ по исследованию природных ресурсов региона и определению концептуальных подходов к развитию производительных сил Бурятской АССР, Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Восточной Сибири в целом на долговременной основе. Этому способствовало реформирование на рубеже 40-х–50-х гг. геологической службы по территориальному принципу, с созданием Красноярского, Иркутского и других геологуправлений. В 1953 г. была создана комплексная геологическая экспедиция в Бурятской АССР. Сотрудники института «Гидропроект» в указанное время занимались изучением гидроэнергетических ресурсов региона⁷.

Первая попытка определить перспективы долговременного развития была предпринята еще в 1947 г. – на проведенной в Иркутске конференции по развитию производительных сил Иркутской области, в работе которой участвовали крупные ученые, представители министерств и ведомств, партийные и советские работники, и которая приняла рекомендации по основным направлениям развития народнохозяйственного комплекса Ангарской части Ангаро-Енисейского региона⁸. Для Енисейской части сотрудниками АН СССР и ряда проектных институтов были разработаны «Основные направления развития производительных сил Красноярского края на 1951-1955 гг.» и «Схема районной планировки зоны влияния Красноярской ГЭС»⁹. Изучение возможностей развития Забайкалья активизировалось после организации в 1952 г. комплексной экспедиции АН СССР в Бурятии, что позволило сформировать специальную бригаду ученых по изучению проблем развития Читинской области. Изучение природных ресурсов региона стимулировало создание в 1957 г. территориальных Красноярского, Иркутского, Бурятского и Читинского совнархозов, отвечавших за экономическое развитие и решение социальных проблем, а новые возможности для этого появились с созданием Сибирского отделения АН СССР.

Результаты геологических, научных исследований, предложения руководителей совнархозов, партийных, советских работников, представителей министерств и ведомств позволили организовать проведение в августе 1958 г. Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири в Иркутске. В её работе участвовали 35 академиков и членов-корреспондентов Академии наук, около 400 кандидатов и докторов наук, большое количество партийных, советских, хозяйственных руководителей. На конференции были рассмотрены перспективы развития как основных отраслей специализации региона, так и хозяйственных комплексов Бурятской АССР, Красноярского края, Иркутской и Читинской областей. Судя по рекомендациям конференции, приоритет отдавался развитию производительных сил Иркутской области и Красноярского края, которые имели не только значительные гидроэнергетические и природно-сырьевые ресурсы, но и более высокую, чем в Бурятской АССР и Читинской области, численность населения, лучшую энергообеспеченность и более развитую транспортную сеть. Здесь либо строились, либо были введены в эксплуатацию железные дороги: Абакан – Новокузнецк, Абакан – Тайшет, Тайшет – Братск и другие¹⁰.

В дальнейшем рекомендации конференции, после прохождения соответствующей экспертизы, были включены в долгосрочную программу развития страны на период 1961–1980 гг., в которой была определена четкая специализация экономических районов. За двадцать лет в Восточной Сибири предстояло завершить строительство Красноярской и Братской ГЭС, построить Саянскую, Усть-Илимскую, Богучанскую и другие электростанции, построить мощные тепловые станции на базе Канско-Ачинского месторождения бурых углей, создать новые энергоёмкие производства¹¹. Можно говорить об амбициозности и волюнтаризме тогдашних лидеров страны, но XXII съезд КПСС фактически определил задачи развития Восточной Сибири на период вплоть до распада СССР.

1959–1970 гг. можно рассматривать как период реализации намеченных долгосрочных планов и борьбы местных партийных и советских органов за вовлечение в хозяйственный оборот новых месторождений и лесных массивов в недоступных ранее местах. Для привлечения внимания ЦК КПСС, Совета Министров СССР к решению обозначенной выше проблемы использовались докладные записки, встречи с конкретными руководителями, трибуна партийных съездов. В 1960 г., после работы в Красноярске правительственной комиссии под руководством председателя правительства СССР А.Н. Косыгина, были разработаны специальные меры по развитию народного хозяйства Красноярского края в целом на период 1960–1965 гг. и по развитию энергетики в частности¹².

В указанный период в Восточной Сибири велось создание алюминиевой промышленности. Здесь строились или уже были введены в эксплуатацию Иркутский, Братский и Красноярский алюминиевые заводы. В эти годы здесь также шло формирование добывающих предприятий черной металлургии, снабжавших железным концентратом металлургические комбинаты Кузбасса. В Красноярском крае были построены Абазинский и Тейский рудники. В 1965 г. первую руду выдал Коршуновский ГОК в Иркутской области¹³.

Дальнейшее развитие в регионе получила химическая промышленность. В Красноярском крае завершалось формирование лесохимического комплекса, в который входили целлюлозно-бумажный комбинат, заводы искусственного волокна, синтетического каучука, гидролизные предприятия. В Иркутской области велось строительство Ангарского нефтехимического, Саянского электрохимического, Братского лесопромышленного комплексов. На Байкале был введен в эксплуатацию целлюлозно-бумажный комбинат, а в Бурятии велось строительство Селенгинского целлюлозно-картонного комбината.

После перемещения в середине 60-х гг. лесозаготовок в восточные районы страны ежегодный объем заготовки древесины в Красноярском крае составил 22 млн. куб. м, в Иркутской области – 24–25 млн. куб. м¹⁴. Значительно меньше был рост заготовок в Бурятии и Читинской области. Следует подчеркнуть, что, по мере усиления лесозаготовки, развития промышленности в регионе, шло быстрое накопление экологических проблем.

Причем возвращение в 1965 г. от совнархозов к отраслевому методу управления усугубило экономическую и экологическую ситуацию в регионе. Работа министерств и ведомств, отвечавших за различные отрасли экономики, по-прежнему оценивалась по экономическим результатам, что объективно отодвигало на второй план решение социальных и экологических проблем. А местные

партийные и советские органы, отвечая вместе с министерствами за экономические показатели, становились заложниками министерств и ведомств, продвигавших свои экономически необоснованные и экологически ущербные решения. Поэтому на рубеже 60–70-х гг. высшее руководство страны вынуждено было пойти на проведение эксперимента по отработке новых механизмов взаимодействия министерств и ведомств – с одной стороны, и территорий – с другой. Это было вызвано многими обстоятельствами: необходимостью быстрого перехода от экстенсивных к интенсивным источникам развития, исчерпанием экономически эффективных ресурсов в Европейской части страны, тяжелой экологической ситуацией в старых промышленных центрах, что требовало переноса в восточные районы не только заготовки и добычи природно-сырьевых ресурсов, но и производства из них готовой продукции. В этих условиях Восточная Сибирь превращалась в регион приоритетного развития. Местом проведения эксперимента был избран Красноярский край, в котором было сконцентрировано 13 % гидроэнергетических ресурсов, 18 % запасов древесины, 40 % разведанных в стране бурых углей. Себестоимость заготовки и добычи природных ресурсов в крае была одной из самых низких в СССР. Тем более, что край уже имел опыт работы по специальной правительственной программе в 60-е гг. Эти и другие обстоятельства побудили ЦК КПСС и Совет Министров СССР принять постановление «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края»¹⁵.

Период 70-х–80-х гг. можно рассматривать как время проведения эксперимента в Красноярском крае и распространения его на другие административно-территориальные образования региона. Если раньше в Восточной Сибири, как и в других экономических районах, задания на очередную пятилетку давались на экономический район и лишь затем разверстывались министерствами и ведомствами по автономным республикам, краям и областям, которые уже не имели права влиять на формирование территориальных планов, то теперь задания по Красноярскому краю были определены отдельной строкой, что в РСФСР ранее делалось только в отношении Москвы и Ленинграда. Причем акцент делался на развитие в крае таких новых форм организации производства, как территориально-производственные комплексы (ТПК) и промышленные узлы (ПУ), которые давали возможность объединять усилия министерств и ведомств в решении проблем развития экономики Красноярского края.

В 1971–1980 гг. в крае формировалось пять ТК: Центрально-Красноярский, Саянский, Северо-Енисейский, Нижне-Ангарский и Канско-Ачинский, а внутри ТК, в свою очередь, шло формирование промышленных узлов, генеральные схемы которых в 70-е гг. были утверждены Госстроем СССР. В них были обозначены общеузловые объекты, и в том числе очистные сооружения, определены размеры финансирования по каждому министерству, на условиях долевого участия в строительстве, даны предложения по определению их генерального застройщика¹⁶. Это заставляло министерства и ведомства идти на постоянный диалог с советскими и партийными органами Красноярского края.

Эксперимент продемонстрировал жизнеспособность апробированных подходов. Край за первое десятилетие его проведения в 1,5 раза увеличил производство продукции лесной отрасли, в 2 раза – производство целлюлозы, в 3 раза – картона, почти в 2 раза – производство цветных металлов, в 2,3 ра-

за - производство продукции черной металлургии и машиностроения¹⁷. Ускорилось решение экологических проблем, так как с 1975 г. обязательным стало включение заданий по охране природы в планы работы промышленных предприятий, учреждений и организаций. В Иркутской области в 70-е гг. также шло формирование мощного Братско-Усть-Илимского ТПК.

Межведомственная комиссия по проблемам Ангаро-Енисейского региона, проанализировав эффективность новых форм организации производства, рекомендовала в период до 2000 г. в Красноярском крае и Иркутской области сформировать 11 ТПК, объединяющих более 40 промышленных узлов¹⁸. В зоне Байкало-Амурской магистрали на территории Восточно-Сибирского экономического района предстояло сформировать Верхне-Ленский, Мамско-Бодайбинский ТПК в Иркутской области, Северо-Байкальский ТПК - в Бурятии и Удоканский промышленный узел - в Читинской области.

Вместе с тем, в ходе эксперимента проявилось стремление отдельных министерств и ведомств к отказу от размещения в составе ТПК и ПУ крайне необходимых предприятий, таких, например, как целлюлозно-бумажный комбинат и гидролизные заводы в Енисейско-Лесосибирском промышленном узле с большим количеством отходов лесопиления. Уклонялись министерства и от участия в строительстве общеузловых сооружений, что также сдерживало решение экологических проблем.

Более медленными темпами в 70-е–первой половине 80-х гг. развивались народнохозяйственные комплексы Бурятской АССР и Читинской области, что было обусловлено введением ограничений на хозяйственную деятельность в водосборной площади оз. Байкал, которая занимала более 30 млн. га на территории Бурятской АССР и Читинской области¹⁹. Это, в свою очередь, побуждало увязывать будущее хозяйственного комплекса Читинской области с развитием Дальневосточного экономического района.

К середине 80-х гг. стало очевидно, что за годы существования советской модели функционирования экономики так и не удалось найти способов сочетания интересов министерств и ведомств, с одной стороны, и территорий, с другой. В некоторых районах долговременной добычи полезных ископаемых и заготовки древесины в Восточной Сибири к этому времени уже произошло исчерпание ряда месторождений полезных ископаемых и истощение лесосырьевых баз. В регионе сложился высокий уровень загрязнения окружающей среды, в том числе и за счет переноса загрязняющих веществ на территории промузлов и ТПК. А уровень жизни населения Восточной Сибири, играющей все более заметную роль в экономике страны, был намного меньше, чем в Европейской части СССР.

Во второй половине 80-х гг., в условиях перестройки, расшатывания командно-административной системы управления, нарастания общественного движения, партийные и советские органы Бурятской АССР, Красноярского края, Иркутской и Читинской областей попытались изменить отношения с министерствами и ведомствами в пользу территорий. На проведенных в течение 1989 г. конференциях они обосновывали необходимость разграничения компетенции союзных, республиканских и местных органов власти в распоряжении природными ресурсами и принятии решений по их использованию²⁰. Эти требования могли бы лечь в основу нового эксперимента, но выбор, волей обстоятельств, был сделан в пользу рыночных отношений.

Таким образом, созданная в послевоенный период в Восточной Сибири, как и в стране в целом, система природопользования, несмотря на неоднократные попытки оптимизации отношений между интересами отраслевых министерств и ведомств и интересами территорий, оказалась экономически недостаточно эффективной, социально слабоориентированной и экологически ущербной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ломако П.Ф. Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С.
2. Экология и власть. 1917–1990. Документы / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Пономарева и др. М. 1999. – С. 39–40.
3. Государственный архив Красноярского края (далее: ГАКК). Ф.Р–1478. Оп.3. Д. 49. Л. 1.
4. Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. / В.В. Алексеев, С.С. Букин, А.А. Долголюк и др. Новосибирск. 1989. – С. 66.
5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее: ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 37. Д. 7. Л. 15.
6. Безруков Л.А. Никольский А.Ф. Экономическая оценка ущерба от негативного воздействия Ангарского каскада ГЭС и водохранилищ на природу, хозяйство и население Иркутской области // География и природные ресурсы. 1995. – № 1. – С. 128 – 131.
7. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 27. Д. 44. Л. 163; Национальный архив Республики Бурятия (далее: НАРБ). Ф.П–1. Оп. 1. Д. 5866. Л. 10; Государственный архив Читинской области (далее: ГАЧО). Ф.П–3. Оп. 4. Д. 1154. Л. 14.
8. Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. / В.В. Алексеев, С.С. Букин, А.А. Долголюк и др. Новосибирск, 1989. – С. 14–15.
9. Савчук Н.В. Ангаро - Енисейский район: социально – экологические проблемы хозяйственного освоения 1950–1990. Ангарск, 2006. – С. 64.
10. Развитие производительных сил Восточной Сибири. Общие вопросы развития производительных сил // Тр. конф. по разв. производ. сил Вост. Сиб. (Иркутск, 18–26 авг. 1958 г.). М., 1960. – С. 148–149.
11. Материалы XX съезда КПСС. М., 1962. – С. 147, 374.
12. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 2. Красноярск, 1970. – С. 278.
13. ГАКК. Ф.П–26. Оп. 33. Д.20. Л. 5; Рудный пояс Сибири / сост. С.Д. Барсуков, М.Ф. Беркович. Кемерово, 1986. – С. 203.
14. Государственный архив Иркутской области (далее: ГАИО). Ф. 3018. Оп. 19. Д. 1. Л. 78; ГАКК. Ф.П–26. Оп. 37. Д. 5. Л. 254.
15. Федирко П.С. Все для человека, во имя человека. Красноярск, 1979. – С. 32–35.
16. Сокольникова В. Саянский комплекс // Экономическая газета. 1989. №4. январь; Ильин В. Утверждено Госстроем СССР // Красноярский рабочий. 1972. 10 сент.; Зигельман Г. Где и как строить заводы // Там же, 1972. – 14 дек.
17. Квинт В.А., Гуртовой М.М. Красноярский эксперимент. Красноярск, 1981. – С. 21, 33, 39.
18. Савельев В. Могуществом Сибири // Сибирская газета, 1987. – 14 июня.
19. ГАЧО. Ф.Р–2429. Оп. 1. Д. 31. Л. 72; НАРБ. Ф.П–1. Оп. 1. Д. 161. Л. 22.
20. Волков Н. Повернуть экономику к человеку // Восточно – Сибирская правда, 1989. – 28 июля; На IV региональном совещании по проблемам развития производительных сил в Читинской области // Наука в Сибири, 1989. – 25 авг.; Кирьянов И., Стыврин В. Красноярье – выбор пути // Красноярский рабочий, 1989. – 29 дек.

А.Д. Афанасьев
Московский государственный
открытый университет

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИЗДАНИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ (1960-1980 ГГ.)

Аннотация

В данной статье автор рассматривает сложившуюся жестко централизованную систему учебного книгоиздания для высшей школы в период перед началом перестройки экономики страны. В новых исторических условиях происходит процесс трансформации системы образования в рамках проекта двухступенчатой системы подготовки специалистов. Одним из наиболее действенных средств поддержки системы обучения являются учебные и методические издания по изучаемым дисциплинам. Автор анализирует положительные и отрицательные стороны процесса управления учебно-методическим обеспечением учебного процесса в рассматриваемый период.

В условиях перестройки системы образования в рамках проекта двухступенчатой системы высшего образования одним из наиболее действенных средств обучения являются учебные издания по дисциплинам, входящим в государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования.

Исторически сложившийся опыт учебного книгоиздания, положительные и отрицательные черты системы управления обеспечением учебного процесса учебной литературой могут способствовать созданию более совершенной системы управления процессом и избежать негативных проявлений, характерных управленческим системам.

Задача улучшения качества подготовки специалистов высшей квалификации выдвигает требование «... систематически обновлять содержание учебного процесса и тематику научных исследований в вузе, активнее внедрять новые технологии обучения, а также обеспечивать подготовку и издание учебной и научной литературы»¹ через центральные, университетские издательства, а также через вузовские редакционно-издательские отделы.

В начале 1960-х годов становится актуальной проблема координации учебного процесса и научного книгоиздания на всесоюзном и региональном уровне в связи с изменениями, происходящими в развитии экономики страны. Минвузу СССР поручалось: «Осуществлять координацию планов издания учебников, учебных и наглядных пособий для высших, средних специальных учебных заведений; организовывать конкурсы на лучшие учебники и учебные пособия по важнейшим предметам для высших учебных заведений; издавать учебники, научную и методическую литературу, а также научные журналы»².

Министерство образования СССР издает ряд многочисленных приказов в соответствии с решениями правительства. Однако в издании учебной литературы оставалось еще множество нерешенных вопросов и существенных недостатков. Основным из них было отсутствие сводного плана выпуска учебной

литературы в стране.

Проведенный Минвузом СССР анализ выпускаемой литературы определил меры, необходимые для совершенствования учебного книгоиздания, в связи с чем в 1962 году был принят приказ «Об улучшении качества издаваемых учебников и учебных пособий для студентов высших учебных заведений СССР», в котором предусматривались основные направления деятельности высших учебных заведений. Качественная реализация мер по совершенствованию издательской деятельности была возложена на научно-методические, научно-технические советы.

В целях полного и систематического обеспечения студентов заочных и вечерних высших учебных заведений учебниками и учебными пособиями и учебно-методической документацией, в 1964 году было принято постановление, где Минвуз СССР обязывался обеспечить к началу учебного года каждого студента, обучающегося заочно, полным комплектом необходимых учебников, учебных пособий и учебно-методической документации.

Постановление обязало Госкомпечать СССР в первоочередном порядке, наряду с изданием учебников для средней школы, тиражи издающихся учебников и учебных пособий для высшей школы согласовывать с Минвузом СССР. Было предусмотрено открытие в 1964-1965 гг. в столицах союзных республик и в городах, имеющих университеты и крупные учебные заведения, специальные магазины с отделением «Книга-почтой» по продаже учебной литературы. Госплан СССР должен был предусмотреть выделение для Госкомпечати фондов на бумагу, исходя из необходимости полного обеспечения студентов учебной литературой.

В 1964 году Минвузом СССР была разработана и утверждена «Временная инструкция о порядке планирования и подготовки рукописей учебников и учебных пособий, издаваемых для высших и средних специальных учебных заведений СССР»³. Согласно данному постановлению, планирование учебной литературы должно было быть перспективным и текущим.

Перспективное планирование осуществлялось на пять лет и предполагало обеспечение студентов учебной и учебно-методической литературой в соответствии с действующими учебными планами, с учетом направления развития образования в стране и установленными разграничениями тематики между издательствами. Функции планирования тесно увязывались с анализом обеспеченности, который должен был предшествовать планированию.

Анализ обеспеченности учебной литературой производился министерствами, комитетами и ведомствами союзных республик, имеющими высшие учебные заведения.

Из поступивших в Министерство предложений формировался Сводный перспективный тематический план, куда также включались перечни тем для подготовки учебной литературы, по которым не были подобраны авторы и авторские коллективы. Министерство образования СССР, министерства и ведомства, имеющие высшие учебные заведения, по согласованию с Госкомитетом по печати и издательствами объявляли конкурсы на подготовку учебников для вузов. Вопросы переиздания учебников и учебных пособий, пользующихся спросом или подлежащих существенной переработке, решались в процессе текущего планирования.

Перспективный сводный тематический план состоял из двух частей, ут-

верждаемых отдельно: для высших учебных заведений и для средних специальных учебных заведений. План утверждался Минвузом СССР и Госкомиздатом СССР и являлся обязательным для всех министерств (ведомств), издательств и учебных заведений, независимо от их ведомственной подчиненности. Утвержденный план рассылался в издательства, вузы, техникумы и другие заинтересованные организации.

Издательства на основании плана заключали договоры с авторскими коллективами и отдельными авторами на подготовку рукописей учебной литературы для издания их в сроки, установленные планом. В договорах издательства предусматривали необходимость подготовки рукописи по утвержденной учебной программе, а при их изменении - внесение в рукопись соответствующих изменений.

Помимо перспективного планирования на пять лет, Минвуз СССР занимался формированием текущего планирования на два года, на основе сводного перспективного плана с учетом дополнительных предложений, реальных условий подготовки рукописей и принятия издательствами обязательств по их изданию.

Предложения для составления планов выпуска учебников и учебных пособий на два года представлялись: для издания в центральных издательствах – непосредственно в Минвуз СССР, для издания в республиканских издательствах – в министерства союзных республик, которые, согласовав их с республиканскими органами по печати, представляли планы в Минвуз СССР.

В план издания первого года планируемого периода включались рукописи, поступившие в издательства к моменту составления плана и имеющие не менее одной положительной рецензии, а также учебники и учебные пособия, подлежащие переизданию без существенной переработки, в зависимости от потребности в этой литературе.

В план издания второго года включались наименования учебников и учебных пособий, для написания которых были подобраны авторы и заключены издательские договоры.

Ответственность за выполнение планов подготовки и выпуска учебников и учебных пособий несли издательства, министерства и ведомства, которым, в соответствии с перспективным планом, было поручено выдавать гриф на рукопись учебников и учебных пособий. Все упомянутые организации ежеквартально представляли сведения о выполнении утвержденного плана выпуска в Минвуз СССР.

В целом в 1960-е годы по количеству наименований и тиражам издание учебной литературы всеми центральными издательствами Главной редакции научно-технической литературы Госкомитета по печати возросло.

Однако неудовлетворительная работа книготорговой организации «Союзкнига» по сбору заявок на издаваемые учебники вызывала необходимость допечатки тиражей, что отрицательно сказывалось на экономике издательств и типографий и организации производственного процесса.

С 1971 года начинается новый этап в становлении централизованной системы учебных изданий для отечественной высшей школы – этап подготовки и издания учебников и учебных пособий на основе перспективных и текущих учебных планов.

Основная роль в решении вопросов централизованного обеспечения вы-

сшей школы учебной литературой отводилась специализированным издательствам: «Высшая школа», «Мысль», «Наука», «Энергоатомиздат», «Металлургия», «Транспорт», «Химия», «Машиностроение», «Недра», «Стройиздат», университетским издательствам. Особое внимание было обращено на тесное взаимодействие этих издательств с высшими учебными заведениями, в том числе и региональными, с научными вузовскими центрами страны⁴.

В соответствии с инструкцией Минвуза СССР «О порядке планирования и подготовки к изданию рукописей учебников и учебных пособий для высших учебных заведений»⁵, организация работы по отбору рукописей учебников и учебных пособий для издания возлагалась на вузы. Однако региональная высшая школа по-прежнему испытывала затруднения с обеспеченностью учебной литературой. Центральные издательства неохотно включали в свои планы рукописи периферийных авторов, а местные издательства, планы которых строго регламентировались, издавали научную, научно-популярную, справочную литературу.

Тематические планы университетских издательств утверждались совместным приказом Минвуза и Госкомпечати СССР⁶. Продукцией издательств была в основном научная литература, выпуск учебной книги составлял лишь 16-17%⁷. Издательства выпускали книги преподавателей не только университета, но и других вузов соответствующего региона. К примеру, издательство Томского университета выпускало книги преподавателей Западной и Восточной Сибири (Алтайского, Кемеровского, Красноярского, Новосибирского, Омского, Тюменского университетов и других вузов)⁸.

Включить издание работы в план университетского издательства было довольно сложно по различным причинам: значительное удаление вузов от издательства, строгая регламентация нормативных актов, субъективные факторы утверждающих инстанций и т.д. Издательские подразделения региональных вузов не имели права выпускать учебники и монографии⁹.

Высшая школа в регионах располагала мощным авторским потенциалом, и из-за разного рода ограничений, носивших директивный характер, не всегда могла его реализовать. Чтобы как-то обеспечить новые дисциплины учебной литературой, вузы нередко шли на нарушения, издавая учебные книги под видом монографической литературы в центральных, а также в местных издательствах.

В июле 1972 года было принято постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране», и были выработаны новые требования к подготовке специалистов высшей квалификации, выразившиеся в комплексе мер, направленных на совершенствование системы обеспечения высшей школы высококачественными учебниками¹⁰.

В постановлении подчеркивалась необходимость выпуска литературы по общенаучным и общетехническим дисциплинам, в связи с изменением содержания учебных планов и программ высшего профессионального образования.

Однако несогласованность издательских планов центральных и региональных издательств, непроработанность многих вопросов программно-методического обеспечения учебного процесса в вузах являлась причиной дублирования в выпуске книг, порождала проблему переизбытка одних изданий и дефицита других.

В 1975 году был издан приказ Минвуза СССР «О мерах по упорядочению

и дальнейшему совершенствованию подготовки издания научной, учебной и учебно-методической литературы»¹¹.

В целях устранения чрезмерной регламентации и усложненной схемы согласования планов выпуска учебников, учебных пособий и учебно-методической литературы, разрешение на издание книг по всем общенаучным, общетехническим, общетехническим дисциплинам в качестве учебника или учебного пособия выдавал только Минвуз СССР. Было сокращено число министерств и ведомств, которым предоставлялось право выдачи «грифа» на книги по специальным дисциплинам, а также число вузов с правом издательской деятельности¹².

В 1976 году совместным приказом Минвуза и вновь созданного Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли утверждена «Инструкция о порядке планирования и подготовки к изданию учебников и учебных пособий для высших и средних специальных учебных заведений»¹³.

Согласно инструкции, был установлен единый порядок планирования подготовки и издания учебной литературы и закреплялся принцип перспективного и текущего планирования по пятилетним и годовым планам.

Кроме того, в инструкции были даны определения основных типов учебной литературы: учебника и учебного пособия, в соответствии с ГОСТ 1970 года, как представляется - наиболее удачное выражение определений.

Данная инструкция определяла порядок планирования учебных изданий только для центральных и региональных издательств. Издание литературы высшими учебными заведениями определялось по аналогичной системе планирования, но по отдельным планам.

Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 29.06.79 года «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» также была поставлена задача более полного обеспечения студентов высококачественной учебной литературой.

К концу 70-х годов была в основном разработана централизованная организационная структура управления процессом планирования создания и выпуска учебной книги, которая впоследствии совершенствовалась.

Выпуск книги осуществлялся в соответствии с содержанием учебных планов и программ. Принцип единства содержания подготовки специалистов позволил вести научно обоснованный поиск путей оптимизации процесса выпуска учебной литературы, обеспечивающий возможность подбора высококвалифицированных авторов.

Все издательства страны были объединены под началом специального государственного органа – Госкомиздата СССР, в задачу которого входил контроль «... за содержанием и направлением издания литературы во всех ее видах»¹⁴.

В стране была сформирована система издания учебной книги:

- имеющая иерархическую структуру управления на всех уровнях с участием общественных научных и учебно-методических структур, советов, редакций, издательств, типографий и организаций книгораспространения;

- занимающаяся планированием учебной литературы в соответствии с существующими стандартами по образованию и потребностями высшей школы
- по изучаемым дисциплинам и имеющимся контингентом студентов;

- контролирующая качество издаваемой учебной литературы и учитывающая специфику вуза и особенности региона.

Все функции управления активно работали на обеспечение высшей школы учебной, учебно-методической и справочной литературой в целях повышения качества подготовки специалистов.

В 80-е годы выпуском литературы для высшей школы занималось 50 многопрофильных и специализированных издательств, 7 университетских издательств двойного подчинения, а также 374 высших учебных заведения¹⁵.

По архивным данным Минобразования СССР, к 1990-му году центральные и республиканские издательства выпускали учебников с рекомендательным грифом до 20-25% от общего количества выпускаемых наименований и до 50-60% - от суммарного тиража общего объема выпуска литературы для высшей школы.

В 1970-1990-е годы вузы страны располагали богатейшими фондами учебной литературы. Ежегодно только центральные издательства выпускали в расчете на одного студента по 6 учебников и учебных пособий¹⁶.

Таким образом, сложившаяся система выпуска учебных книг для вузов позволяла удовлетворять потребности учебных заведений в литературе по общенаучным, общетехническим, общеинженерным специальностям. Расширился выпуск учебников и учебных пособий для студентов, обучающихся по специальностям, связанным с важнейшими отраслями народного хозяйства: машиностроением, горнодобывающей и нефтедобывающей промышленностью, металлургией, энергетикой, транспортом и строительством. Централизованная система выпуска книг позволяла организовать в нужный период издание литературы по новым актуальным вопросам развития науки, техники и технологии в соответствии с потребностями промышленности¹⁷.

Однако выпуск печатной продукции силами центральных и республиканских издательств не в полной мере характеризует издательскую деятельность в рассматриваемый период, так как специализированные издательства выпускали литературу, не учитывая специфику подготовки специалистов в регионах.

В сложившихся условиях значительно возросла роль университетских издательств, которые составляли третий уровень существующей системы государственного учебного книгоиздания. Это издательства всесоюзного подчинения – издательства Московского и Казанского университетов и издательства республиканского подчинения – Воронежского, Ленинградского, Ростовского, Саратовского и Томского университетов. В общем объеме книжной продукции в 1970-е годы доля университетских издательств составляла около 3% от общесоюзных показателей и 4,5% – от республиканских (по РСФСР).

Основным направлением деятельности университетских издательств был выпуск научной литературы, подготовленной преподавательским составом высшей школы. В планах изданий научная литература составляла около 65% (в том числе 30% монографий и 35% сборников научных трудов). На выпуск учебной литературы приходилось до 30% и периодических и других изданий - до 5%¹⁸. Издательства Ленинградского, Ростовского и Томского университетов выпускали журналы: «Вестник ЛГУ», «Правоведение» (ЛГУ), «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы» в трех сериях (РГУ), «Известия вузов», «Физика» (ТГУ)¹⁹.

В 1982 году было создано еще 12 университетских издательств республиканской категории в крупных вузах на базе редакционно-издательских отделов²⁰.

Тематика научной литературы университетских издательств охватывала все области знаний, представленные в региональных университетах, а также многие отрасли теоретических и прикладных исследований, ведущихся в вузах соответствующих регионов по различным проблемам развития науки, техники и технологии производства, культуры, образования. В основе монографий, выпущенных в этих издательствах, лежат диссертационные исследования, а сборники научных трудов являлись проблемными тематическими межвузовскими изданиями.

Что касается учебных изданий, то университетские издательства были ориентированы, прежде всего, на выпуск учебных книг в соответствии со спецификой подготовки специалистов в регионе, а также по малоконтингентным дисциплинам и специальным курсам, в том числе и для группы родственных вузов региона.

Несмотря на значительный вклад университетских издательств в развитие учебно-научного книгоиздания региона, они не могли решить проблему методического обеспечения учебного процесса, обострившуюся в связи с началом структурно-содержательной перестройки системы высшего образования в стране, так как изначально их деятельность была направлена на выпуск научной литературы, в основном, монографического характера.

Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве»²¹ положило начало разработке новых концепций перестройки и развития учебно-воспитательного и научного процесса в высшей школе в условиях радикальной экономической реформы. Расширение информационного обслуживания исследований в вузах, создающих основу для издательского обеспечения академического процесса высшей школы, было заложено в концепции перестройки и развития науки в высшей школе в условиях реформирования²².

Характерный для этого периода интенсивный рост научно-технической информации, часто меняющиеся требования производства поставили перед высшей школой задачу подготовки специалистов, которые были бы способны быстро адаптироваться к обновляющимся условиям труда, а это требовало перестройки высшего образования. Основной задачей перестройки высшего образования явились разработка и утверждение нового перечня специальностей высших учебных заведений.

В 1988 году Гособразование СССР, УМО и вузы завершили разработку нового поколения учебных планов, и все высшие учебные заведения начали обучение по новым учебным планам. Книгообеспеченность вузов по новым направлениям науки и техники в очередной раз оказалась в зачаточном состоянии. Учебная литература, выпускаемая в центральных издательствах, была лишь частью комплексного научно-методического обеспечения, в создании которого основная роль отводилась вузовским издательским подразделениям²³.

Уход от рыночного, товарно-денежного регулирования книгоиздания и книгораспространения, невозможность использования внутренних накоплений для развития отрасли, господство валовых показателей, превосходство

плана над спросом, отрыв цен от себестоимости и потребительских качеств издательской продукции, распределительный характер снабжения ресурсами и оборудованием сдерживал развитие отрасли.

Влияние государства на книгоиздание и книжную торговлю было подавляющим: оно сказывалось на создании издательств (разрешения), на характере тематической направленности (специализация), на тематических планах (согласования), на содержании (цензура).

Издательства были подотчетны государственным органам управления в экономическом и финансовом отношении. Дешевые ресурсы, которые выделялись централизованно по фондам, и дешевые полиграфические услуги регламентировались нормативными документами, позволяли продавать книги по низким ценам, которые устанавливались по прейскуранту. Издатель был ограничен во всех отношениях, что сдерживало и сам издательский процесс, сужало тематику изданий.

Однако следует отметить и позитивные стороны централизованной системы книгоиздания:

- экономическая стабильность издательского процесса,
- высокая рентабельность книгоиздания,
- доступные цены на книги для больших социальных групп читателей, в частности, учащихся высших учебных заведений,
- координация тематики, позволяющая более эффективно оперировать ресурсами,
- возможность в сжатые сроки решать возникающие проблемы на любом участке книгопроизводства.

С середины 1980-х годов в отрасли началась замена административно-командной структуры и соответствующих методов управления на более гибкие и демократические.

К этому времени стала очевидной невозможность эффективного управления книгоизданием без предоставления свободы действий издательствам, полиграфическим и книготорговым предприятиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рекомендации IV Всероссийской научно-методической конференции «Проблемы вузовского учебника». - Москва, 1994. - С. 6.
2. Высшая школа. Постановления, приказы, инструкции. М. Изд. Высшая школа, 1965. - С. 15.
3. Высшая школа. Постановления, приказы, инструкции. - М.: Изд. Высшая школа, 1965. - С.227.
4. Циганенко А.М. Совершенствовать подготовку и издание учебной литературы для студентов вузов // Проблемы высшей школы. - Киев, 1974. - Вып. 8. - С. 17.
5. Инструкция о порядке планирования и подготовки к изданию рукописей учебников и учебных пособий для высших учебных заведений СССР// Бюл. МВ и ССО СССР. -1971, № 12. - С. 13-18.
6. О планах издания учебников и учебных пособий: Из постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 09.05.63 № 533 // Высшая школа: Сборник основных постановлений, приказов и инструкций/ Под ред. Е.И. Войленко: В 2 ч. - М.: Высшая школа, 1965. - ч. 1. -С. 227.
7. ГАРФ. Фонд 605, оп. 1, Д. 5936, Л. 68.
8. Томский университет. 1880-1980. - Томск: Изд-во ТГУ, 1980. - С. 345-346.
9. Тимофеев Н.С. Издательская деятельность вузов// Книжное дело, 1994. - № 4. - С. 34.
10. О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 535 от 18.07.72 г. // Сборник руководящих и нормативных материалов для редакционно-издательских работников вузов. - М.: МПИ, 1983. - С. 173.
11. Бюллетень МВ и ССО СССР.- 1975. - № 12.- С. 30-33.
12. О мерах по упорядочению и дальнейшему совершенствованию подготовки и издания научной, учеб-

-
-
- ной и учебно-методической литературы./ Приказ Минвуза и Госкомиздата СССР от 08.07.75 № 848// Высшая школа: Сб. основных постановлений, приказов, инструкций. М., 1978. – т. 1. – С. 332.
13. Инструкция о порядке планирования и подготовки к изданию учебников и учебных пособий для высших и средних специальных учебных заведений. Приказ Минвуза СССР от 08.07.76 № 603/273. – М.: МПИ, 1982. – С. 101-112.
 14. Книговедение. Энциклопедический словарь. - М., 1982. - С. 148.
 15. Буга П.Г. Вузовский учебник: Создание, выпуск, распространение. - М.: Книга, 1987. - С. 15.
 16. Буга П.Г. Учебная книга для высшей школы. Теория и практика создания и выпуска. Автореф. дисс. докт. филолог. наук.– М. - С. 14.
 17. ГАРФ, Фонд 9604, оп. 2, Д. 170. Л. 3.
 18. ГАРФ. Фонд 605, оп.1, Д. 8918, л. 78.
 19. ГАРФ. Фонд 605, оп.1, Д. 8894, л. 13.
 20. «Об организации издательств Дальневосточного, Иркутского и Красноярского университетов». Постановление СМ РСФСР от 22.10. 81 № 576 «Об открытии филиалов издательства ТГУ в Кемеровском университете». Приказ Минвуза РСФСР от 02.01.90. №215 «Об открытии при Омском Госуниверситете филиала издательства НГУ».
 21. Перестройка высшего и среднего специального образования СССР// Гособразование СССР, НИИПВО. – М., 1989. - С. 5.
 22. О развитии вузовской науки: Постановление ЦК КПСС и СМ и СССР от 13.03.87 №326//Перестройка высшего образования в 1988 г.: Ежегодный доклад о развитии высшего и ССО СССР// Гособразование СССР; НИИПВО. - М., 1989. – С. 29.
 23. Буга П.Г. Комплексная программа обеспечения вузов высококачественной учебной литературой// Проблемы вузовского учебника: II Всесоюзная научно-методическая конференция. - Вильнюс, 1983. - С. 3-6.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

I. История Древнего мира

Н.А. Николаева

Московский государственный
областной университет

В ПОИСКАХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация

Задачей данной статьи является определение причин существования многочисленных взаимоисключающих концепций по проблеме локализации индоевропейской прародины и выявление новых подходов к ее решению.

Индоевропейская проблема¹ разрабатывается уже более 200 лет, однако интерес к ней не угасает, о чем свидетельствуют не только новые научные исследования², но и научно-популярные объемные монографии³, которые периодически издаются и переиздаются на Западе. Если результаты исследования по индоевропейцам доводятся западноевропейскими учеными до широкого читателя, то в отечественных гуманитарных дисциплинах эта проблематика не находит себе места как основная тема научного исследования⁴, оставаясь побочным научным продуктом. И все же исторический аспект индоевропейской проблемы разрабатывается в отечественной науке и лингвистами, и археологами, а реконструкция индоевропейской праистории раздвигает хронологические рамки мирового исторического процесса.

На родство индоевропейских языков указывали ученые разных стран еще в середине 18 в. Во второй половине XVIII - начале XIX вв. обнаружили родство санскрита с европейскими языками и сформулировали мысль об единой (индийской) прародине индоевропейских языков. Была создана основа сравнительной грамматики и. е. языков и определены контуры индоевропейской семьи языков (Ф. Бопп). Первая модель развития и.е. языков из праязыка была представлена в виде генеалогического древа, причем древнейшим языком был санскрит (А. Шлейхер). Поколение лингвистов последней четверти 19 в. показали, что санскрит – не древнейший и.е. язык, а Индия – не прародина индоевропейцев, и более обоснованно рассматривать Европу в качестве индоевропейской прародины? в том числе и на основании архаичности литовского языка (Р. Лэтэм)⁵. Таким образом, в 19 веке существовали гипотезы об азиатской и европейской прародине индоевропейцев (далее и.е.).

Основным аргументом сторонников азиатской прародины (Линк, Шлегель, Шлейхер, Кипер, Пикте, Гомель, Кремер, Кирн, Копер, Момзен, Паули,

Сейс, Гамкрелидзе, Иванов, Топоров) остается непровергнутое положение о южной фауне в лексике праиндоевропейского языка, а также о контактах праиндоевропейского с семитскими и кавказскими языками. Это основано на двусторонних лексических заимствованиях в этих языках, что могло иметь место, по мнению исследователей, лишь в Азии, где обитали носители древних кавказских и древних семитских языков⁶. В настоящее время может быть предложен другой механизм появления семито-индоевропейских и картвело-индоевропейских заимствований, и азиатские территории в качестве прародины индоевропейцев могут быть исключены из рассмотрения⁷.

Сильной и непровержимой стороной гипотез об европейском происхождении индоевропейцев (Лэтэм, Куно, Кюн, Шпигель, Шерер, Бринтон, Пенка, Манн, Коссина, Мейер, Тиме, Хирт, Боск-Жимпера, Девото, Крае, Дьяконов, Трубачев) являются названия флоры и фауны в и.е. праязыке, характерные для Европы или для умеренных евразийских широт. Реконструкция материальной и духовной культуры по данным лингвистики, данные археологии, а также древнеевропейская/праиндоевропейская гидронимия от Рейна до Припяти представляют новые доказательства в пользу ее локализации в Западной Европе.

В течение 20 века развивалась методология лингвистического подхода к и.е. проблеме, менялось представление об и.е. праязыке как языке одного этноса. Авторитетные лингвисты стали сомневаться в реальности лингвистической реконструкции праязыка как единой системы; возникло осознание уязвимости ее методики (А. Мейе). В качестве альтернативы праязыку предлагалась модель «ареального союза языков» (Н.С. Трубецкой), что, на первый взгляд, исключало и саму проблему поиска прародины индоевропейцев.

На данном этапе «современная компаративистика не считает и.е. праязык абсолютно однородным и статичным образованием даже в рамках одного хронологического периода»⁸, однако не исключает из своего инструментария праязык как единую систему. Такой взгляд на проблему больше фиксирует внимание исследователей на составе групп диалектов в пределах индоевропейской общности, на их ареальных контактах и весомости этих контактов⁹.

Совмещение гипотезы о существовании праязыка и взаимодействии его с субстратными неиндоевропейскими языками в виде сложения на первом этапе «ареальных союзов» с ними, равно как и последующее взаимодействие диалектов индоевропейского праязыка, часто принимавших форму «ареального союза» – плодотворное направление¹⁰, которое требует конкретизации, возможной лишь при учете данных археологии.

В течение 20 века произошло становление археологии как науки об истории материальной культуры, в том числе и как науки «об индоевропейских древностях». Произошло деление сторонников европейского происхождения индоевропейцев: на тех, кто видел прародину в разных регионах Центральной Европы (Боск-Жимпера, Г. Девото, В. Неуступный, Н. Тасич, В.А. Сафронов); приверженцев большого ареала прародины от Рейна до Днепра (Шрадер и другие); сторонников восточно-европейского происхождения индоевропейцев в области между Днепром и Уралом (В.Г. Чайлд, Т. Сулимирский, В.Н. Даниленко, Э.А. Грантовский, М. Гимбутас, Е.Е. Кузьмина, Н.Я. Мерперт, Д.Я. Телегин, Дж. Мэллори)¹¹.

Поскольку территория прародины должна быть более компактным реги-

оном, чем те территории, которые индоевропейцы занимали в исторические времена¹², то одним из условий к прародине является ее обозримая площадь, где мог бы сформироваться язык как единая система. С этой точки зрения, можно отбросить все варианты и.е. прародины, охватывающие пространства от Рейна до Волги, или понто-каспийские степи, а также все археологические эквиваленты пракультуре, занимающие огромные пространства и не имеющие производных в диахронии. К таковым относятся: культура линейно-ленточной керамики (далее КЛЛК), культура шнуровой керамики (КШК), древнейшая культура (ДЯК), а следовательно, все вышеперечисленные гипотезы, которые используют такие характеристики и.е. прародины. Другим условием правомочности концепции о и.е. прародине, использующей археологические данные, является проверка ее данными лингвистики. Поскольку все концепции до 80-х годов не учитывали систему лингвистических условий к прародине индоевропейцев, то они представляют интерес только как иллюстрация к истории развития индоевропейской проблемы. Данные археологии стали привлекать как археологи, так и лингвисты для подтверждения своих гипотез о локализации и.е. прародины, сопоставляя тип археологической культуры с реконструируемой праиндоевропейской культурой, ареал археологической культуры – с экологической нишей формирования праиндоевропейцев. Число гипотез множится, но ученые до сих пор не имеют единого мнения о географической и климатическо-ландшафтной характеристике (горы, степь или равнина), флоре и фауне (среднеширотная или южная) и.е. прародины, праиндоевропейском хозяйственно-культурном типе (скотоводы или земледельцы), уровне культуры (близкого к древневосточным цивилизациям – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов или подобного хозяйственно-культурному типу «диких орд кочующих скотоводов» – М. Гимбутас). Причиной такого положения вещей является отсутствие полного согласия в среде лингвистов по вопросам реконструкции праформ, пространственно-временной схемы диалектов и.е. праязыка, числа и весомости значимых изоглосс, а также невозможности оценить специфику археологической методологии исследования культуры. Археологи также не единодушны в вопросах происхождения, датировки, периодизации, оценки связи археологических культур и моделирования ареальных культурных контактов. Кроме того, они не видят необходимости решать проблемы этнолингвистической атрибуции археологических культур, поскольку не решены вопросы методологии таких исследований. Вместе с тем только через призму индоевропейской проблемы первобытная «доисторическая» дописьменная археология может выйти на уровень решения исторических задач. Такое положение вещей объясняет, почему ни лингвисты, ни археологи не могут успешно пользоваться результатами исследований представителей смежных наук.

Современное состояние и.е. проблемы может быть охарактеризовано несколькими работами предыдущего двадцатилетия. Это и работы лингвистов, и археологов. Их авторы помещают и.е. прародину в Малой Азии (Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов; К. Ренфрю), в Восточной Европе (М. Гимбутас, Дж. Мэллори) и в Балкано-Дунайском регионе (И.М. Дьяконов, В.А. Сафронов – Н.А. Николаева, О.Н. Трубачев).

В настоящее время восточноевропейскую гипотезу представляет «агрессивная», многократно повторенная в течение 30 лет, модель индоевропейской экспансии из Черноморо-Каспийского региона, заявленная М. Гимбутас. Рос-

сийский читатель может познакомиться во всех тонкостях с ее концепцией, поскольку ее последняя монография¹³ представляет собой не только полезное описание археологических культур неолита и энеолита Малой Азии и Европы VI – III тыс. до н.э. и общей религиозной системы, в центре которой находится Великая богиня, но и гипотезу о разрушении мира Древней Европы индоевропейскими пастухами. Из лингвистических данных, допускающих сопоставление археологических культур с и.е. пракультурой, реконструируемой по данным лингвистики, М. Гимбутас¹⁴ принимает единственный лингвистический тезис о местонахождении ареала и.е. прародины между кавказскими, семитскими и финно-угорскими языками, но сразу оговаривает, «что этот вопрос не решить на основании археологических материалов», и на этом лингвистическая часть ее работы заканчивается (С. 387). Далее исследовательница утверждает, что праиндоевропейцы «были всадниками и прискакали с востока, из южнорусских степей» (С. 387). Праиндоевропейцы принесли в Западную Европу «разрушения невиданной силы, которые невозможно объяснить климатом, истощением почв и эпидемиями» (С. 401). Результатом экспансии индоевропейцев стало слияние культуры Древней Европы и индоевропейской (С. 410) в течение IV тыс. до н.э., по калиброванным датам М. Гимбутас. Концепция М. Гимбутас схематична, основана на поверхностном знании восточноевропейского материала, игнорирует данные лингвистики и западноевропейской археологии; базируется на системе калиброванных дат, которые расходятся с историческими на 700 лет для III тыс. до н.э., а потому выводят индоевропейскую праисторию за рамки мирового исторического процесса.

Сторонником черноморо-каспийской прародины индоевропейцев и продолжателем направления, намеченного работами М. Гимбутас, является и английский лингвист и археолог Дж. Мэллори. Его работы, вышедшие статьями в «*Journal of the Indo-European Studies*» с 70-х годов, завершились монографией, в которой представлены как данные лингвистики, так и данные археологии индоевропейцев¹⁵. Рассмотрев исторические источники, которые позволяют восстановить и.е. праязык, грамотно обозначив свое понимание проблемы локализации и.е. прародины, продемонстрировав и.е. пракультуру по данным лингвистики, проанализировав памятники энеолита Западной и Восточной Европы, Дж. Мэллори приходит все-таки к выводу М. Гимбутас, что прародину надо искать в обширном ареале черноморо-каспийских степей, из которого идет интрузия населения, фиксируемая на памятниках Юго-Восточной и Центрально-Восточной Европы, а также движение индоиранцев и тохар на восток. Дж. Мэллори считает, что праиндоевропейцы вышли из занимавшегося охотой и рыболовством населения юга Восточной Европы, к каковому он относит и днепро-донецкую неолитическую культуру, которую М. Гимбутас не считала праиндоевропейской. Вообще Дж. Мэллори замечает, что он затрудняется выделить неиндоевропейские культуры Понто-Каспийского региона, поэтому индоевропейскими оказываются и самарская культура, и Мариупольский могильник, и хвалынская, и среднестоговская культура, и древнеямная. К этому списку он прибавляет и майкопскую, и новосвободненскую, и кеми-обинскую (вторая волна курганной культуры, по М. Гимбутас). Чертами их культуры он считает скотоводство, одомашнивание лошади, что возможно, по его мнению, только в открытой степи, где позже распространился и колесный транспорт. Хронологические рамки интрузии праиндоевропейцев, по Мэллори, – 4500

– 2500 гг. до н.э. (калиброванные даты). Эта прародина, по его мнению, удовлетворяет лингвистическим условиям: на востоке граничит с финно-уграми, а на западе – с земледельческими культурами (Триполье). В III тыс. до н.э. индоиранцы, по Мэллори, достигают протогородских центров Центральной Азии, а индоарии во II тыс. до н.э. достигают Афганистана и Пенджаба. Дж. Мэллори выступает против того, чтобы культуры энеолита Северного Причерноморья считать индоиранцами с IV тыс. до н.э. Это анонимные праиндоевропейцы, что позволяет объяснить греко-армянско-фрако-индо-иранский континуум с лингвистическими инновациями (балкано-дунайский комплекс, по Гимбутас и Мэллори), а культура шнуровых керамик, также распространившаяся из Северного Причерноморья, представляет археологический эквивалент древнеевропейских языков таких, как кельтский и итальянский – на западе, германский, балтский и славянский – на востоке. Анатолийцев он проводит через Кавказ и связывает с бронзовым веком Трои I, сетуя, что доказательств недостаточно. Единственное, с чем можно согласиться в его концепции, это тохарская атрибуция афанасьевской культуры Южной Сибири¹⁶. Замечания к точке зрения те же, что и к модели М. Гимбутас, хотя Дж. Мэллори, не в пример своей предшественнице, владеет и лингвистикой, и археологией. Он не отмечает огульно, как М. Гимбутас, сложившиеся представления о энеолите Западной Европы, но отыскивает невероятные свидетельства, чтобы «законным образом» обойти эти препятствия¹⁷. Дж. Мэллори честен как исследователь, обращает внимание на слабые места своей концепции.

Другой подход к поиску индоевропейской прародины демонстрирует работа К. Ренфрю¹⁸. На наш взгляд, заслуживает пристального внимания связь появления земледелия в Европе с переселенцами из Малой Азии (Чатал-Гююка, Чайюню) и индоевропеизацию Европы, которую постулирует К. Ренфрю. Действительно, такое событие планетарного значения, как переход к производящей экономике, сопрягается с появлением в Европе носителей индоевропейской речи, которые в настоящее время занимают территориально большую часть Земли. Однако система доказательств у К. Ренфрю не соответствует значимости идеи. Он отрицает связь культуры с этносом, поэтому все земледельцы Европы в его работе – индоевропейцы; он называет праиндоевропейцами и носителей культуры Старчево-Кереш, датируемой 6000 – 4000 гг. до н.э., и носителей культуры линейно-ленточной керамики – автохтонов Европы (5000 – 4000 г. до н.э.), и носителей культуры Винча¹⁹ (4500 – 2800 гг. до н.э.); отрицает миграции, предлагая медленные перемещения земледельческих общин в связи с истощением почв, не учитывая скорости индоевропеизации. К. Ренфрю подчеркивает малочисленность индоевропейцев, а потому сохранение языка он ставит в зависимость от числа автохтонов, перенимающих индоевропейский язык, этнически и антропологически не являющихся изначально ранними индоевропейцами. Концептуально К. Ренфрю близок П. Боск-Жимпере и Г. Девото.

Отечественные лингвисты более активно вступают на поле смежной науки – археологии. Кроме реконструкции праиндоевропейского лексикона, позволяющего воссоздать портрет индоевропейской пракультуры, лингвисты предлагают как разные схемы хронологического и структурного членения праиндоевропейской общности на основании общих фонологических, морфологических и лексических явлений в диалектах и.е. праязыка. которые называются

изоглоссами, так и варианты прародины индоевропейцев и путей их движения в места исторического обитания²⁰.

Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов считают, что самое раннее деление и.е. общности произошло на анатолийско-тохаро-кельто-италийскую и арийско-греко-балто-славяно-германскую группы диалектов (изоглоссы 13 – категория медиопассива и изоглосса 10-категория относительного местоимения, по Гамкрелидзе-Иванову)²¹.

Второе деление общности происходило с выделением анатолийско-тохарской и армянско-славянской групп диалектов (изоглоссы 15 и 16, по Гамкрелидзе – Иванову), хотя географическое единство и.е. языковой области еще сохранялось. «Первый исторически устанавливаемый разрыв диалектных связей можно видеть в выделении анатолийской группы от всех остальных индоевропейских диалектов²², в которых произошли инновации (изоглоссы 1 и 9), не затронувшие анатолийскую группу. По двум изоглоссам выделяется тохаро-кельто-италийская группа, от которой позже отделяется тохарский диалект. Две изоглоссы предполагают «некоторую общность индо-ирано-греко-армяно-балто-славянских диалектов»²³. Далее эта группа делится на две устойчивые группы: арийско-греческо-армянскую и германо-балто-славянскую группу. С выделением арийского (индоиранского), в ареале прародины остается греко-армянский. Исследователи выделяют пять хронологических уровней распада общеиндоевропейской общности на диалекты²⁴.

Деривационно-пространственная модель членения общеиндоевропейской общности Гамкрелидзе – Иванова противоречит выделению «древнеевропейских», по Г. Крае, языков, включающих в одну группу кельтский, германский, иллирийский, германский, балтский, славянский. Сложно понять размещение «древнеевропейской» кельто-италийской группы вблизи тохарского и анатолийского (соответствующие изоглоссы) и в отдалении от «древнеевропейского» германского, балтийского и славянского ареала. Кроме того, авторитетные лингвисты вообще отрицают период общего развития германо-балто-славянских диалектов²⁵. Хронологию деления на диалекты и.е. общности лингвисты определить не могут, а потому значение археологии как науки, имеющей в своем распоряжении хронологический метод, трудно игнорировать. Лингвистам следовало бы проанализировать представленную археологами объективную картину развития археологических культур, атрибутированных как индоевропейские. Это было бы новым подходом к проблеме.

Историческую интерпретацию выстроенной ими структуры и.е. праязыка дали лингвисты Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов, используя по-своему данные археологии. В качестве эквивалентов и.е. пракультуре они приняли культуру Халаф, датируемую V тыс. до н.э., и Шому-Тепе, датируемую IV тыс. до н.э., распространенные, соответственно, от Сирии до Персидского залива, до современной территории Ирана, Туркмении и до Северо-Западной Индии (Халаф), Закавказья (Шому-Тепе).

Далее, исходя из ареальных контактов и.е. диалектов и своей схемы пространственно-временного членения, они прочерчивают пути миграций индоевропейцев в области их обитания в историческое время. Древнеямную культуру Восточной Европы они принимают за «древнеевропейцев» (эта же культура была определена М. Гимбутас как праиндоевропейская, другие археологи считают ее индоиранской). Индоиранцев они не связывают с определенной куль-

турой, но допускают, что часть индоариев пошла не в Индию, а через Кавказ в Северное Причерноморье. Тохары ушли в Восточный Туркестан, где тохарские языки были обнаружены в историческое время. Греки через проливы достигли Греции, армяне прошли на Кавказ, а анатолийская группа осталась в Малой Азии. Невероятность этих путей миграции уже неоднократно критиковалась археологами и лингвистами²⁶.

Реакцией на дискуссию по индоевропейской проблеме 80-х годов и реализацией мысли В. Гудено («в рассматриваемой и.е. проблематике создано столько гипотез, что можно выйти на необходимое решение индоевропейской проблемы, перебирая уже существующие»²⁷), является попытка механически совместить северопонтийскую прародину индоевропейцев М. Гимбутас с концепцией Гамкрелидзе – Иванова и с замечанием И.М. Дьяконова о вероятной и.е. прародине в Юго-Восточной Европе. Область вокруг Черного моря была названа Циркумпонтийской провинцией, где происходило движение раннего металла и формирование области индоевропейских диалектов. В соответствии с этой гипотезой, древнейшим звеном циркумпонтийских культур являются севернопричерноморские культуры (древнеямная, среднестоговская, происходящие от съезжинско-мариупольской культурно-исторической области, датируемой VI тыс. до н.э.). Следовательно, из этой области начинается формирование индоевропейских диалектов (существование единой системы индоевропейского праязыка автором гипотезы отрицается)²⁸.

Причина перечисленных разночтений одного и того же лингвистического материала заключается в том, что праиндоевропейский словарь содержит лексику, характеризующую разные стадии развития праиндоевропейского общества. Отсюда следует, что существовало несколько прародин праиндоевропейцев.

Эта мысль была реализована В.А.Сафроновым²⁹ в монографии 1989 года, а расширенным вариантом стала наша совместная концепция трех прародин, опубликованная в 1999 году. **Первая прародина индоевропейцев**, согласно этой концепции, находилась на территории Польши и Белоруссии, датируется XII – IX тыс. до н.э. Археологическое содержание – свидерская культура. В евразийском сообществе носителей евразийского языка находились, кроме индоевропейцев, протофинно-угры, прото-уральцы, прото-алтайцы. Лингвистическое обоснование – концепция Н.А. Андреева о бореальном/евразийском языке. **Вторая прародина индоевропейцев** находилась в Восточном Средиземноморье (Иерихон Б) и Малой Азии (Чатал-Гуюк), датируется VIII – VI тыс. до н.э. Археологическое содержание – древнейшая протоцивилизация мира и земледельческо-скотоводческая экономика Чатал-Гуюка. Лингвистическое обоснование – выделение Н.Д. Андреевым раннепраиндоевропейского языка. **Третья прародина** связана с Северными Балканами и Средним Дунаем. Археологическое содержание – культура Винча, древнейшая цивилизация Старого Света (4500 – 2800 гг. до н.э.). Четвертая прародина – Центральная Европа. Археологическое содержание – краснорасписной и белорасписной Лендзель, культура воронковидных кубков А/В. Датировка: 4000 – 3500 гг. до н.э. Лингвистическое обоснование – система позднеиндоевропейского праязыка, реконструированная лингвистами, и праиндоевропейский словарь индоевропейской материальной и духовной культуры.

С распадом общеиндоевропейского языка формируются две большие об-

ласти групп диалектов на севере Центральной Европы (древнеевропейская) и в Потисье (греко-индоиранская). **Древнеевропейская прародина** – север Центральной Европы. Дата – 3500 – 2200 гг. до н.э. Археологическое «наполнение» – культура воронковидных кубков, культура шаровидных амфор и культуры шнуровых керамик. Лингвистическое обоснование – древнеевропейская гидронимия Г. Крае и грамматические и лексические изоглоссы в кельто-италийских и германо-балто-славянских языках. **Греко-индоиранская прародина** – Потисье. Дата – 3200 – 2800 гг. до н.э. Археологическое содержание: древнеямные погребения Потисья, Болераз, Бодрогкерестур. **Первая прародина индоариев** – от Трансильвании до Прикубанья. Археологическое наполнение: кубано-днепровская культура с повозками. Дата: 2500 – 2000 гг. до н.э. Лингвистическое обоснование: индоарийские топонимы в Северном Причерноморье (этимологический словарь О.Н. Трубачева и А.К. Шапошникова)³⁰.

Что касается этнической атрибуции археологических культур индоевропейского круга, то индоиранцами мы определяем древнейшую древнеямную (ДЯК 1) культуру с плоскодонной керамикой. Праиранцами мы называем ДЯК 2 с круглодонными сосудами. Тохарами мы называем Средний Стог 2 – афанасьевскую культуру³¹. Картина и.е. миграций, согласно нашей схеме, дополняется миграцией (с северо-запада на юго-восток) культуры шаровидных амфор и шнуровых керамик на Северный Кавказ, которую мы определили «как сдвиг древнеевропейского массива на Кавказ, в котором просматриваются, по данным осетино-европейских и картвело-европейских изоглосс, кельты, балты, славяне, что подтверждается и анализом «Нартского эпоса»³².

Предложенная нами концепция индоевропейских прародин имеет то преимущество перед другими, что в каждом звене она базируется на данных реконструкции праязыков (евразийского, ностратического, раннепраиндоевропейского, позднепраиндоевропейского), на данных ареальной лингвистики. Археологические эквиваленты и.е. пракультуре по данным языка соответствуют всем ее признакам. Направление миграций устанавливается по системе хронологии археологических памятников Западной и Восточной Европы, сопрягающейся с исторической. В рассматриваемых археологических культурах выделено этническое ядро, позволяющее сопоставлять культуру, этнос, язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Индоевропейская проблема возникла в лингвистике в связи с установлением сходства в фонетике, грамматике и лексике языков, разделенных временем и расстоянием, объединенных в 19 веке в индоевропейскую семью языков. Родство этих языков, по мнению ученых 19 в., могло объясняться тем, что все они вышли из одного языка-предка, праязыка, на котором говорило этнически однородное население, проживавшее на территории, которая получила название «индоевропейская прародина». Исторический аспект индоевропейской проблемы – это индоевропейская праистория, являющаяся конечным результатом как лингвистического, так и археологического исследования. Реконструкция праиндоевропейского словаря открыла проблему соотношения праиндоевропейской культуры по данным лингвистики с ее материальным эквивалентом, археологической культурой. Еще 40 лет назад считали, что распад индоевропейского праязыка, сообщества произошел в конце III тыс. до н.э., но сейчас считают, что это событие имело место в IV тыс. поскольку в конце III тыс. до н.э. в Малой Азии известны отдельные анатолийские языки (хеттский, лувийский, палайский). Время существования общеанатолийского – начало III тыс. до н.э., а общеиндоевропейского – IV тыс. до н.э.
2. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейской диалектов. // Вестник древней истории. Вып.3, 1982. – С. 3 – 30; Вып. 4, 1982. – С.14 – 26. Сафронов В.А. Проблема индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983; Он же. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Николаева Н.А., Сафронов В.А.

- Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999 (о евразийской прародине индоевропейцев); Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003 (о малоазиатской раннепраиндоевропейской прародине).
3. Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989; Renfrew C. Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. L., 1987.
 4. Тема «Археология и индоевропейская проблема» не встречает поддержки ни среди археологов, ни среди историков из-за отсутствия междисциплинарных диссертационных советов в гуманитарных науках.
 5. Историографические обзоры по индоевропейской проблеме, которыми мы пользовались, создавались по мере обобщения определенного этапа исследования: Шрадер О. Сравнительное языкознание и первобытная история. СПб. 1886; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938; Десницкая А.В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.-Л., 1955; Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970 (издание первое); 2007 (изд. второе, дополненное); Mallory J. P. A short survey of the Indo-European Problem. // Journal of the Indo-European Studies, №1, 1973. – С. 21-66; Сафронов В.А. Проблема индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Г., 1989. Баюн Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема. // История Европы. М., 1988.Т.1. – С. 97- 110.
 6. См.: Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник Древней истории , вып. 3, 1982. – С. 23-28. Исследователь сомневается, что все семитские заимствования в индоевропейский были на прасемитско-праиндоевропейском уровне, а выявленные индоевропеизмы в пракартвельском восходят к северной ветви индоевропейской общности (Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы в картвельских языках. М., 1992).
 7. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. – Ч.III. – С. 242 – 272.
 8. Ромашко С.А. Язык – текст – культура: проблемы реконструкции.// Язык: история и реконструкция. Сборник научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1982. – С. 121-146.
 9. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Ук. соч. – С. LXXXIV – V, 395.
 10. Баюн Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема.// История Европы. – Т. 1. – С. 97 – 110. К доиндоевропейскому субстрату в Европе, по Л.С. Баюн, относятся эгейский, минойский, хеттский, иберийско-кавказский субстраты, а также мегалиты, эскимойдный тип в Британии, финно-угры (С. 98).
 11. Общим недостатком этих концепций является не системный, а выборочный подход к характеристике ареала пракультуры. Таковыми приоритетными признаками принимаются: место лошади в культуре праиндоевропейцев (Д.Я. Телегин, В.Н. Даниленко, М. Гимбутас), пастушеский тип их хозяйства и курган в обряде погребения (М. Гимбутас, Н.Я. Мерперт), «шнуровой орнамент « в шнуrokerамических культурах» (Т. Сулимирский), соседство с арийской прародиной к востоку от Волги (Э.А. Грантовский, Б.А. Литвинский, К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина, Дж. Мэллори). Все эти признаки легко могут быть оспорены в качестве основополагающих для поиска индоевропейской прародины.
 12. Гамкрелидзе Т.В.. Вяч.Вс. Иванов. Ук.соч. – С. LXXXIV – V.
 13. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006. – С.388-444.
 14. Тезисно концепция М.Гимбутас выглядит так: первая волна миграции праиндоевропейцев – курганная древнеямная культура, время миграции с 4500 г. до н.э., по калиброванным датам, а по радиоуглеродным –3500 г.до н.э. Результат – смешение (?) культур Старой Европы Караново, Винча, Лендьел. По гипотезе М. Гимбутас, продолжает существовать Кукутени-Триполье, культура линейно-ленточной керамики (С. 398 – 403).
Вторая волна праиндоевропейцев в Европу (3500 г. до н.э., по калиброванным датам, и 2800-2300 гг. до н.э. по С14) представлена «высокоразвитыми понтийскими культурами: Михайловка, слой 1 на Днепре, где найдены материалы Триполья С1 и гипотетический майкопский (?) сосуд», майкопские и новосвободненские памятники. Эта волна вызвала исчезновение Кукутени – Триполья, образование культуры Баден – Вучедол, культуры шаровидных амфор и шнуровых керамик (С. 403 – 409). Третья волна курганной культуры, позднеямная культура Северного Причерноморья, ознаменовала окончательную индоевропеизацию Европы (С. 425) В археологическом отношении вызвала формирование культуры колоколовидных кубков на основании амальгамы ямной культуры и культуры вучедол, разрушение поселений раннебронзового века Греции, переход к культурам инкрустированной керамики в Центральной Европе и экспансию культурой шнуровой керамики на северо-запад и северо-восток.
 15. Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. L., 1989. (reprinted in 2005).
 16. Там же. – С. 263-264.
 17. Там же. – С. 252. Автор ссылается на Я.Лихардуса, чтобы обосновать влияние черноморо-каспийских культур на культуру воронковидных кубков и движение и.е. с востока на запад.
 18. Renfrew C. Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins/ L., 1987.

19. Мы считаем Старчево-Кереш северо-кавказцами (иберийско-кавказский субстрат, по Баюн), культуру Винча –праиндоевропейцами, а культуру линейно-ленточной керамики – европейскими автохтонами, вышедшими из мезолита. См.Сафронов В.А.Индоевропейские прародины. Г., 1989. Титов В.С Неолит и энеолит Европы. // История Европы. М., 1988. – С. 71-97. Следует отметить, что раннепраиндоевропейская прародина В.А. Сафронова также связана с Чатал-Гуюком, но система доказательств совершенно иная и основана, в первую очередь, на данных лингвистики.
20. Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. – С. 371 и сл.
21. Там же. – С. 395. Схема 2.
22. Там же. – С. 395.
23. Там же. – С. 396.
24. Там же.– С. 397.
25. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. – С. 16-18.
26. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. // Вестник Древней истории. Вып.3, 1982. – С. 3-30; Вып. 4, 1982. – С. 14-26.
27. Goodenough V.H. Evolution of pastoraling and Indo-European origins // Indo-European and Indo-Europeans. Ph. 1970.
28. Черных Е.Н. Протоиндоевропейцы в составе Циркумпонтийской провинции.//Античная балканистика. М., 1987. – С. 136-147.
29. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Г., 1989; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.
30. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999. Этимологический словарь. – С. 220-293.
31. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Г., 1989.
32. См. статью Николаевой Н.А. в этом журнале, а также : Николаева Н.А.. Древнеевропейцы на Северном Кавказе.// Вестник МГОУ. Серия «История и политологические науки». М., 2006. Вып. 1. – С. 3-17.

Н.А. Николаева
Московский государственный
областной университет

МИФЫ КАК ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАИСТОРИИ

Аннотация

Статья посвящена определению позиции некоторых мифов на шкале исторической хронологии, что позволяет использовать информацию, заложенную в мифах, для реконструкции индоевропейской праистории. Проанализированы мифы индоевропейских и неиндоевропейских народов, вступавших в ареальные контакты, и предложена периодизация и хронология индоевропейской мифологии. Эта периодизация соответствует важнейшим этапам индоевропейской праистории, которые определены по данным лингвистики и археологии.

Мифы, наряду с данными лингвистики и археологии, особенно важны для культурно-исторической реконструкции периодов истории до появления письменности. Сравнительно-историческое языкознание предоставляет в распоряжение историков словарь праязыка, портрет культуры этноса – создателя языка, сведения о ближних и отдаленных ареальных контактах носителей языка, определяет хронологию зарождения и распада праязыковых общностей. Археология дает информацию о материальной культуре этноса, устанавливает факт ареальных контактов носителей этой культуры с соседями, небольших передвижений и миграций на дальние расстояния; прослеживает зарождение и угасание археологической культуры, ее периодизацию и абсолютную хронологию. Сопоставление соответствующих характеристик культуры по данным лингвистики и археологии дает возможность историку в ряде случаев установить этнолингвистическую общность, которая является создателем материальной («археологической» культуры). Неоценимый вклад в понимание менталитета древних людей вносят дошедшие до нас из глубины веков их мифы. Миф – это дыхание седой древности; он связывает нас непосредственно с духовным миром людей, живших тысячелетия назад, что столь же существенно для историка, как и знание об их языке и материальной культуре. И задача исследователя – найти возможность извлечь из мифа историческое зерно. Сравнительно-историческая мифология – достаточно разработанное поле исследования, и некоторыми учеными делались попытки определения даты создания отдельных мифов, однако их нельзя признать успешными. Хронологической периодизации мифов пока не создано, так как общий, сравнительно-исторический принцип в мифологии, который может обеспечить решение хронологических задач, применяется непоследовательно, а конкретных эмпирических подходов к решению таких проблем еще нет, поскольку нет исследований подобного рода.

Индоевропейская мифология, наряду с данными смежных наук (лингвистикой, археологией, письменной традицией ряда индоевропейских народов, сохранившей мифы и включившей, помимо прочего, и их литературную обработку)¹, может служить источником для реконструкции индоевропейской

праистории. Условием рассмотрения мифов как полноценного исторического источника является определение времени их создания. Мы попытались в своих работах выстроить некоторые мифы в хронологической последовательности², используя метод сравнительно-исторического языкознания³, в соответствии с которым существование ряда сходных сюжетов в мифах разных индоевропейских народов предполагает существование исходной общей мифологемы в индоевропейском праязыке. Существование в мифологии неиндоевропейских народов общих с индоевропейскими мифологических сюжетов, сложность которых исключает их конвергентное появление, позволяет расширить хронологические рамки индоевропейской мифологии, выявить пласты, относящиеся к доиндоевропейской эпохе.

Усилиями лингвистов и археологов, работающими по большей части параллельно, создается представление о древнейшей истории человечества. Лингвисты⁴ говорят о существовании единого языка у человечества на основании некоторого количества общих корней во всех языках мира. Археологи подкрепляют эту гипотезу доказательствами формирования и распространения *Homo Sapiens* из одного центра, что выражается в единстве облика материальной культуры от Атлантики до Тихого океана в период от 40 – 35 тыс. лет; в существовании некоторых общих типов орудий труда в материальной культуре людей Земли; в существовании дуальной экзогамии как древнейшего принципа формирования социального коллектива, раннеродовой общины, – общего этапа, через который прошло все человечество. Существование единого мировоззрения, древнейшей модели мира у ранних *Homo Sapiens* доказывается данными мифологии.

В мифах всех народов мира, как и у индоевропейских народов, есть представление о структуре мира в виде трехъярусного Древа⁵. Однако только вариант этого мифа, известный у австралийских аборигенов, является основанием для датировки его временем 40 тыс. лет, поскольку в это время Австралия, по данным геологии, отделилась от Азии водами Тихого океана, и контакты с материком, которые могли бы обеспечить появление этого мифа в другое время, были прерваны вплоть до открытия Австралии европейцами. Единственно возможный вывод, объясняющий существование этого мифа у австралийских аборигенов, состоит в том, миф о Мировом древе, созданный первыми *Homo Sapiens*, с их расселением распространился по планете, включая Австралию, около 40 тыс. лет назад. И в этом случае мы имеем пример доказательной силы мифа как *независимого дополнительного исторического источника*, так как он поддерживает концепцию, сформулированную археологами и лингвистами, о происхождении *Homo Sapiens* из одного центра и его раннего расселения по планете⁶. Таким образом, миф о Мировом древе – древнейший миф индоевропейцев и всего человечества. Этот миф сохранился как оправдавшая себя схема строения мира и лежит в основе всех космогонических схем индоевропейской древности, о чем можно судить как по древнегерманским сказаниям, так и по славянским средневековым апокрифам⁷.

Лингвистами⁸ было обосновано существование общего праязыка для индоевропейских, финно-угорских, уральских и алтайских языков, который существовал в конце плейстоцена, хотя его название – бореальный – ориентирует дату его бытования на бореальный период в Европе, т.е. 7 тыс. до н. э. Лингвисты указывают, что сообщество, говорившее на этом языке, обитало в холод-

ном поясе, где можно было наблюдать Северное сияние; передвигалось с юга на север летом и с севера на юг – зимой; ландшафт их региона обитания включал горы, топи, реки; это были охотники на оленя, использующие кремневые стрелы как охотничье вооружение; на охоте их сопровождала собака.

Археологами⁹ было доказано, что между Балтийским ледниковым щитом на севере и Судетами, Рудными горами на юге обитали охотники на северного оленя, которые создали свою региональную культуру: изобрели лук и стрелы, топор, приручили волка и вывели новую породу. Эти открытия позднее сыграли исключительно важную роль в жизни всего человечества. Северный олень стал объектом охоты после наступления двух связанных между собой катастроф: двух потеплений, вызвавших гибель мамонтовой фауны и превративших огромные территории в водные пространства. Эти события геологической истории, как и достижения финально-палеолитических охотников в области технологии охотничьего оружия, а также память о значении волка (о «добром» волке) в жизни человека того времени нашли отражение в мифологии уже не всего человечества, но в мифах индоевропейцев, финно-угров, тюрко-алтайских народов.

В индоевропейской мифологии, как и в финно-угорской, есть мифы о сотворении мира из яйца Девой творения, предстающей в облике водоплавающей птицы, навеянные изменившимся в результате таяния ледников климатом и ландшафтом, главными чертами которого стали: огромное зеркало воды при небольших исчезающих и вновь возникающих из воды участках суши; ветер и водоплавающие птицы. В славянской, финно-угорской, тюрко-алтайской мифологии существует вариант этого мифа о создании мира из земли, поднятой двумя птицами со дна Мирового океана. В индоевропейской мифологии, как и в тюрко-алтайской, есть мифы о Волчьем боге, обеспечивающем изобилие и плодovitость; Волке – родоначальнике народов, помощнике героев. У индоевропейцев, финно-угров и алтайских народов есть мифы, где брак, продолжение рода, изобилие связаны с луком и стрелами¹⁰, поскольку именно это открытие способствовало выживанию евразийцев (будущих индоевропейцев, финно-угров, тюрко-алтайских народов). Единственным объяснением присутствия общих мифологем в мифологии народов, которые не встречались до исторического времени, является гипотеза Н.Д. Андреева о бореальном языке и наша гипотеза о свидерской культуре как свидетельстве совместного пребывания будущих индоевропейцев, финно-угров и алтайцев на своей «евразийской прародине» в Европе в 12 – 9 тыс. до н.э. И наоборот, эти мифы подкрепляют лингвистическую и археологическую гипотезу о существовании названных народов в рамках единой этнолингвистической общности в 12 – 9 тыс. до н.э., и представляют собой, таким образом, *бесценный исторический источник*. Хотя эти мифы относятся к доиндоевропейской эпохе, они сохранились в индоевропейских мифологиях и являются частью индоевропейской культуры.

Миф о Потопе встречен в мифологии индоевропейских народов, финно-угорских, уральских (т.е. евразийцев), а также в мифах шумеров (эпос о Гильгамеше) и в Библии. Всемирный Потоп – подъем уровня Мирового океана, исчезновение низменных территорий под водой – событие геологической истории, свидетелями которого были и евразийцы, оставшиеся в Европе, и будущие индоевропейцы, которые оказались в Восточном Средиземноморье; и шумеры, которые жили на островах Персидского залива, на восточном берегу

Арави; и прасемиты, предки которых – афразийцы, жили в прибрежной полосе Восточного Средиземноморья. У финно-угров и уральцев Потоп является хронологическим репером, но проводит черту под старым взглядом на мир и связан с гибелью Мирового древа; он отличается по содержанию от библейского. В истории шумеров и в Библии Потоп – хронологический репер, разделяющий два периода истории. Индоевропейский (в индийском варианте) миф о Потопе повторяет библейский и шумерский. Геологическая дата этого события (и, следовательно, дата создания мифа о Потопе), определяемая по ленточным глинам, делает миф *независимым историческим источником*, соответствует резким историческим переменам, выразившимся в выделении двух крупных периодов в истории человечества. В данном случае мы не определяем дату мифа по данным археологии и лингвистики, а наоборот, миф о Потопе позволяет подтвердить факт серьезных исторических изменений на рубеже 9 и 8 тысячелетий.

По данным археологии, Потоп также разделил историю евразийцев: до Потопа евразийцы были одной общностью, а после Потопа (~8122 г. до н.э.) будущие индоевропейцы пошли уже своей исторической дорогой, осев на Востоке на три тысячелетия. Их археологическим эквивалентом стала тахунийская культура, памятники типа Иерихон Б и Чатал-Гуюк. Послепотопный период в истории евразийцев/праиндоевропейцев связан с новым окружением: их соседями стали, главным образом, прасемиты, пракартвелы, эламо-дравиды, сернокавказцы¹¹.

Последующие контакты в 8 – 7 тыс. до н.э. выражались в заимствовании прасемитами достижений евразийцев/праиндоевропейцев: лука и стрел, собаки, технологии domestikации, поскольку евразийцы/праиндоевропейцы впервые одомашнили козу и стали первыми скотоводами мира. В свою очередь, праиндоевропейцы научились культивированию растений у прасемитов, первых земледельцев мира. С учетом данных лингвистики можно говорить о схождении носителей ностратических языков, в котором доминирующими стали контакты прасемитов и ранних праиндоевропейцев¹². Археологическим памятником, где отразились эти контакты, стал раннепраиндоевропейский Иерихон Б и Чатал-Гуюк, который также связывается нами с центром ностратического союза¹³.

Широко распространенные в мифологии индоевропейцев мифы о Великой богине¹⁴ представляют собой фрагменты земледельческих обрядов, известных и по мифам ряда носителей ностратических языков. Этот факт подтверждает контакты прасемитов, эламо-дравидов, пракартвелов с ранними праиндоевропейцами на Ближнем Востоке, фиксируемые данными лингвистики и археологии. Отсутствие мифов о Великой богине в мифологии уральских и алтайских народов, относимых лингвистами к восточноностратическим, свидетельствует в пользу распада ностратического праязыка до 12 тыс. до н.э., о приходе только части евразийцев/будущих праиндоевропейцев из Европы в Малую Азию и Восточное Средиземноморье, что согласуется с концепцией В.А. Сафронова – Н.Д. Андреева¹⁵. В основе союза был обмен инновационными технологиями формирующейся производящей экономики. Миф о Великой богине свидетельствует еще и о том, что таинства – мистерии Великой богини сложились в среде ранних праиндоевропейцев и переданы афразийцам, прасемитам и эламо-дравидам, а от последних – к шумерам, поскольку только у индоевропейцев

миф существует в двух вариантах¹⁶, тогда как на Востоке остался лишь первый вариант данного мифа. Таким образом, значение мифа о Великой богине как *информативного и доказательного исторического источника* не вызывает сомнений.

Локализация позднеиндоевропейской прародины в Европе или Азии определяет направление миграций индоевропейцев с распадом их единства. В настоящее время существует две противоположные точки зрения. Первая – гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова – выдвигает тезис об одной прародине индоевропейцев в Малой Азии и миграции древнеевропейцев с территории Восточной Турции через Северное Причерноморье в Европу¹⁷. Вторая – гипотеза В.А. Сафронова о трех прародинах индоевропейцев, согласно которой третья, поздняя прародина индоевропейцев, была в Подунавье. В соответствии с этой концепцией древнеевропейская прародина определялась как область диалектов, обособившаяся на севере прародины, в ареале древнеевропейской гидронимии¹⁸.

Миграции древнеевропейцев с северо-запада на юго-восток Восточной Европы разрабатывались нами в ряде статей¹⁹. На основании сравнительно-типологического анализа керамики, погребального обряда и погребальных сооружений мы пришли к выводу, что древнеевропейцы в процессе миграции из Центральной Европы достигли Северного Кавказа (археологический эквивалент их появления на Кавказе – кубано-терская культура XXI-XVI вв. до н.э. и катакомбная культура XVIII-XIII вв. до н.э.). На Северном Кавказе они столкнулись с пракартвелами (распад пракартвельского языка датируется 19 в. до н.э.). Результатом такого контакта являются комплексы с элементами двух культур – пракартвельской куро-аракской и древнеевропейской кубано-терской культуры²⁰. Мы нашли лингвистические доказательства этой миграции: факт ареальных контактов древнеевропейцев с картвелами подтверждается 40 индоевропеизмами/древнеевропеизмами в картвельских языках, выявленных выдающимся лингвистом Г.А.Климовым²¹. С другой стороны, лингвисты, начиная с Вс. Миллера, отмечают особый характер осетинского языка, в котором отмечено не меньше древнеевропеизмов, чем в картвельских языках²². Типологические параллели «Нартскому эпосу» – своду мифов народов Северного Кавказа – в ирландской, германской, индоарийской, древнегреческой мифологии, в скифском рассказе Геродота позволили Ж. Дюмезилю²³ и В.И. Абаеву²⁴ установить индоевропейские корни «Нартского эпоса», но эти ученые не нашли оснований датировать сложение эпоса раньше скифского времени.

В «Нартском эпосе» можно наблюдать несколько сложных сюжетов, которые нигде в Европе не встречены в одном своде, но разбросаны по мифологиям разных индоевропейских народов Европы. К названным аналогиям мы добавили примеры сходжений легенд о Нартах и русских народных сказок²⁵. На этом основании мы пришли к выводу, что сложение ядра «Нартского эпоса» было связано с приходом с 22 по 16 вв. на Кавказ *еще неразделенного массива древнеевропейцев*, из массива которых в Западной Европе в дальнейшем выделились кельты, германцы, италики, балты, славяне. Таким образом, мифы позволяют поставить точку в зашедших в тупик спорах о направлении миграции индоевропейцев/древнеевропейцев с запада на восток в конце 3 – первой половине 2 тыс. до н.э. Кроме того, мифы вновь заявляют о себе как о независимом историческом источнике, значение которого трудно переоценить. И

наоборот, все сюжеты, образующие ядро «Нартского эпоса» и параллельные сюжеты в мифологии древних германцев, славян, кельтов могут быть датированы периодом от сложения и до начала распада древнеевропейской общности в пределах 3500 – 2500 гг. до н.э.

Сюжет о нарте Сослане-Созырыко, рожденного из камня, имеет исходную индоарийскую составляющую (сюжет о рождении Митры из камня) и свидетельствует о сосуществовании индоариев и древнеевропейцев на Северном Кавказе с 23 по 18 вв. до н.э., что в археологическом выражении представлено синхронизмом: кубано-терская культура – кубано-днепровская культура с повозками, а также заимствованиями индоарийской лексики в картвельских и осетинском языках²⁶.

Происхождение индоиранцев (археологический эквивалент – древнеямная культура) от поздних праиндоевропейцев (археологический эквивалент – культура воронковидных кубков), которые в своем продвижении на север достигли Скандинавии, т.е. районов, где можно было наблюдать Полярную звезду и соответствующие созвездия, полярные день и ночь, Северное сияние и видеть льды Северного (Молочного) океана, о чем свидетельствуют древнеиндийские и иранские источники, объясняет сохранение «полярных сюжетов» как в иранской, так и в индийской мифологии²⁷ как свое собственное знание о далекой северной стране²⁸. Мифы и в этом случае подтверждают гениальную мысль О.Н. Трубачева²⁹ о существовании индоарийского лингвистического пласта в Северном Причерноморье, от Трансильвании до Прикубанья. Опираясь на материалы собственных раскопок в Прикубанье и другие находки из указанного региона от Дуная до Кубани, мы впервые определили индоарийскую принадлежность культуры с повозками на пространстве от Нижнего Дуная до Кубани³⁰, а мифы подтвердили происхождение индоариев от праиндоевропейцев севера, совместное их пребывание с праиранцами в составе индоиранской общности (в тот период, когда и сложились эти мифы) и распаде этой общности еще в Восточной Европе в 3 тыс. до н.э.

На основании данных археологии, лингвистики и мифологии удалось восстановить евразийский, ностратический, раннепраиндоевропейский, среднепраиндоевропейский, позднепраиндоевропейский, древнеевропейский и греко-индоиранский этапы индоевропейской праистории, дополнив каждый из них мировоззренческими концепциями индоевропейцев, дошедших до нас из глубины веков в виде мифов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868/1994. Т. 1. – С. 5 – 56; Грейвз Р. Мифы Древней Греции. М., 1990; Фрезер Дж.Д. Золотая ветвь. М., 1986; Дюмезиль Ж.. Осетинский эпос и мифология. М., 1976; Он же. Скифы и нарты. М., 1990; Абаев В.И.. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965; Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии (древние арии: мифы и история). М., 1983; Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1 – 2 (статьи Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова, А.Ф. Лосева и др. по индоевропейской мифологии).
2. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.
3. Мейе А.. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. – Л., 1938. – С. 48 и сл.
4. Мельничук А.С. О всеобщем родстве языков мира. // Вопросы языкознания. 1991. – № 2. – С. 27 – 42; 1991, №3. – С. 46 – 65.
5. Топоров В.Н. Древо Мировое. // Мифы народов мира. М., 1991. – С. 398 – 406.
6. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – С. 26-32.
7. Там же. – С. 16, 44.

8. Андреев Н.Д. Гипотеза о бореальном праязыке. // Лингвистические исследования 1988. Проблематика взаимодействия языковых уровней: Сб. научн. тр. Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Л., 1988.; Он же. Семантическое поле времени в бореальном языке. // Лингвистические исследования 1990. Системные отношения в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов Института языкознания АН СССР. М., 1990. Он же. Andrejev N.D.. Early Indo-European Homeland in Saxony, Thuringy, Czechoslovakia and Southern Poland. // Materialien des vom 21-22 September 1989 in Jena in Zusammenarbeit mit der indogermanischen Gesselschaft durchgeführten Kolloquiums. INDOGERMANISCH, SLAWISCH UND BALTISCH. München. 1992. S. 9 – 11; Он же. Семантическое поле погоды/времени в бореальном праязыке. // Лингвистические исследования 1991. Функциональное описание языковых явлений. Сборник научных трудов Института языкознания РАН. СПб., 1993. – С. 17-28; Он же. Элементы бореального корнеслова, связанные с семантикой приближенного ориентирования по странам света. // Лингвистические исследования 1991. Функциональное описание языковых явлений. Сборник научных трудов Института языкознания РАН. СПб. 1993. – С. 28-48; Он же. Прикарпатье – общая прародина трех праязыков: бореального, индоевропейского, славянского. // Лингвистические исследования 1995 г.: Лексикология, лексикография, грамматика. Сборник научных трудов Института лингвистических исследований РАН. СПб. 1996. – С. 3 – 19.
9. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. К., 1989. В монографии Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова было показано: археологическим эквивалентом этнолингвистической бореальной общности является свидерская культура, культура «охотников на северного оленя», которая разделилась на две группы. Одна из них ушла в Восточное Средиземноморье и стала ранними праиндоевропейцами (памятники Бейда, Иерихон Б, Чатал-Гуюк). См.: Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – С. 238 и сл. Они же. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003. – С. 118 – 123. По гипотезе Н.Д. Андреева, из бореального праязыка вышли праиндоевропейский, финно-угорские, самодийские и алтайские языки. См. Андреев Н.Д. Гипотеза о бореальном праязыке // Лингвистические исследования, 1988. Л., 1988. С. 3 – 10.
10. Мифы народов мира... (статьи о Мировом яйце, о Волке, о луке и стрелах); Николаева Н.А, Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – С. 75 – 154.
11. Дыбо В.А., Терентьев В.А. Ностратические языки. // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998. – С. 338 – 339. Их языки входят в группу ностратических языковых семей (урало-алтайской, эламо-дравидийской, индоевропейской и афразийской), объединенных в 1903 году Х. Педерсеном по принципу родства. В 1960-е годы была предложена реконструкция ностратического праязыка В.М. Илlichem-Свитычем. Лингвисты считают, что распад ностратического праязыка произошел до 11 тыс. до н.э. Эта дата и допущение контактов или родства ностратических языков с эскимосско-алеутскими, чукотско-камчатскими, палеоевразийскими (сино-тибетскими и северно-кавказскими), индийскими, нигеро-конголезскими и аустразиатскими позволяет нам видеть в ностратическом языке язык первых Homo Sapiens. Распад праязыка совпал с геологическими событиями, переходом от плейстоцена к голоцену. Прародину ностратического праязыка лингвисты видят на Ближнем Востоке. Это не противоречит нашему тезису, так как в этом же регионе сформировался человек современного вида.
12. Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. – С. 125 – 129. Bombard A.R. Toward proto-nostratic – a new approach to the comparisons of Proto-Indoeuropean and proto-Afroasiatic. Amsterdam-Philadelphia. 1984.
13. Мы подчеркиваем, что термин «ностратический» мы употребляем для обозначения праиндоевропейского, прасемитского, эламо-дравидского, пракартвельского, которые демонстрируют вторичное схождение после распада общего ностратического праязыка. В 60-90-е годы вышли вышеперечисленные работы Н.Д. Андреева, свидетельствующие о том, что часть так называемых ностратических языков (индоевропейские, уральские, алтайские) находилась в конце плейстоцена в Европе, что не было бы удивительным, но вместе с восточноностратическими рядом в одной связке находились и праиндоевропейские, относимые лингвистами к западноностратическим. В.А. Сафронов уточнил время существования культуры носителей бореального языка 12 – 9 тыс., (свидерской культуры) и показал их передвижение их части на Ближний Восток в 9 тыс. с образованием там памятников типа Иерихон Б и Чатал Гуюка. Так появилась альтернатива мнению лингвистов о хронологии распада ностратического языка и о пребывании носителей ностратических языков в составе единой общности на Ближнем Востоке до 8 тыс до н.э. Гипотеза В.А.Сафронова имеет историческую перспективу и подтверждается данными мифологии.
14. В древнегреческой мифологии Великими богинями были и Рея, и Гера, и Афродита, и Афина, и Деметра, что отражает «племенную мозаику» древнегреческого этноса. В восточнославянской мифологии это – Макошь, а в западнославянской – Лада. Совпадение имени древнегреческой Латоны и западнославянской Лады, балтской Великой Лады и ликийской Лады показывает, что даже имя Великой богини пра-

- индоевропейцев звучало как Лада («хозяйка»). По времени оно относится к догреческому субстрату, по Откупщикову, т.е. либо к среднепраиндоевропейскому этапу 5/4 тыс., либо к началу позднепраиндоевропейской общности (4 тыс.), локализующейся в Подунавье – Северных Балканах, по В.А. Сафронову.
15. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький. 1989. Андреев Н.Д. Раннепраиндоевропейский язык. Л., 1986. Он же. Гипотеза о бореальном языке... С. 16 – 38. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. Приложение: Карпато-Полесская прародина евразийцев. Обособление западных евразийцев/ранних праиндоевропейцев. Их миграция в Анатолию в 9 тыс. до н.э. – С. 238 – 306.
 16. Шумеры восприняли мистерии Великой богини от эламо-дравидов: Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. – С. 154, 159 – 162. Первый вариант мифа о Великой богине включает персонажи: саму богиню, ее возлюбленного – бога вегетивной силы растений, их сына и бога-громовника. Второй вариант мифа содержит в качестве главных персонажей Великую богиню, ее дочь – богиню вегетативной силы, бога подземного мира, супруга дочери, и бога-громовержца, повелителя небесных вод, супруга Великой богини.
 17. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
 18. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
 19. Николаева Н.А. Кубано-терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы. Автореферат канд. дисс. Л., 1987. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник у с.Дзуарикау. // Проблемы археологии Северной Осетии. М. – С. 18-80, рис. 4,7; Николаева Н.А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе. // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе. 1980. С.97-120. Рис.1 – 7; Она же. Северная Осетия в ранне- и среднебронзовом веке. // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. Археологические источники. М., 1989. – С. 3 – 74.
 20. Николаева Н.А.. Древнеевропейцы на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. Вып. 1. М., 2006. – С. 5 – 17.
 21. Климов Г.А. Древнейшие индоевропейизмы картвельских языков. М., 1994.
 22. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
 23. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. Он же. Скифы и нарты. М.. 1990.
 24. Абаев В.И. Нартовский эпос. Дзауджикау. 1945.
 25. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в конце III – II тыс. до н.э. // Вестник Московского государственного областного университета Серия «История и политические науки». 2008. – Вып. №3. – С.12 – 14.
 26. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «история и политические науки», 2007. – Вып. № 1. – С. 3 – 26.
 27. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб, 2001.
 28. Николаева Н.А.. Индоарии на Северном Кавказе. – С. 5 и сл.
 29. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999.
 30. Николаева Н.А. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе. // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы конференции. Оренбург, 1980. – С. 29 и сл.

II. Новая история

Н.А. Яснитский

Московский государственный
областной университет

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. ОБЗОР ТРАКТОВОК

Аннотация

В статье рассматриваются тезисы и аргументы, представленные в современных работах зарубежных и отечественных исследователей относительно особенностей английского Просвещения.

Содержание статьи связано с анализом взглядов о причинах недооценки вклада английских мыслителей в движение Просвещения, определением условий, повлиявших на формирование идей английского Просвещения.

Особое внимание уделяется выявлению разных мнений и обоснованности аргументов относительно содержания и характера просветительских идей в Англии.

В историографических обзорах и в специальных исследованиях зарубежных и отечественных историков большая часть трактовок Просвещения сводилась к рассмотрению этого явления как единого движения. «Было много философов, – как утверждает Питер Гей, – но было только одно Просвещение».

И все же, в зарубежной историографии, наряду с трактовками о единстве идей французских и английских просветителей, распространение получила и иная трактовка. Суть ее в том, что идейно-теоретические позиции ряда наиболее выдающихся историков (Юм, Робертсон, Гиббон, Фергюссон) не укладываются ни в рамки единого Просветительского направления XVIII века, отличительной особенностью которого был рационализм, ни романтизма, характерного для начала XIX века, и являются «исключением из правил»¹. В зарубежной, преимущественно английской, историографии присутствует также и идея если не о «множественности» течений Просвещения, то, по крайней мере, о национальной специфике английского Просвещения².

В сборнике «Просвещение в национальном контексте», в статье «Английское Просвещение», Рой Портер стремится доказать, что проблема английского Просвещения содержит исторический парадокс. С одной стороны, в XVIII в. современники рассматривали Англию как «источник» и высшее проявление и воплощение на практике идей Просвещения, с другой стороны, многие современные ученые отрицают «отцовство» Англии в появлении Просвещения³.

Рассматривая первую трактовку, Рой Портер стремится доказать, что действительно, в XVIII веке в моде было все английское: от театра и литературы, до восхищения английскими законами и принципами управления. Многие современники и такие значительные фигуры французского Просвещения,

как Вольтер, Монтескье, Дидро откровенно признавали приоритет английских идей в различных областях: морали, этике, философии и в возникновении и распространении деизма. Портер дополняет эти признания примерами из этих же сфер Просвещения⁴.

Портер считает неверным как стремление ограничить рамки английского Просвещения эпохой «августинской Англии» (1688-1714), так и стремлением рассматривать позицию Эдмунда Бэрка и его единомышленников как «антипросвещенческое» движение. Следствием такого подхода является, как считает Портер, отсутствие или малое представительство произведений и идей английских авторов в историографических сборниках: в «Просвещении» Леонарда Марсака их нет вовсе, Лестер Крокер в своем исследовании, «поступает немногим лучше: у него четыре фигуры англичан из пятидесяти исследуемых авторов». В «Философии Просвещения» Эрнста Кассирера, не упоминаются Хартлей, Мандевилль, Мальтус, Пристли, Пэйн, Болингброк, Бентам, Ричардсон, Дефо и все политические экономисты, включая Адама Смита⁵. Что касается историков «социалистического направления», в том числе и историков из СССР, то, по мнению Портера, они считали Англию XVIII века оплотом «консерватизма», но не Просвещения.

Портер считает, что причины, почему английское Просвещение является, по его выражению, «черной академической дырой», – как общего, так и специфического для Англии характера. Первая общая причина – в трактовке Просвещения именно как единого для Европы идейного течения. Вторая общая причина состоит в том, что воплощением, квинтэссенцией Просвещения считается Франция после 1740 г., а английский опыт умалчивается⁶.

Рассмотрению именно второй причины и уделяет основное внимание Рой Портер. «Эта искаженная картина не должна остановить нас. Для большинства мыслителей и философов общепризнанной датой Просвещения является 1740 год, однако задолго до этой даты были и Декларация Прав, и Акт о Веротерпимости, и труды Локка, Ньютона, Дефо, Шефтсбери, Толанда и других мыслителей»⁷. Соглашаясь с тем, что в Англии было немного теоретических работ, посвященных рациональности и причинности, Портер задается вопросом: почему систематическое теоретизирование должно считаться критерием Просвещения?⁸

Портер утверждает, что причина недооценки вклада Англии в движение Просвещения, как и недооценка особенностей собственно английского Просвещения в том, что в Англии социально-экономические условия были таковы, что востребованными оказались не идеи борьбы, а идеи совершенствования, не ломки существующих порядков, а их реформирования⁹.

Портер подвергает критике и распространенное мнение о том, что в XVIII веке Шотландия, в отличие от Англии, была местом сбора радикально настроенных людей. Более того, он считает, что дело не в том, где зародились идеи, а в том, где они нашли свое воплощение. Аргументом для Портера является распространение кофеен и клубов, где, благодаря воздействию торговли, экономики, как раз и нашла свое распространение новая философия и идеология Просвещения, о чем писал еще Аддисон. Именно эта особенность, по мнению Портера, отличает Просвещение Англии от других стран, хотя многие исследователи прежде уделяли внимание лишь интеллектуальным достижениям гигантов мысли, и немного внимания обращали на социальное восприятие их

идей, хотя это и гораздо важнее. «Идеи приобретают влияние, когда они становятся социальными отношениями, и это произошло в Англии», – считает Портер¹⁰.

Пытается опровергнуть Портер и распространенное мнение об атеизме, как отличительной черте Просвещения. «За немногими исключениями, в семнадцатом столетии английские мыслители, однако, продолжали придерживаться христианских идей как достоверных»¹¹. Следуя трактовке об атеизме как отличительной черте Просвещения, они не могут считаться просветителями. «В действительности, вера в прогресс - процветала в Англии в пределах благочестия, не было никакой потребности свергать религию непосредственно, потому что не было никакого Римского Папы, никакого расследования, никаких иезуитов, никакого монополизма одной конфессии в образовании и общественных делах»¹².

Еще одно ошибочное мнение об английском Просвещении связано, по мнению Портера, с телеологическим мифом, порожденным собственной идентификацией историков XVIII века с ценностями Просвещения, и, прежде всего, определение Просвещения как века Разума.

Задача Просвещения, возможно и состояла в том, чтобы разбить старый порядок и строить новый свободный мир. Однако сейчас многие, в том числе и некоторые историки, превращают Просветителей в социологов в духе теории модернизации. «Согласно этой логике получается, что английские мыслители, не являясь материалистами, демократами или атеистами не были просветителями. Во всех ли случаях это имело место? Не путают ли в этом случае радикальную риторику философов - и их подлинную атаку на трон и алтарь как желание перевернуть общество вверх ногами?»¹³

Ключ к пониманию особенностей Просвещения в Англии, и здесь Портер согласен с Томпсоном, в том, что если «во Франции силы ортодоксов и Просвещение противостояли прямо друг другу, то в Англии, в результате протестантской реформации, всякий раз, когда ортодоксы побеждали при прямом нападении, поражение было на флангах, в тылу <...>. Просвещение в Англии распространялось не подобно потоку наводнения, сосредотачивающегося против рушащейся дамбы, но подобно потоку, который просачивается в разрушенные берега, через кромку моря и ручьи»¹⁴. Связано это, прежде всего, с двумя специфическими особенностями Англии. Прежде всего, это то, что Англия была страной, где происходило возрождение провинциальных городов, благодаря появлению мелкобуржуазных стремлений, росту отраслей промышленности и обслуживания, коммерциализации досуга и знания. Расширяющийся средний класс мог уже голосовать, в соответствии с его достатком, и это уже приобрело вид традиции, горстка богатых уже не составляла нацию. Не было в Англии и такого контраста бедных и богатых¹⁵.

Во-вторых, стабильность не утверждалась благодаря действию грубой силы, она могла бы быть достигнута посредством господства единого для всех закона, который был все же гибок, он уменьшал гражданские препятствия в зависимости от заслуг и покровительства, или благодаря влиянию капитала¹⁶.

Идейная двойственность, обеспечивающая устойчивость социальной структуре, являлась, по мнению Портера, еще одной особенностью Просвещения в Англии. «Если английские естественные философы говорили о существовании рационального космоса, то богословы это нашли в естественной ре-

лигии, моралисты же назвали ее естественным законом. Христианский провиденциализм, естественное богословие и деизм были тождественны; <.....> неизменность бытия и эволюционная теория Эразма Дарвина; всеобщность естественного закона и теории изменения универсальной человеческой природы и бесконечное совершенствование человека - все эти убеждения, основанием которых был индивидуализм, являлись некой универсальной и абсолютной опорой для социальной структуры»¹⁷.

Двойственность английского Просвещения проявлялось и в том, на кого была ориентирована идеология Просвещения. По мнению Портера, идеи Просвещения были ориентированы как на индивидуума, так и на социальную группу, вместе составляющих основу общественной структуры.

Все стороны двойственности английского Просвещения (и идейно-теоретическая и целевая направленность) обеспечивали социальную стабильность в течение XVIII века, так как в Англии, как нигде-либо еще, государственная власть не была сосредоточена в одном центре, поэтому и не стояла задача ее разрушения при строительстве Нового Небесного Града. Была возможность, как для отдельных людей, так и для социальных групп, без борьбы и противоречий достигнуть своих целей в рамках местных законов. Именно поэтому английские мыслители были меньше заинтересованы, чем другие, в создании всеобъемлющих общественных теорий или теорий, связанных с природой человека вообще, но сосредоточились более на идеях, связанных с практическим положением человека в обществе¹⁸.

Итак, по мнению Портера, пока индивидуальные свободы и права человека, сформулированные идеологией Просвещения, удовлетворялись за счет изменений на местном уровне, в Англии сохранялась социальная стабильность. Однако положение изменилось, когда дальнейшее улучшение жизни, как индивидуума, так и социальной группы, уже зависело от изменений на государственном уровне: от изменений в парламентской системе. Дальнейшее использование идейно-теоретических положений Просвещения и, прежде всего, идей индивидуализма, породило социальные, классовые конфликты, считает Портер. Так, начиная с движения Вилкса (Wilkes), и затем, в период парламентского движения за реформы и английского якобинства, идеология Просвещения распалась на противоречивые осколки, и надежды на достижение социальной стабильности, основанные на «хитроумном использовании стремления к индивидуализму», потерпели крах.

Идеи Просвещения, как считает Портер, были использованы различными движениями. Либеральная риторика Просвещения была приспособлена якобинскими радикалами – лучшим свидетельством этого являются названия работ Пейна: «Здравый смысл», «Век Разума», «Права Человека». Для Пейна и других радикалов борьба общества против государственной тирании копировала ту борьбу, что вели свободомыслящие и виги столетие ранее против земельных владений Римского Папы и тори¹⁹.

Не поддерживая этот якобинский радикализм, аристократия, трудовая и мелкая буржуазия перекроили концепции Просвещения в реформы самоусовершенствования. Ричард Карлайл говорил о прогрессе посредством знаний и Разума. Фрэнсис Плэйс подчеркивал моральное усовершенствование²⁰.

Более драматично суматоха французской Революции повлияла на консервативное общество и привела к стремлению выбросить за борт ценности Просвещения в целом²¹.

И все же, в долгосрочной перспективе идеология Просвещения глубоко въелась в наше сознание. Обеспечивая светское оправдание свободного рыночного капитализма, она давала возможность придавать викторианскому либерализму вид совершенного общества, как и современной защите открытого общества²². В итоге Портер приходит к интересным выводам.

1. Оуэнизм, френология, атеизм, фабианизм – это все наследство английского Просвещения. Могло ли это быть наследием французского Просвещения или было присуще только английскому?

2. Разве Революция – это неизбежный элемент развития Просвещения? (Революция – это лишь один из вариантов использования идей Просвещения, другие варианты – это эволюционные идеи реформирования общества).

3. Поскольку разные сферы духовной культуры XVIII века интерпретируют в духе Просвещения, то необходимо учитывать наследие не только французского, но и особенности английского Просвещения.

Заслуживает внимания и трактовка особенностей английского Просвещения Дж.Г.А. Покока, изложенная им в целом ряде работ²³. Поскольку основные идеи Дж. Покока не претерпели изменений, мы ограничимся рассмотрением его трактовки, изложенной в последних исследованиях: монографии «Варварство и религия: Просвещение и Эдвард Гиббон, 1737-1764» и в статье «Великобритания» в сборнике «Мир Просвещения»²⁴.

Особенности английского Просвещения Дж. Покок формулирует, исходя из своего определения, как причин Просвещения, так и его сущности. Считая, что Просвещение было результатом религиозных дебатов, он полагает, что Просвещение имело два направления. Во-первых, как появление системы государств, основанных на принципах гражданского и коммерческого общества и культуре, которая могла бы позволить Европе избежать религиозных войн, не подпадая под гегемонию абсолютного монарха; во-вторых, как ряд программ, направленных на то, чтобы уменьшить власть или церкви или конгрегации, нарушающих мир гражданского общества и оспаривающих у него власть²⁵. По мнению Покока, Просвещение в Англии было глубоко связано с действительно уникальным характером англиканской церкви²⁶.

Рассматривая революции XVII века как религиозные войны 1637-1651 гг., возобновившиеся в 1688-1891 гг., он считает, что они произошли в «результате конфликтов внутри англиканской церкви, которые родились из попытки короны распространить англиканство на Шотландию и Ирландию». Именно «поэтому мы должны рассматривать развитие Просвещения в Англии, Шотландии и Ирландии сквозь призму этих конфликтов»²⁷.

Как считает Покок, у Просвещения и англиканства «имелось немало общих целей и стратегий».

1. Упорядочить взаимоотношения общества и государства:

- для англиканства – это стремление определить место и роль церкви в светском обществе, не умаляя при этом ее значение как «части тела Христа», поскольку церковь в светском обществе, с одной стороны – гражданская магистратура, с другой – представительница высшей власти²⁸.

- для Просвещения – это определить взаимоотношения государства и общества при опоре на различные христианские религиозные идеи.

2. Англиканство и Просвещение стремилось уменьшить влияние религии на общество:

- англиканство – путем отрицания пресвитерианского (общественного) устройства,

- Просвещение – путем распространения знаний²⁹.

3. Общим между англиканством и Просвещением было и определение противников: «энтузиазм», теория Гоббса³⁰.

4. Общим для англиканства и Просвещения было и направление теоретического поиска:

- для англиканства - обращение к идеям платонизма, рассматривающего человеческий разум как «светильник Господень», т.е. пусть и к религиозному (иреническому), но все же рационализму!³¹

- для Просвещения было характерно понимание мироздания как творения Бога, в соответствии с рационалистическими принципами, им же (Богом) и установленными. Такое понимание было свойственно научному миру - Лондонскому королевскому обществу и Исааку Ньютону³².

5. Общим для англиканства и Просвещения было и признание значимости морали:

- для англиканства – идея искупления и спасения души все более связывалась с соблюдением нравственных правил,

- для Просвещения – идея деизма, согласно которой Христос - не более чем проповедник морали³³.

Дальнейшее развитие английского Просвещения, важная роль Англии и Шотландии в процессе Просвещения определились «лишь благодаря серьезным преобразованиям, осуществленным в этих странах». Дж. Покок в качестве примера таких реформ упоминает лишь реформы Вильгельма III. «Вильгельм III, получив британскую корону, был вынужден создать профессиональную армию и особую финансовую структуру, обеспечивавшую ее финансирование, поскольку включил подвластные ему королевства в антифранцузскую коалицию. Кроме того, было необходимо усилить английское военное влияние на Соединенные провинции». «Это тут же было воспринято как переворот в государственном устройстве»³⁴.

Согласно трактовке Дж. Покока, последствия этой реформы и определили дальнейшее развитие Просвещения в Англии. «Логика идеологического конфликта побудила англикан и легитимистов пойти на сближение с католицизмом, а радикалов и республиканцев – с деизмом, в котором просматривались элементы язычества». «Те же, кто благосклонно принял новый порядок – в том числе и сторонники умеренного англиканства, к которому примкнуло большинство епископов – с энтузиазмом встретили модернизацию общества, разрыв с пережитками язычества, папизма и средневекового феодализма, а также с фанатизмом недавних религиозных войн»³⁵.

В итоге, главную особенность английского Просвещения Дж. Покок формулирует следующим образом. «Именно в этом нам видится стержень английского и шотландского Просвещения: на смену варварству и фанатизму пришли цивилизованные нравы, ставшие нормой общения между представителями торговой элиты. При этом гражданские ценности не потеснили ценностей религиозных»³⁶. «Это Просвещение было настроено враждебно по отношению к папистам, иезуитам, «энтузиастам» и всякого рода суевериям, но оно лежало в русле умеренного протестантизма, и никогда не было антиклерикальным»³⁷.

В своей статье «Время и пространство» итальянский историк Гвидо Абба-

тиста характеризует особенности английского Просвещения уже после реформ Вильгельма III. Автор исходит, прежде всего, из общественно-политического состояния Великобритании в XVIII веке. «Англии являла собой особый случай, поскольку к тому времени она уже добилась конституционного устройства и жила в условиях политического консенсуса, достигнутого после завершения революции XVII в. и воцарения Ганноверской династии»³⁸. Обращает на себя внимание то, что, по его мнению, второй существенной чертой английского Просвещения также является особая религиозная обстановка. «Английское Просвещение не восставало против государства», в религиозной сфере, по мнению Аббатисты, существовал особый климат, характерной чертой которого было «сосуществование множества самых разнообразных религиозных течений, подлинный плюрализм и неприятие любых проявлений фанатизма»³⁹.

Третьей особенностью, подчеркнутой Г. Аббатистой, является то, что «уверенные в силе и своеобразии своей культуры, англичане были далеки от слепого подражания французской литературе и философии. В любом случае, они давали больше, чем получали: их теории морали и политической экономики, их свобода прессы и новые формы свободных ассоциаций служили примером для всех»⁴⁰.

В отечественных историографических обзорах и в специальных исследованиях английских просветителей долгое время считали последователями французского Просвещения⁴¹. Лишь в конце 80-х годов в работах М.А. Барга была впервые сформулирована проблема «особенностей» английского Просвещения. Однако при этом «особенности» сводились главным образом к вопросу о приоритете в разработке общих идей. Принципиальной разницы между представителями французского и английского Просвещения не усматривалось, за исключением такой черты, как умеренность», «сдержанность» в оценках и суждениях⁴².

Одним из примеров подобных подходов к этой проблеме является монография Н.С. Креленко «Пуританская революция и английская общественная мысль XVII-XIX вв.»⁴³. Н.С. Креленко выделяет следующие особенности английского Просвещения:

1. осторожность, умеренность теоретических и политических взглядов,
2. «снисходительный скептицизм в оценке явлений»,
3. «выдвижение на первый план морально-этических проблем»,
4. «почти полное отсутствие гражданских мотивов»⁴⁴,
5. неприятие пуританства, необходимость гибкой церковной политики,
6. вера в гармонию посредством мудрых законов,
7. убеждение, что Разум является движущей силой прогресса,
8. приверженность концепции «естественного человека»⁴⁵.

Однако с конца 90-х годов оценки «особенностей» английского Просвещения стали меняться в сторону признания его принципиальных отличий от французского Просвещения. Примером данного изменения является подход признанного специалиста по проблемам Просвещения, Н.М. Мещеряковой. Несмотря на то, что в сборнике «Просветительское движение в Англии» в начале 90-х годов, как и в сборнике «Общественно-политическая мысль Просвещения», вышедшем спустя десять лет, присутствуют похожие утверждения о господстве рационализма в английском Просвещении, как и в Просвещении в целом (олицетворением которого было французское Просвещение), разница,

на наш взгляд, все же есть. Эта разница проявляется при рассмотрении автором в последней работе воплощения рационализма в трех важнейших направлениях английской просветительской мысли: в духовной, политической и экономической сфере.

В духовной сфере, как отмечает Н.М. Мещерякова, рационализм проявляется через антитезу «вера-разум», когда рационализм используется для доказательства превосходства разума – «всеобщего всем людям мерила», над верой. Что касается Англии, то «разум как высший критерий сочетается или попросту отождествляется английскими просветителями с традиционно ценимыми ими здравым смыслом, освобождающим человека от суеверий, предрассудков, отживших представлений, привычных догм»⁴⁶. И наконец, «вопреки средневековым теологам с их восприятием природы как результата боготворчества, просветители часто, по сути, ставят на одну доску природу и разум»; в данном случае автор ссылается на мнение Аддисона: «Природа и разум управляют сообща»⁴⁷.

В политической сфере рационализм в английском Просвещении воплощается в идее необходимости разумного устройства общества, однако при этом идея «общественного договора», как подчеркивает Н.М. Мещерякова, частью английских просветителей второй половины XVIII века отрицается, частью «иначе аргументируется», нежели во французском Просвещении⁴⁸. Более того, рационализм во взглядах на общество английских просветителей воплощается не в господстве мнений, а в социологических представлениях. «Социологические представления просветителей исходят из того, что они смотрят на общество глазами ньютоновских механико-математических мыслителей как на совокупность «естественных индивидов»⁴⁹. Большинство просветителей называет его «гражданским обществом». И наконец, знаменитый трехчленный баланс властей (законодательная, исполнительная, федеративная) Локка во многом базируется на идеях Гаррингтона о «балансе собственности» как факторе, определяющем конкретную форму соотношения властей⁵⁰.

Н.М. Мещерякова не упоминает рационализм при рассмотрении воззрений английских просветителей на экономику и экономические проблемы. Сам круг проблем, от возникновения собственности до экономических причин неравенства и способы их решения, которые приводятся Н.М. Мещеряковой, свидетельствует о стремлении английских просветителей опираться на объективные явления и отношения.

Подчеркивает Н.М. Мещерякова и приоритет Англии в формировании Просвещения как идейного движения и его несомненное влияние на просветительское движение в других странах, ссылаясь на мнение итальянского исследователя Ф. Вентури⁵¹.

Остальные особенности английского просвещения не претерпели существенных изменений в трактовке Н.М. Мещеряковой, поскольку она по-прежнему исходит из того, что они predeterminedены особыми социально-экономическими условиями, сложившимися после английских революций XVII века. Одна из главных причин появления особенностей английского Просвещения состояла в том, и здесь Н.М. Мещерякова ссылается на мнение уже упоминавшегося нами Р. Портера, что «английским просветителям не было необходимости «штурмовать баррикады»⁵². Методологически совершенно обоснованным представляется утверждение Н.М. Мещеряковой, что характерные черты

английского Просвещения совершенно зеркально отражают его время, откликаются на особенности эпохи...»⁵³.

Важнейшей особенностью английского Просвещения, по мнению Н.М. Мещеряковой, является то, что общественно-политическая проблематика имеет двоякую смысловую направленность. Проявлялось это в том, что «сущность просветительской идеологии в духовной области выражается в ее противоречивости и сравнительной непоследовательности»⁵⁴.

Именно этим обстоятельством и объясняется, на наш взгляд, и некоторая противоречивость между утверждением Н.М. Мещеряковой о том, что «принцип приоритета разума в концепциях просветителей не подвергается эрозии, не подлежит ни малейшему сомнению и остается незыблемым на протяжении всей просветительской эпохи»⁵⁵ и приведенное автором иное, нежели во французском Просвещении, воплощение этого рационализма.

Отмеченная отечественными исследователями умеренность, непоследовательность, противоречивость, компромиссность идейно-теоретических и политических взглядов английского Просвещения, вероятно, предопределила существование до настоящего времени крайних, полярных суждений как о существовании самих особенностей, так и об их сущности.

К примеру, в конце 90-х годов проблема «своеобразия» английского Просвещения была предметом рассмотрения в статье Е.А. Пикаловой⁵⁶. Основываясь на традиционных для отечественной историографии подходах к определению особенностей социально-экономической ситуации в Англии XVIII века как благоприятных для «расцвета научного знания и мировоззренческой раскованности» в результате «славной» революции XVII века, автор характеризует главное своеобразие английского Просвещения. «Перед нами уже «постреволюционный» тип мышления, ориентированный в большей степени на созидание нового, а не на разрушение старого»⁵⁷. Как мы уже видели, это своеобразие социально-политической обстановки было отправной точкой как в суждениях отечественных исследователей, так и в построениях сторонников специфики английского Просвещения среди зарубежных исследователей.

Формулирует Е.А. Пикалова и отличительные особенности английского Просвещения.

1. «В отличие от просветительской тенденции критиковать «варварскую эпоху» средневековья, английские просветители обращали стрелы своей критики, прежде всего, против реставрационного режима Стюартов, главным образом кануна «славной революции» (правление Якова II).

2. В рамках этой критики поднимались вопросы теоретического плана: осуждался абсолютизм и оспаривалась правомерность такого правления, оправдывалось сопротивление народа тирании, конструировались социально-политические системы, обеспечивающие гарантию прав и свобод граждан⁵⁸.

3. «Значительное место занимает также критика конкретных аспектов социально-политической жизни страны: судебной системы, пауперизма, экспансионизма и колониализма, социальных противоречий». Критика, однако, была умеренной; отличительной чертой критики была компромиссность⁵⁹.

4. «Резкой критике подвергалась англиканская церковь за нетерпимое отношение к диссидентам. Однако при этом веротерпимость просветителей не распространялась на атеистов (так как атеизм связывался с крайним сектант-

ством, выступавшим за имущественное и гражданское равенство) и католиков (католицизм ассоциировался с абсолютистской реакцией периода Реставрации)⁶⁰.

5. «Почти все просветители, так или иначе, участвовали в политической борьбе, занимали официальные должности в правительствах, принимали сторону той или иной партии. Однако в своих произведениях они часто поднимались выше партийных разногласий, критикуя политику обеих партий (вигов и тори), и вместе с тем, некоторые из них начинали специально разрабатывать вопросы происхождения партий, их характер и функции в обществе (например, Толанд, Болингброк, Юм)⁶¹.

6. «Вместе с тем, следует отметить, что критика английских просветителей тесно переплеталась с оптимизмом, особенность которого состояла в том, что его питала, прежде всего, гордость за успехи и достижения в области экономики и политики современной им Англии. Отсюда убежденность в «разумности» конституционного правления, идеализация современного человека как «естественного» индивида, взгляд на современную Англию как на воплощение общего блага»⁶².

7. Критика же, по их мнению, необходима для искоренения отдельных пороков, она способствует улучшению общества и, в конечном счете, человека. Таким образом, налицо конструктивная работа английского Просвещения, выразившаяся в обосновании и укреплении нового общественно-политического уклада. Сюда можно отнести и теоретические модели идеального политического устройства, и многочисленные проекты решений различных проблем, присущих тогдашнему обществу: финансовых, внешнеполитических, социальных (пауперизм) и т.д.»⁶³.

8. Просветители стремились обосновать необходимость частной собственности (Хатчесон, Локк, А. Смит).

9. Еще одной существенной чертой английских просветителей является, по мнению Е.А. Пикаловой, прагматичность, «на первый план выступает принцип полезности, практическое применение идей»⁶⁴.

10. Перечисляя эти черты, Е.А. Пикалова все же полагает, что главная особенность английского Просвещения «заключается в активном и заинтересованном изучении человеческой природы, прежде всего, в контексте моральной проблематики». Для подтверждения этой мысли Е.А. Пикалова, ссылаясь на мнение отечественных и зарубежных исследователей⁶⁵, утверждает – «есть все основания именовать философию английского Просвещения моральной», так как для нее «мораль и нравственность не объект в ряду других объектов, а доминирующая интенция, предпочтительный предмет, основание и главная цель философствования», что «позволяет называть этот период «век чувства» (Age of Sentiment)», наряду с довольно распространенным названием «век разума»⁶⁶.

Самая радикальная оценка оригинальности и самостоятельности шотландского, а в широком смысле – и английского, Просвещения была сформулирована в статье Ю.Б. Лебедева «Шотландское Просвещение и его «моральная философия». По мнению Ю.Б. Лебедева в рамках шотландской «моральной философии» «возникли теория общества и «философия истории», которые шотландские мыслители сознательно противопоставляли господствовавшим на континенте естественно-правовым концепциям»⁶⁷.

Оригинальность шотландского Просвещения, по его мнению, заключается в следующих особенностях:

1. В методологии - отказ от «рационалистического метода дедуцирования» и «формулирование нового подхода к изучению явлений общественной жизни». Если Руссо, приступая к анализу происхождения социального неравенства, заявил, что для этого необходимо сначала отбросить все факты, то «моральные философы» именно в фактах видели фундамент всех общественных теорий»⁶⁸.

2. Отказ от основного положения рационалистической философии: от идеи превосходства абстрактного мышления, Разума, над чувствами⁶⁹.

3. Иной, нежели в рационалистической философии, подход и объяснение общественных явлений. Место концепции «естественного состояния» заняло убеждение в изначально «общественном» состоянии человека, место идеи «разумного эгоизма» в объяснении происхождения общества заняла идея о преобладающем влиянии «чувств и страстей», что в итоге привело к отказу от теории «общественного договора»⁷⁰. Отказ от признания ведущей роли духовного фактора привел английских просветителей к мысли, что не прогресс науки и образования, не воля законодателей и вообще законов, а материальный фактор определяет развитие общества⁷¹.

4. Среди материальных факторов шотландские просветители как главные выделяли экономические условия жизни и распределение собственности, влияющие как на социальное расслоение, так и на формы государственного устройства⁷².

5. Ориентация идей не на общетеоретические, а на практические проблемы⁷³.

6. Характеризуя особенности «шотландской моральной философии», Ю.Б. Лебедев приходит к выводу, что они предопределили «отказ от резкого социального критицизма французских просветителей». Что касается причин возникновения указанных особенностей, то автор их видит, как и большинство отечественных исследователей, в том, что «Англия уже имела свою «славную революцию», в результате которой политические институты стали обеспечивать определенный доступ к власти и некоторое влияние на решение государственных дел группам торгово-финансовой и зародившейся промышленной буржуазии»⁷⁴.

Проблема своеобразия, степени оригинальности английского Просвещения не решена окончательно, по крайней мере, Т.Л. Лабутина, автор множества работ, посвященных проблемам английского Просвещения, в своем фундаментальном исследовании «Культура и власть в эпоху Просвещения», цитируя английского историка Херншоу, присоединяется к его мнению. «Трудно не согласиться с историком в том, что английские просветители создали немного оригинальных идей в политической идеологии, однако маловероятно, чтобы их творчество не оставило своего следа не только в философии и литературе, но и в политике»⁷⁵.

Исходя из понимания особенностей ситуации, повлиявшей на формирование особенностей английского Просвещения, современными зарубежными и отечественными исследователями, рассматривающими проблемы английского Просвещения, представляется возможным прийти к следующим обобщениям.

Во-первых, исследователи, отстаивающие тезис о существовании существенных особенностей английского Просвещения или даже об особом английском варианте Просвещения, исходят из признания определяющей роли условий Англии XVIII века на формирование особых идей.

Во-вторых, несмотря на общность этого методологического подхода, как главные, определяющие предпосылки формирования идейно-теоретических особенностей английского Просвещения, исследователи выделяют различные обстоятельства: и социально-экономические, и политические, и религиозные.

Общим для историографических исследований последних лет, на наш взгляд, является также и убеждение, что именно в результате особых условий Англии XVIII века в английском Просвещении, в отличие от французского, востребованными оказались не идеи борьбы, а идеи совершенствования, не ломки существующих порядков, а их реформирования. Но какие именно «особые условия» предопределили такое направление просвещенческой мысли в Англии?

Из представленного обзора видно, что главное различие при определении особенностей английского Просвещения сводится к отрицанию или признанию рационализма как его главной черты, либо к степени и форме воплощения рационализма. Кроме того, аргументированные отечественные исследования, посвященные конкретной истории Великобритании последних лет, убеждают в сомнительности основного тезиса, на который опирались историографы, определяя особенности английского Просвещения: тезиса об отсутствии острой политической борьбы если не в целом, то, по крайней мере, в первой половине XVIII века.

Как представляется, в связи с этим необходим новый анализ особенностей идей английского Просвещения. Особенно это касается воплощения просвещенческих идей и сущности их понимания в исторических трудах английских историков эпохи Просвещения. Возможно, этот анализ покажет лишь специфику преломления общих просвещенческих идей, а возможно – и наличие иных, новых идей и отрицание идей французского Просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lossky A. Gibbon and the Enlightenment.// The transformation of the Roman World: Gibbon's problem after Two Centuries. P.3.
2. The Enlightenment in national context. Edited by Roy Porter and Mikulas Teich. Cambridge University Press, 1981.
3. The Enlightenment in national context. P. 3.
4. The Enlightenment in national context. P. 2.
5. Ibid. P. 3.
6. The Enlightenment in national context. P. 4.
7. Ibid.
8. Ibid. P. 5.
9. Ibid.
10. Ibid. P. 6.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid. P. 7.
15. Ibid. P. 8, 11.
16. Ibid. P. 11.
17. Ibid. P. 15.

18. Ibid. P. 16.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid. P. 17.
22. Ibid.
23. Pococ J.G.A. *Virtue, Commerce and History. Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century.* Cambridge, 1985; Pococ J.G.A. *Clergy and Commerce. The Conservative Enlightenment in England// L'eta dei Lumi. Studi storici sul Settecento europeo in onore di Franco Venturi.* Napoli, 1985. P. 523-652.
24. Pococ J.G.A. *Barbarism and Religion: The Enlightenments of Edward Gibbon, 1737-1764. Volume: 1.* Cambridge, 1999; Покок Дж. Г. А. *Великобритания // Мир Просвещения.* – С. 485-503.
25. Pococ J.G.A. *Barbarism and Religion: The Enlightenments of Edward Gibbon, 1737-1764. Volume: 1.* Cambridge, P. 6.
26. Ibid.
27. Покок Дж. Г. А. *Великобритания // Мир Просвещения.* С.486.
28. Там же. – С. 488.
29. Там же. – С. 489-490.
30. Там же. – С. 489.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же. – С. 490.
34. Там же. – С. 493.
35. Там же. – С. 493-494.
36. Там же. – С. 494.
37. Там же. – С. 495.
38. Аббатиста Г. *Время и пространство. // Мир Просвещения.* – С. 586.
39. Там же.
40. Там же.
41. Косминский Е.А. *Историография средних веков.* М., 1963. – С. 239; *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки.* Под ред. И.С. Галкина. М., 1967. – Т. 1. – С. 59; *Историография истории Нового времени стран Европы и Америки.* М., 1990. – С. 74-75; *Методология исторического познания и буржуазная наука.* Изд. Казанского университета. 1977. – С. 93.
42. *Историография истории Нового времени стран Европы и Америки.* Барг М.А., Болингброк и английское Просвещение. В кн.: Болингброк. *Письма об изучении и пользе истории.* М., 1978.
43. Креленко Н.С. *Пуританская революция и английская общественная мысль XVII-XIX вв.* Саратов, 1990. – 111 с.
44. Там же. – С. 30.
45. Там же. – С. 31, 34.
46. *Общественно-политическая мысль европейского Просвещения/ Под ред. Н.М. Мещеряковой.- М.: Книжный дом «Университет», 2002.-384 с.(Труды исторического ф-та МГУ/ Под ред. С.П. Карпова; Вып.21. Исторические исследования).* – С. 45.
47. Addison J. Steele R.] *The Spectator.* L., 1757. Vol.I. P. 34. Цит. по: *Общественно-политическая мысль европейского Просвещения.* – С. 45-46.
48. Там же. – С. 53.
49. Там же. – С. 52.
50. Там же. – С. 30-31, 55.
51. Там же. – С. 21-22. См. Venturi F. *Utopia and Reform in the Enlightenment.* Camb., 1971. P.71,119.
52. *Общественно-политическая мысль европейского Просвещения.* – С. 20.
53. Там же. – С. 42.
54. Там же. – С. 48.
55. Там же. – С. 44.
56. Пикалова Е.А. *К вопросу о своеобразии английского Просвещения /«Вестник Санкт-Петербургского ун-та», серия «философия и социально-политические науки».- СПб., 1999. – 16 с.- Деп. в ИНИОН РАН № 54709.*
57. Там же. – С. 12.
58. Там же.
59. Там же. – С. 12-13, 15.
60. Там же.
61. Там же.

62. Там же.
63. Там же.
64. Там же. – С. 14.
65. Перов Ю.В. Судьбы моральной философии // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. СПб., 1991. – С. 61; Voas G. In search of the age of reason// Aspects of the eighteenth century. Baltimore, 1967. P. 10.
66. Пикалова Е.А.К вопросу о своеобразии английского Просвещения. – С. 14.
67. Эпоха великой французской революции: Проблемы истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. Чебоксары, 1989. – С. 70.
68. Там же.
69. Там же. – С. 71.
70. Там же. – С. 71-72.
71. Там же. – С. 72.
72. Там же. – С. 73-75.
73. Там же. – С. 76.
74. Там же.
75. Лабутина Т.Л. «Культура и власть в эпоху Просвещения». М.: Наука, 2005. – С. 15.

III. Новейшая история

Ю.Н. Галич

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ИСТОКИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБНОВЛЕННЫЙ ОСНОВНОЙ ЗАКОН ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЯПОНИИ

Аннотация

В статье рассматриваются исторические предпосылки и особенности морального и патриотического воспитания в Японии, особенности данного процесса на настоящем этапе и обновленный Основной закон об образовании (2006 г.), который среди прочих ставит задачу формирования в подрастающем поколении патриотических чувств и уважения к родине.

HISTORICAL BACKGROUND OF PATRIOTIC EDUCATION AND NEW BASIC LAW ON EDUCATION IN JAPAN

Yulia Galich

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article is about historical background of moral and patriotic education in Japan, main features of this process nowadays and new Basic Law on Education (2006), which has an aim to form patriotic feelings and respect for motherland in the younger generation.

В последнее время, характеризующееся активными процессами глобализации и интернационализации, все чаще встает вопрос о сохранении национальных корней, культуры и исторической преемственности. Глобальная массовая культура не смогла стать унифицированным средством развития и коммуникации во многих странах и регионах мира. Поэтому уважение к истории своего народа и любовь к родине становятся как средством сохранения культуры и национального взаимопонимания, так и условием для успешного развития в глобальном мировом пространстве. Культурный релятивизм, смыслом которого является уважение культур других народов, часто оборачивается забвением собственной национальной идентификации и потерей исторических и культурных корней. Понятие патриотизма отходит на одно из последних мест в шкале ценностей современных людей. Эту проблему осознают правительства многих стран, в том числе и Японии.

Морально-патриотическое воспитание в Японии на современном этапе истории имеет веские причины и исторические традиции. Во-первых, эта страна обладает многовековым опытом морального и патриотического воспитания населения, что связано с высокой долей образованного населения, начиная с

раннего средневековья и особенно – в эпоху Токугава. Во-вторых, японцы традиционно используют систему образования для централизованного и управляемого процесса воспитания у молодежи моральных ценностей, гордости за свое отечество, контролируя школьные программы на государственном уровне. Учитывая прагматический характер отношения японцев к знаниям, в стране относятся к воспитанию патриотических чувств как формированию важной образовательной и социализирующей компетенции учащихся. В-третьих, японцы издревле пользуются конфуцианской системой воспитания, которая в общем сводится к уважению к государству, власти и старшему поколению.

На заре третьего тысячелетия японцы решают проблему сохранения культурно-исторических корней и поисков новых национальных идей, которые приведут нацию к успеху, с удвоенной силой. Этому есть свои веские причины. Япония занимает второе место по экономическому развитию после США в мире, и несоответствие между ее экономическими успехами и политической ролью на международной арене с каждым днем становится все более очевидным. Кроме того, Япония обеспечивает почти 20 процентов бюджета ООН, ежегодно выплачивая около 280 млн. долларов. Больше нее платят только США – примерно 363 миллиона долларов, что составляет 22 % бюджета ООН. На долю Франции приходится около 6,4 %, Великобритании – 5,5 %, Китая – 1,5 %, России – 1,2%¹. Это дает основания для поиска новой роли в мировом политическом пространстве: активное участие в борьбе с международным терроризмом, участие в миротворческих миссиях ООН, борьба за вступление страны в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена становятся приоритетными во внешней политике страны.

Эти обстоятельства привели японское правительство к пониманию того, что необходимо проводить перемены в стране, подводя под них новую законодательную базу. Другими словами, через изменение в законодательной базе (в первую очередь – знаменитой 9 статьи Конституции, утверждающей отказ от войны навечно) государство считает необходимым изменить отношение японцев к собственной истории и культуре. Несколькими годами ранее, в 1999 г., палата представителей парламента приняла законопроект, разрешающий обсуждение конституции в парламентских комиссиях. Это дало основание для подготовки изменений не только в самой конституции, но и в других важных законах страны. В процессе формирования отношения японцев к своей истории и стране, а следовательно, и чувства патриотизма, важными оказались покаянные настроения народа после Второй мировой войны. В середине 1990-х гг. прозвучали официальные извинения за агрессивные действия в соседних государствах, эту же позицию повторно озвучил в апреле 2007 г. премьер-министр страны С. Абэ. На смену покаянию приходит новое восприятие японцами своей истории, основанное как на признании нелицеприятных фактов, так и на законной, обоснованной гордости успехами и заслугами нации.

Как говорилось выше, японская система морального и патриотического воспитания тесно связана с государственной системой образования, что вполне гармонично воспринимается обществом. Практическая этика, основанная на идеях трудолюбия, милосердия и конфуцианских добродетелях, была предметом изучения еще в средневековых школах Японии. Кроме того, в эпоху Токугава конфуцианские учителя (*дзюся*) были одновременно и советниками феодалов².

Конфуцианство послужило основой этических норм, играющих весьма важную роль в японском обществе. Эти нормы базируются на пяти конфуцианских принципах: гуманности, долге, благонравии, мудрости и искренности. Гуманность в конфуцианском понимании неразделима с понятием долга, то есть того, что человек добровольно накладывает на себя в силу своих добродетелей. Японцы воспитывают чувство долга в детях с малолетства и прививают осознание того, что человек без долга – личность не состоявшаяся. С другой стороны, остается опасность того, что молодые японцы будут перенимать лишь внешнюю, ритуальную форму межличностного общения, не наполняя ее прежним смыслом.

Средневековые школы Японии активно пользовались конфуцианскими идеями и практической этикой, основанной, кроме прочего, и на буддистско-синтоистском комплексе педагогических мер. Это означает, что такие отличительные черты японцев, как трудолюбие, ответственность в форме долга *гири*, коллективизм, умение быть членом единой команды, благодеяние *он*, сыновняя почтительность и другие качества с незапамятных времен были основой социальных и моральных принципов поведения индивидуумов и регуляторами отношений в японском обществе.

Конфуцианство принесло с собой в общество уважение к государству и власти, иерархическое, корпоративное сознание, а также черты группового типа поведения, ставшие чертами японского национального характера. Эти черты проявляются повсюду – в управлении, в труде, в повседневной, в том числе семейной, жизни, т. е. охватывают всю сферу социального поведения. Корни этого явления – в социально-этических взглядах конфуцианства. Важнейшим средством для достижения социального порядка считалась так называемая политика «выпрямления имен», суть которой в знаменитом изречении: «Пусть отец будет отцом, сын – сыном, государь – государем, подданный – подданным». Другими словами, пусть все встанет на свои места, все будут знать свои права и обязанности и делать то, что им положено»³. Наиглавнейший принцип конфуцианства *ва* (гармония, равновесие) является краеугольным камнем, на котором строится незыблемость традиции в японском менталитете.

В период преобразований эпохи Мэйдзи (1868–1912 гг.) перед японским правительством встала необходимость проведения реформ в школах, которые изменили бы ситуацию и позволили ответить вызовам времени, воспитать граждан, способных духовно и творчески развиваться и отвечать вызовам нового времени. Школа приобрела прозападный характер, что в конечном итоге обеспокоило консервативно настроенные круги Японии конца XIX века. Они посчитали, что молодые японцы чрезмерно увлекаются западным и забывают о собственном национальном самоуважении. В результате в качестве основного педагогического документа, направленного на моральное совершенствование молодых людей, был принят «Императорский рескрипт об образовании», обнародованный в конце 1890 г. В течение нескольких десятилетий, вплоть до окончания Второй мировой войны, его чтение было обязательной процедурой во всех школах Японии. Содержание документа – воспитание учащихся в духе преданности государству и трону, что способствовало усилению консервативных настроений в японском обществе, недавно вышедшем из международной изоляции. В документе указывалось, что остается неизменной связь между глубокой и прочной моралью и императорским тронem, который на протяже-

нии веков поддерживал лучшие качества в своем народе, а добродетель почитания императора является первоосновой системы воспитания. Необходимо отметить, что ритуал почитания рескрипта был обязательным не только во всех ступенях школы, но и в воинских подразделениях.

Возврат к национальным и традиционным идеям в эпоху Мэйдзи стал своеобразным локомотивом в бурном развитии Японии, ее модернизации и увеличении влияния на мировой арене. Но нельзя не упомянуть и об обратной стороне довоенного морального воспитания японцев: усиление националистических настроений было направлено на оправдание политики милитаризма и колониальных устремлений Японии в Азиатском регионе.

После поражения страны во Второй мировой войне система образования подверглась серьезным изменениям и стала «первым объектом атаки»⁴ со стороны оккупационных властей. Считалось, что изменения в этой сфере подорвут идеологические основы японского национализма и милитаризма. В 1947 г. был принят Основной закон об образовании, не менявшийся в течение 60 лет. Разумеется, на заре третьего тысячелетия он не вполне соответствовал требованиям времени и не отражал реалий сегодняшней Японии.

В декабре 2006 г. правительством был принят обновленный закон об образовании⁵. Особое место в новом законе отводится «воспитанию любви к малой родине» и истории страны. О весомости закона и его значимости в жизни страны говорит тот факт, что его обсуждение шло параллельно с обсуждением необходимости изменений в Конституции страны. Вопросы в опросах общественного мнения, которые традиционно проводятся по самым волнующим проблемам в обществе, зачастую напрямую увязывали эти два закона. Пересмотр этих документов был определен как первоочередная задача кабинета нынешнего премьер-министра Японии Абэ Синдзо. Совершенно очевиден тот факт, что и новая конституция, и обновленный закон об образовании имеют своей целью обеспечить законодательную базу для необходимых преобразований в стране, дать импульс общественной жизни, изменить самосознание японцев и тем самым определить дальнейшее успешное развитие нации на многие годы. Уместно вспомнить слова российского историка Н.М. Карамзина о том, что «смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут»⁶.

Нельзя не отметить, что японские СМИ очень активно проводят опросы общественного мнения в тех областях общественной и политической жизни, которые наиболее волнуют общество в целом. Так, согласно одному из опросов, проведенному газетой «Иомиури»⁷ 17 и 18 марта 2007 г., число сторонников пересмотра конституции составляет 46% от общего числа ответивших, против – 39%. Газета отмечает, что, начиная с 1999 г., число сторонников изменений конституции по сравнению с числом противников постоянно росло. Однако в течение трех последних лет, по данным «Иомиури», наблюдается непрерывное уменьшение количества тех, кто желал бы пересмотра основного закона страны (на 9 % по сравнению с прошлым годом), а число противников выросло за этот же период (на 7 %). В качестве доводов в пользу изменения конституции 48% опрошенных приводят идею, что «ныне действующая Конституция не соответствует международному вкладу страны и возникающим в настоящее время задачам». Это свидетельствует о повышающейся национальной самооценке японцев и подъеме патриотических чувств.

Подобные опросы активно проводились в период подготовки нового закона об образовании, принятого в декабре 2006 г. В ноябре 2006 г., когда обновленный закон об образовании был принят нижней палатой парламента, NHK опросила 1635 человек по всей стране, используя Интернет. На вопрос «поддерживает ли гражданин реформу закона об образовании», из 1042 опрошенных ответили 86 % участвовавших в опросе: «да» - 41%, «нет» - 10% и 40% граждан не определились с ответами⁸. Более того, большинство молодых людей в Японии (то есть тех, кто попадает в категорию обучающихся предмету «Патриотизм») считают себя уже патриотичными людьми (77 %)⁹. Среди факторов, вызывающих патриотическими чувства и гордость за страну, молодые японцы называют:

- спортивные достижения и участие страны в международных соревнованиях и олимпиадах (71 %);
- успехи японцев в области культуры и искусства (30 %);
- отстаивание Японией территориальных споров на международной арене (22 %);
- собственные поездки за границу в качестве туриста или студента (15%);
- созерцание флага «Хи-но мару» («Красный круг на белом полотнище») или пение гимна «Кими-га Ё» («Ты – мир») (6 %).

Для остальных 11% опрошенных существенными мотивами, вызывающими гордость за отечество, были названы прочие причины.

Многие молодые японцы считают, что в результате воспитания патриотических чувств в молодежи культура Японии станет более значимой как для самих японцев, так и для мирового сообщества, Япония обретет более прочные позиции в отношениях с соседними странами, и общество в целом оживится. Но и у противников обновленного закона есть свои аргументы, к которым нельзя не прислушиваться. Так, они считают, что Основной закон об образовании менять не следовало, в первую очередь из-за того, что воспитание патриотизма позволит вернуться к предвоенной ситуации, когда внутренний голос каждого человека настраивался государством на общую волну национализма. Кроме того, они считают, что введение в закон параграфа о воспитании патриотизма оправдывает участие Японии во Второй мировой войне и увеличивает вероятность злоупотреблений политиками. Здесь налицо непонимание сущности патриотизма, путаница в понятиях и подходах. Великий русский историк Н.М. Карамзин так выразил идею патриотизма: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его»¹⁰. Национализм же, в свою очередь, это «идеология и политика, для которых характерны идеи превосходства и исключительности «своей» нации, стремление к национальной замкнутости и преследование только собственных интересов»¹¹. Необходимо отметить, что разработчики обновленного закона об образовании учли различия в этих понятиях и подчеркивают необходимость воспитания уважения к другим странам и культурам.

Однако часть молодых людей вовсе считает воспитание патриотизма непродуктивным занятием, так как гражданская и патриотическая позиция – личное дело каждого, и влиять на них извне почти невозможно.

Сравним два закона об образовании и их подход к формированию и воспитанию личности. Послевоенное моральное воспитание строилось на основе

Закона об образовании, принятого в 1947 г. Он ставил своей задачей «воспитание человека, стремящегося к правде и миру» и «создание богатой культуры отдельной личности». Статья 1 определяла в качестве цели образования воспитание гармоничной личности, которая любит правду и справедливость, уважает человеческие ценности, труд и обладает чувством ответственности, здоровым духом, необходимыми для строителей мирного общества. Статья 2 говорила о том, что для достижения указанной цели образования следует «развивать в личности духовные устремления, уважение к себе и другим, а также сотрудничество. Личность должна вносить вклад в создание культуры и развитие»¹². Иными словами, основной упор в старом законе делался на развитие личности, которая смогла бы гармонично реализовываться в обществе на благо государства, духовное и творческое развитие личности.

Обновленный Основной закон об образовании 2006 г. имеет другие цели и задачи. Он существенно расширен, подробнее раскрывает суть некоторых пунктов и включает совершенно новые статьи. Особое внимание в законе уделено взаимодействию семьи и школы в вопросах воспитания детей, любви к малой родине и формированию в человеке «необходимых качеств» («*хицуёна сисицу*»). В преамбуле закона написано: «Мы будем осуществлять воспитание и обучение в целях создания новой культуры, следуя традициям ... Мы будем утверждать основы обучения и воспитания с тем, чтобы раскрывать будущее нашей страны». В пятом параграфе второй статьи «Задачи обучения и воспитания» говорится: «Наряду с любовью к своей стране и малой родине уважать другие страны, воспитывать уважительное отношение к другим странам, вносить вклад в развитие международного сообщества и мира». Совершенно ясно, что упор делается не только на гордость за собственную страну, но и уважение к другим государствам и народам. В «Руководящих положениях по образованию» (министерства образования) для начальных школ, которые вводятся в действие с начала 2007 года, особо отмечается необходимость в течение 6 лет сделать возможным в обществе «воспитывать чувство любви к своей стране».

В то время как закон только еще обсуждался и готовился, в некоторых школах попытались ввести первые уроки патриотического воспитания. Но в условиях, когда не были разработаны программы курса, критерии оценки знаний по данному предмету, учителям было трудно сориентироваться в подготовке, подаче материала и аттестации учеников. Так, в 2006 г. в префектуре Фукуока сразу несколько школ провели подобные пробные уроки. Понимая невозможность определения уровня знаний по данному предмету, в одной из школ учителя поставили всем детям оценку «хорошо» на том основании, что «все они выразили горячее желание защищать Японию от вторжения иностранного агрессора»¹³. К тому же, начиная с 2004 г., в школах Токио на школьных церемониях стали в обязательном порядке использовать государственную символику - гимн «Кими-га Ё» («Ты – мир») и флаг «Хи-но мару» («Красный круг на белом полотнище»). Все это привело к возмущению некоторых родителей и учителей, которые незамедлительно подали в суд. Данные о решении судов и советы адвокатов были размещены в японском Интернете. Так, на сайте «Хи-но Мару» и «Кими-га Ё» - посягательство на права человека»¹⁴, который поднимает вопрос воспитания патриотизма в провинции Фукуока, в апреле 2007 г. было опубликовано мнение уполномоченного по рассмотрению жалоб.

Он считает, что детям навязывают «патриотизм» и «самосознание в качестве японца» и что недопустимо оценивать знания в этой области и духовный мир ребенка по балльной шкале. Свои протесты по поводу воспитания патриотизма выразили и национальные меньшинства Японии. В первую очередь они не согласны с подходом, который выражен в шкале оценок под названием «Чувства любви к своей стране и национальное самосознание японца». Критики шкалы считают, что «нормой и стандартом» в подобных «шкалах оценивания» по сути, индивидуальных человеческих качеств, является националистическое неприятие иностранцев (*минзоку хайгай-сюги*).

Сторонники реформы образования имеют свою точку зрения. Так, на сайте «Борьба вокруг воспитания патриотизма»¹⁵ они призывают «радикально покончить с послевоенным мышлением и заниматься воспитанием патриотизма». Вместе с тем, авторы сайта указывают на опасность навязывания ценностей, но в целом призывают вернуться к японским истокам, ценностям и миропониманию. По их мнению, «обучение патриотизму в конечном итоге будет означать защиту конституции». Надо отметить, что как сторонники пункта о воспитании патриотизма в законе об образовании, так и его противники апеллируют к основному закону и считают свою позицию единственно конституционно правильной. Согласно мнению сторонников реформы, «обучение патриотизму, традициям и естественности» вряд ли помешает идти вперед в деле обучения и воспитания в духе «замечательной страны Японии, которая обеспечивает основные права человека, уважает личность, является мирной, отказываясь от войны»¹⁶.

Кроме внутреннего сопротивления реформе образования, правительству Японии пришлось столкнуться и с критикой соседних стран. Главным аргументом этих стран является собственная память об агрессивном поведении Японии на их территории во время Второй мировой войны. Однако забывается о той роли, которую в последние десятилетия сыграла Япония в развитии региона, о материальной и гуманитарной помощи своим соседям. Думается, что протест против развития в японцах чувства гордости за свою страну и уважения к ее истории является ничем иным, как способом давления на Японию.

Любовь к родине – это не абстрактное понятие, которое, по мнению многих, уже устарело и должно смениться «любовью ко всей планете», глобальной культурой, космополитичной по своей сути. Для того чтобы идти вперед, развиваться и достигать успеха в условиях жесткой конкуренции в глобальном мире, необходимо быть сильной, монолитной нацией, объединенной единой исторической памятью, культурой и национальной идеей. Патриотизм – это не что иное, как любовь к родине, к земле, на которой растет и формируется человек, уважение к деяниям предков, понимание истории и того пути, по которому идет развитие страны. Не имея общей национальной идеи, любая нация прекратит свое существование и не выживет в быстро меняющемся мире, что в настоящее время глубоко понимают японцы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Япония угрожает ООН экономическими санкциями» // Информационный портал «Лента.ру» 18.10.2005 <http://www.lenta.ru/news/2005/10/18/cut/>
2. Лим. С.Ч. История образования в Японии. М., 2000. – С. 46.
3. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: «Наука», 1970. –С. 102.
4. Morris I.I. Nationalism and the right wing in Japan. London, N.Y., Toronto. 1960. P. 1.

5. Монбугакусё. Официальный сайт Министерства просвещения и науки Японии. http://www.mext.go.jp/b_menu/kihon/about/06122123.htm.
6. Н. Карамзин. О любви к отечеству и народной гордости // Сайт Православного информационного агентства «Русская линия». <http://www.rusk.ru/st.php?idar=800582>
7. «Иомиури симбун он-лайн». 05.04.2007 <http://www.yomiuri.co.jp/feature/fe6100/nenji/>
8. NHK news. 22.11.2006
9. Интернет-версия почтового журнала «Основной закон об образовании». «Кёйку кихон хо. Мэру магадзин». <http://www.jtu-net.or.jp/ncer/kihonho/048.htm>
10. Н. Карамзин. О любви к отечеству и народной гордости // Сайт Православного информационного агентства «Русская линия». <http://www.rusk.ru/st.php?idar=800582>
11. Куликов Л.М. Основы социологии и политологии. М., 2003. – С. 80.
12. Основной закон об образовании Японии. Кёйку кин хонрицу. (Закон № 25 от 31 марта 1947 года)
13. «Отметки за «патриотизм» // Информационный портал «Инопресса». 08.05.2003 <http://www.inopressa.ru/asahi/2003/05/08/17:54:49/arc:asahi:different>.
14. Сайт «Хи-но Мару» и «Кими-га ё» - посягательство на права человека». «Хи-но Мару Кими-га Ё-га дайниёру дзинкэн синга. Симин онбудзу пасон». 15.04.2007 <http://www003.upp.so-net.ne.jp/eduosk/index.htm>
15. Сайт «Хатэна дайэри». Hatena diary. <http://d.hatena.ne.jp/opemu/20061125/1164419626>
16. Сайт «Хатэна дайэри». Hatena diary. <http://d.hatena.ne.jp/opemu/20061125/1164419626>

Литература и Интернет-ресурсы

На русском языке:

1. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., «Наука», 1970. – С. 102.
2. Н. Карамзин. О любви к отечеству и народной гордости // Сайт Православного информационного агентства «Русская линия». <http://www.rusk.ru/st.php?idar=800582>
3. Куликов Л.М. Основы социологии и политологии. М., 2003. – С. 80.
4. Лим. С.Ч. История образования в Японии. М., 2000.
5. «Отметки за «патриотизм» // Информационный портал «Инопресса». 08.05.2003 <http://www.inopressa.ru/asahi/2003/05/08/17:54:49/arc:asahi:different>
6. «Япония угрожает ООН экономическими санкциями» // Информационный портал «Лента.ру» 18.10.2005 <http://www.lenta.ru/news/2005/10/18/cut/>

На английском языке:

1. Morris I.I. Nationalism and the right wing in Japan. London, N.Y., Toronto. 1960. P. 1.
2. NHK news. 22.11.2006.

На японском языке:

1. «Иомиури симбун он-лайн». 05.04.2007 <http://www.yomiuri.co.jp/feature/fe6100/nenji/>
2. Интернет-версия почтового журнала «Основной закон об образовании». «Кёйку кихон хо. Мэру магадзин». <http://www.jtu-net.or.jp/ncer/kihonho/048.htm>
3. Основной закон об образовании Японии. Кёйку кин хонрицу. (Закон № 25 от 31 марта 1947 года)
4. Сайт «Хатэна дайэри». Hatena diary. <http://d.hatena.ne.jp/opemu/20061125/1164419626>
5. Сайт «Хи-но Мару» и «Кими-га ё» - посягательство на права человека». «Хи-но Мару Кими-га Ё-га дайниёру дзинкэн синга. Симин онбудзу пасон». 15.04.2007 <http://www003.upp.so-net.ne.jp/eduosk/index.htm>

С.А. Юртаев
Московский городской
педагогический университет

**«АВСТРИЙСКАЯ» ПОЛИТИКА БИСМАРКА
В НАЧАЛЕ 70-Х ГГ. XIX В. В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ ПРЕССЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»,
ГАЗЕТ «ГОЛОС», «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»)**

Аннотация

В данной статье рассматривается политика Бисмарка по отношению к Австрии после франко-прусской войны 1870-1871 г. в отражении русской прессы. Приведены оценки ведущих печатных органов разных идейных направлений, проанализированы их видение мотивов внешней политики Германии в указанный период и прогнозы развития ситуации.

BISMARCK'S AUSTRIA-POLICY AT THE BEGINNING OF THE 1870-ES
IN THE RESPONSES OF RUSSIAN PRESS

Sergej Yurtaev

Moscow City Pedagogical University

Abstract

The responses of Russian press to Bismarck's Austria-policy after the Franco-Prussian war of 1870-1871 are studied in the given article. The responses of the representatives of various ideological directions of Russian press to the motives of German foreign policy and to the forecasts of the course of events are analyzed.

Внешнеполитической целью Бисмарка после образования Германской империи было выстраивание такой международной системы, которая исключала бы возможность образование антигерманского союза: «ситуация требовала сделать попытку ограничить возможность антигерманской коалиции путем обеспечения прочных отношений хотя бы с одной из великих держав»¹, то есть цель эта носила оборонительный характер.

Основой задуманной сети коалиций должно было стать устойчивое объединение, превышающее по своей суммарной мощи любой другой альянс, и «выбор мог быть сделан только между Австрией и Россией»².

Анализ послевоенной ситуации привел Бисмарка к выводу о необходимости сближения с восточными монархиями с целью сохранения стабильности в Европе. На роль союзника не подходили ни Англия – «английская конституция не допускает заключения союзов на определенный срок», ни Италия – «союз с Италией не мог служить достаточным противовесом коалиции трех остальных великих держав»³. В сложившейся ситуации необходимо было лишить Францию, которая стремилась к реваншу, союзников на востоке. При этом Германия должна была избежать попадания под чрезмерное влияние России: при наличии постоянного конфликта между Францией и Германией Россия могла играть роль арбитра и диктовать условия. Поэтому Бисмарк начина-

ет постепенное сближение с Австро-Венгрией, которая стала бы противовесом России.

Это не осталось незамеченным в России. Анализируя новую «австрийскую» политику Бисмарка, журнал «Вестник Европы» указывал, что время для отторжения от Австрии немецких провинций и присоединения их к Германии еще не пришло. Бисмарку было выгоднее вывести Австрию из числа возможных противников Германии, чем пытаться расширить собственные границы за ее счет. Австрия рассматривалась как инструмент внешней политики Бисмарка. Германия сохраняла «себе в Австрии почву для новых, мирных завоеваний немецкой культуры» – посредством немецкого меньшинства, «которое держит в руках промышленные силы Австрии»⁴. Бисмарк не хотел также «лишить себя вперед бассейна нижнего Дуная»⁵. Итак, Австро-Венгрия как политическая конструкция удерживала в русле единой, дружественной по отношению к Германии, политики свое многонациональное население (в том числе и славян) и обеспечивала продвижение германского мира на Балканы. Указывалось, что для Бисмарка «всякое распространение Австрии на юг было бы полезно, - ибо приготовило бы наследство для Германии»⁶. К тому же продвижение на Балканы, традиционную сферу интересов России, осуществляла не Германия, которая не хотела открытого конфликта с ней, а Австро-Венгрия, давний соперник России.

Австрия следовала в русле политики Бисмарка не столько в силу национальных симпатий, сколько в силу расклада сил в Европе после войны 1870-1871 гг. – «пока Франция слаба, Австрия не может следовать иной политике, как политике подчиненности по отношению к Германии»⁷.

Таким образом, журнал проводил мысль о том, что сближение с Австрией носит для Бисмарка временный, тактический характер.

«Австрийская» политика Бисмарка нашла свое отражение и на страницах либеральной газеты «Голос». Позиция газеты была четко обозначена: Австрия, вытесненная из Германии и Италии, «была поглощена мыслью сделать приобретения на востоке»⁸. Она сделалась продолжением Германии, и в будущем у нее не будет других целей и задач, кроме тех, которые ей будут продиктованы из Берлина⁹. С другой стороны, она своим движением на Восток способна увлечь Германскую империю «на такой путь, на котором, рано или поздно, неизбежно должно произойти у нас столкновение с этой державой»¹⁰. Тем более, что лояльность Австрии покупалась Берлином «существенными обещаниями помощи на случай весьма возможных столкновений на Востоке»¹¹, где Австрия искала бы вознаграждения за потери на Западе. То есть в качестве вероятного последствия австро-германском сближения «Голос» видел конфликт этих держав с Россией из-за австрийского проникновения на Балканы, куда Австрия выталкивалась политикой Бисмарка. Таким образом, эта газета уже в 1871 г. дала верный прогноз развития австро-германо-русских отношений, который найдет свое подтверждение в 80-е гг. XIX в.

Идейный оппонент «Вестника Европы» и «Голоса», относившихся к либерально-буржуазному направлению русской прессы¹², консервативная газета «Московские ведомости» также уделяла внимание рассматриваемому вопросу.

Анализируя характер намечающегося союза, редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков усматривал цель Бисмарка в «окончательном погло-

щении Германией всех австрийских земель, обложенных немецкими притязаниями»: ¹³ «германская дружба к Австрии есть дружба хищника, который крепко прижимает к себе свою добычу» ¹⁴. Время для этого шага, однако, еще не пришло: «У Пруссии достаточно дела в Эльзасе, Лотарингии, южной Германии, Шлезвиге и Познани, чтобы не спешить материальным присоединением Цислейтании» ¹⁵. Молодая империя вынуждена была в тот момент лишь «направлять ход дел, чтоб оно рано или поздно совершилось само собой» ¹⁶. «Австрийская» политика Бисмарка, направленная на ограничение самостоятельности Дунайской монархии и подчинение ее внешней политики Берлину, была одним из аспектов внешней политики Бисмарка, основной целью которой было «связать Европу ее теперешним положением и предотвратить всякие комбинации, которые могли бы подвергнуть вопросу приобретенные Германией выгоды» ¹⁷. Именно к этому результату привели переговоры между императорами и министрами иностранных дел в Ишле, Гаштейне, Зальцбурге: Австрия превратилась в «форпост Германии на юго-востоке Европы» ¹⁸.

Подводя столь неутешительный для Дунайской монархии итог, М.Н. Катков указывал ей на возможную альтернативу и спасение: она могла бы стать «искренно державой по преимуществу славянской», превратившись таким образом в естественную союзницу России ¹⁹. Представляется, что в сложившихся исторических условиях значительное усиление славянского элемента в Австрии за счет ослабления немецкого и венгерского едва ли было возможно. Редактор «Московских ведомостей» указывал, что «неудержимое и естественное стремление влечет Германию на путь завоеваний» и противопоставлял ей Россию, которой, напротив, закон существования воспрещает завоевательную политику, особенно в Европе ²⁰. Таким образом, Австрии не стоило опасаться завоевания своих славянских элементов Россией; напротив, будучи ее союзницей, «славянская Австрия, самостоятельная против Германии, спасая себя, спасет и равновесие Европы» ²¹. Германия в этих рассуждениях Каткова выступала как нарушитель европейского спокойствия, которого необходимо было нейтрализовать.

Роль Австро-Венгрии в Европе, несмотря на поражение 1866 г., продолжала оставаться весьма значительной, а возможность ее сближения с другими державами была, по мнению Каткова, постоянной заботой Бисмарка ²². Беспроигрышной защитой против реванша со стороны Франции для Германии было противопоставление ей не 40-миллионной, а 70-миллионной Германии, то есть Германии вместе с Австро-Венгрией. Таким образом, «превращение Австрии в вассальное владение Германии» было «смертным приговором Франции» и залогом дальнейшего существования Германской империи – таков данный Катковым анализ ситуации ²³. Наличие разбитой, но еще не уничтоженной Франции обуславливало особое внимание, которое Бисмарк уделял в своей внешней политике отношениям с Австро-Венгрией. Таким образом, Катков зафиксировал еще один постулат внешней политики Бисмарка: «интересы Германской империи требуют во что бы то ни стало водворения доброго согласия между ней и Австрией» ²⁴.

Примечательна особенность союза между Германией и Австрией, на которую указывал Катков: Германия обеспечивала себя «от действительной опасности на западе», предлагая взамен Австрии лишь защиту «от мнимой опасности, которая будто бы угрожает ей со стороны России» ²⁵. Это был один из

методов внешней политики Бисмарка: поддержание определенного уровня напряженности, враждебности между своими союзниками с целью сохранения за собой контроля над ситуацией. Находясь под мнимой угрозой со стороны России, Австро-Венгрия сохраняла лояльность по отношению к Германии и воздерживалась от какого-либо сближения с Францией. Редактор подчеркивал, что «Германии опасно всякое сближение России с Францией, но также невыгодно ей и непосредственное сближение между Австрией и Россией»²⁶. Оптимальное решение проблемы для Германии – встать между обеими державами «под видом миротворного посредничества, а в сущности затем, чтобы разделить их и господствовать над общим положением дел»²⁷.

В 1871 г. подобная расстановка сил не внушала Каткову серьезного беспокойства. Он был уверен в дружбе между Германией и Россией, потому что «Германия ничего не опасается со стороны России и чувствует себя вполне обеспеченной в ее дружеском расположении»²⁸, ведь союз их основан на взаимной оценке своих прав и сил, и на взаимном уважении и доверии. Эта позиция не изменилась и в мае 1872 г.²⁹

Определенные опасения относительно наметившегося сближения между Германией и Австрией были успокоены прошедшей в сентябре 1872 г. встречей трех императоров в Берлине, в ходе которой официально подтверждены мирные, союзнические отношения трех держав.

Таким образом, германо-австрийское сближение не осталось незамеченным русской периодической печатью. Представители различных идейных направлений русского общественного мнения точно определили роль Австро-Венгрии в расчетах Бисмарка: она должна была стать его надежным союзником на долгие годы и следовать тому внешнеполитическому курсу, который ей указывали из Берлина. При этом уже в 1871 году было указано на возможность будущих столкновений интересов Австро-Венгрии и России на Балканах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бисмарк О., фон. Мысли и воспоминания. В 2 т. – Т. 2. М.: Минск, 2002. – С. 250.
2. Бисмарк О., фон. Мысли и воспоминания. В 2 т. – Т. 2. – С. 250.
3. Там же.
4. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1871. – Т. 5. – Кн. 9. – С. 451.
5. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1871. – Т. 5. – Кн. 9. – С. 451.
6. Т-ов М. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 649.
7. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1872. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 366.
8. Голос. 1871. № 14, 14 (26) января. – С. 1.
9. Голос. 1871. № 73, 14 (26) марта. – С. 1.
10. Голос. 1871. № 73, 14 (26) марта. – С. 1.
11. Голос. 1871. № 256, 16 (28) сентября. – С. 1.
12. Балувев Б.П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971. – С. 182.
13. № 36. 16 февраля 1871. // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1871 г. М., 1897. – С. 103. (далее Катков М.Н. Собрание ... за ... г.)
14. № 36. 16 февраля 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 103.
15. № 74. 08 апреля 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 229.
16. № 74. 08 апреля 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 229.
17. № 185. 24 августа 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 558.
18. № 184. 23 августа 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 554.
19. № 36. 16 февраля 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 103.
20. № 36. 16 февраля 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 103.
21. Там же. – С. 104.
22. № 199. 13 сентября 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 600.

23. № 229. 20 октября 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 688.
24. № 199. 13 сентября 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 601.
25. № 199. 13 сентября 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 601.
26. № 185. 24 августа 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 558.
27. № 185. 24 августа 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 558.
28. № 274. 14 декабря 1871. // Катков М.Н. Собрание ... за 1871 г. М., 1897. – С. 832.
29. № 131. 26 мая 1872. // Катков М.Н. Собрание ... за 1872 г. М., 1897. – С. 332.

И.Е. Воронкова

Орловский государственный институт
экономики и торговли

БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ОЦЕНКА КОНСТИТУЦИОННЫМИ ДЕМОКРАТАМИ. (К 100-ЛЕТИЮ СОБЫТИЯ)

Аннотация

Данная статья посвящена важному событию международной жизни начала XX века – Боснийскому кризису 1908-1909 гг. Привлекая материалы МИД царской России, документы Государственной думы и Партии конституционных демократов, мемуарную литературу, публикации дореволюционной прессы, исследования отечественных и зарубежных историков автор анализирует причины возникновения, содержание и итоги Боснийского кризиса применительно к внешней политике Российской империи и ее оценке идеологами конституционно-демократической партии.

Балканский сектор внешней политики Российской империи, традиционно приоритетный в экономическом и геополитическом отношении, в конце XIX - начале XX вв. уступил своё первенство дальневосточному направлению. Втягиваясь в борьбу за сферы влияния в Восточно-Азиатском регионе, царская дипломатия озаботилась обеспечением своих тылов, обменявшись с Австро-Венгрией весной 1897 г. дружественными нотами о поддержании на Балканах статуса-кво, что, впрочем, не остановило экономической и политической экспансии австро-германизма в Юго-Восточную Европу, которая значительно усилилась во второй половине 90-х гг. XIX в. Как замечала партийная газета «Речь»: «... Роль друга султана после избиения армян взял на себя германский император. Такой политикой Германия приобрела экономические выгоды. Вслед за Германией выступила и Австрия, которая предъявила претензии на свою долю барыша на Балканах»¹. Россия же, после поражения в русско-японской войне, возвращалась на Балканы «ослабленная и потерявшая значительную часть своего ...влияния на славянские народности»². Новый глава МИД России А.П. Извольский, вступивший в должность 28 апреля (11 мая) 1906 г., взял курс на проведение более активной политики на Балканах. Рассчитывая на «дружеское единение с Австро-Венгрией в делах Турецкого Востока»³, он уже летом 1907 г. имел конфиденциальную беседу с главой МИД Австро-Венгрии А. Эренталем, в ходе которой обсуждался вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины и компенсациях для России – предоставление свободы проливов для русских военных судов. Надежда А.П. Извольского решить проблему проливов дипломатическим путём значительно померкла после январского 1908 г. выступления А. Эренталя в Делегациях о проекте Санджакской железной дороги, осуществление которого означало стратегический прорыв Австро-Венгрии к Салоникам. Расценив выступление австрийского министра как отказ от политики совместных шагов, А.П. Извольский стал склоняться к силовому варианту действий. Однако его попытки убедить Совет министров в необходимости проведения активной наступательной политики на Балканах

провалились. Не поддержал его и Николай II: «Бережёного и Бог бережёт», что подвигло А.П. Извольского вернуться на проторенный путь – договориться с двуединой монархией. Вскоре появился повод – 1 мая 1908 г. А. Эренталь в памятной записке царскому правительству предложил обменяться мнениями по вопросам о балканских железных дорогах, соглашении 1897 г. и реформах в Македонии⁴. В официальной ноте от 2 июля 1908 г. А.П. Извольский сообщил о согласии российской стороны на встречу, подчеркнув приверженность идее сохранения статуса-кво на Балканах, присовокупив, однако, к этому: «Так долго, насколько позволят обстоятельства». Вопрос о проливах и босно-герцеговинский по-прежнему предлагалось рассматривать как общеевропейский.

Развитие событий значительно ускорили политические перемены в Турции – младотурецкий переворот, который в прогнозах кадетов должен была вызвать, и действительно вызвал, «серьёзные изменения в международных отношениях, связанных с балканским вопросом»⁵. Усиливший внутреннюю нестабильность государства, он подтолкнул Австро-Венгрию к быстрым и решительным действиям в вопросе об аннексии, пока новая власть не утвердилась настолько прочно, что могла бы обеспечить защиту своих интересов. Для России ослабление Турции с возможностью последующего её распада означало, как казалось А.П. Извольскому, реальный шанс получить проливы – объект «вековых русских стремлений и надежд»⁶.

Встреча А.П. Извольского с А. Эренталем была намечена на 2-3 (15-16) сентября 1908 г. в Бухлау. Оценивая её как «дело громадной важности и трудности», которому предстояло разрушить Берлинский трактат, А.П. Извольский предложил на рассмотрение государя «систему гарантий и компенсаций», которая предполагала в обмен на аннексию получить «изменение в нашу пользу и согласно нашей формуле, постановлений о проливах»⁷. Идея министра получила «совершенное» одобрение Николая II, посчитавшего, что «присоединение для нас даже выгодно», высказав только одно сомнение – в трудности подготовки русской печати к надлежащему отношению к этому вопросу⁸. Переговоры проходили в напряжённой обстановке, но, по словам главы русского МИД, он смог «привести» А. Эренталь к желаемому результату. Получив согласие на аннексию Боснии и Герцеговины, Австро-Венгрия признала за Россией право требовать пересмотра режима проливов Босфор и Дарданеллы с условием решения этого вопроса на международной конференции. Дело оставалось «за малым» - подготовить общественное мнение страны к передаче славянских территорий Австро-Венгрии, обеспечить поддержку курса МИД правительственными кругами России, получить согласие заинтересованных европейских держав на положительное для России решение вопроса о проливах.

Выполнение первой части триединой задачи поручили Н.В. Чарыкову и А.А. Гирсу. 12 сентября 1908 г., докладывая императору о ходе «кампании за печать», Н.В. Чарыков говорил: «...Этому предприятию положено, по-видимому, благоприятное начало, выразившееся в серьёзных, но и достаточно умеренных заметках, в сегодняшних номерах двух первых из названных газет («Новое время» и «Слово» - И.В.)»⁹. Кадетская «Речь», не акцентируя внимание на бухлаусской встрече, подошла к проблеме комплексно, связав текущие события с перспективой их развития: младотурецкий переворот – появление конституционной Турции как новой арены для дипломатического состязания – активизация Австрией вопроса об окончательном присоединении Боснии и

Герцеговины - реакция великих держав на изменение Берлинского трактата в пользу Австрии – позиция России в босно-герцеговинском вопросе. Будучи уверены в том, что Австрии не удастся договориться с Турцией по аннексии, ибо «новотурецкое правительство и новый строй потеряли бы всякий престиж в стране..., если бы добровольно был уступлен суверенитет над двумя провинциями»¹⁰, кадеты полагали, что исход дела будет зависеть от позиции европейских государств. В прогнозах либералов Германия «будет вполне «бескорыстно» поддерживать домогательства своей союзницы», Англия и Франция рассматривались как не имеющие основания содействовать аннексии, для России намечалось два варианта действий – либо «простое изъявление согласия на этот акт», либо «опираться ... на Берлинский трактат, который не установил суверенных прав Австрии на Боснию и Герцеговину»¹¹. Размышляющий тон печати вполне устраивал А.П. Извольского.

Качественно иная реакция на встречу в Бухлау и содержание переговоров была у правительства. Получив, в отличие от прессы, полную картину происходящего, П.А. Столыпин и В.Н. Коковцов выказали неудовольствие тем, что правительство «так поздно» узнало о деле «громадного национального и исторического значения». Суммируя сказанное на совещании, В.Н. Коковцов 20 сентября писал А.П. Извольскому в Париж: «...Нам следует ответить на Aide Memoire¹² мотивированным протестом против присоединения Боснии и Герцеговины, как нарушающего соглашение 1897 г., и отнюдь не обуславливая присоединение согласием Австрии на проектированные шесть пунктов¹³, следует объявить, что этим предположением нарушается Берлинский трактат. ...Мы должны дать ясное доказательство Турции и Державам, что мы не участвуем в нарушении современного положения, и, если присоединение состоится, то против нашего согласия и за собственный риск Австрии. Мы должны быть чисты от подозрений и упреков»¹⁴. А.П. Извольскому рекомендовали прервать тур по Европе, но он решил продолжить поездку в надежде решить вопрос о проливах. Подобное поведение объяснялось результатами встреч с министрами иностранных дел Германии фон Шёном и Италии Т. Титтони. Первый, высказывая своё личное мнение, подчеркнул, что Германия, возможно, пожелает некоторых услуг за согласие на открытие проливов – например, соглашения о Багдадской железной дороге¹⁵, второй говорил об удовлетворении российских притязаний в обмен на благожелательную позицию России в вопросе об эвентуальном захвате Италией Триполи. В Париже планам А.П. Извольского был нанесён первый удар. Здесь он узнал о том, что А. Эренталь приступил к реализации плана аннексии, объявление которой было назначено на 7 октября 1908 г., однако, в силу ряда причин, сведения об этом просочились во французскую печать уже 3-4 октября¹⁶. Далее события развивались стремительно: 5 октября Болгария объявила независимость и, торопясь, А. Эренталь заявил об аннексии турецких провинций 6 октября.

Главный вопрос, который волновал российскую либеральную прессу – «знал ли о готовящихся событиях русский министр Извольский? И если знал, то что он предпринял, чтобы предупредить тот тяжёлый удар, который наносится интересам славянства с аннексией Боснии и Герцеговины?... Давали ли мы какие-либо санкции насильственному шагу Австро-Венгрии?»¹⁷. Оказалось, что не только знал, но и обнадежил Австрию, что Россия не сделает из этого факта *casus belli*¹⁸. Правда, русский министр предостерегал – «...это есть

вопрос международный и что раз он поднимается, то «все заинтересованные державы потребуют пересмотра тех статей трактата, которые их стесняют»¹⁹. На взгляд кадетов, Сербия, утратив с аннексией надежду создать югославянское государство с Боснией и Герцеговиной как составными частями, будет искать компенсаций через Новобазарский санджак, Греция потребует Крит, а в комментариях А.П. Извольского по факту события явно читается намёк о компенсациях для России касательно Чёрного моря. Но если русская сторона пыталась получить желаемое дипломатическим путём, ратуя за постановку вопроса на международной конференции, то балканские государства уже перешли от периода национальных демонстраций к деятельным вооружениям: «Турция и Сербия мобилизуются; кажется, и Австрия ответит на это тем же», - писала передовица «Речи» 28 сентября (11 октября) 1908 г. Чрезвычайно важной для европейской дипломатии в данной ситуации, считали кадеты, являлась локализация того пожара, которым грозил разбуженный «полупотухший балканский вулкан».

Кадетская печать, обличавшая А.П. Извольского в сделке, не предполагала, насколько сам министр ошеломлён действиями А. Эрентала. Встреча в Бухлау, на его взгляд, носила предварительный характер – сроки аннексии не были оговорены, договорённости не были зафиксированы на бумаге. При этом австрийский министр утверждал, что действовал с согласия российской стороны. Негодованию А.П. Извольского не было предела, но факт оставался фактом: А. Эренталь получил желаемое, ему же только предстояли беседы в Париже и Лондоне. Франция встретила русского министра благожелательно, но в вопросе о проливах предпочитала действовать в тандеме с Англией. Последняя не возражала против их открытия, но на равных для всех условиях, что не устраивало Россию. А.П. Извольский понял, что в данном вопросе он потерпел фиаско. Оставалось одно – организовать созыв международной конференции для обсуждения незаконных действий Австро-Венгрии. Данный шаг был небезоснователен - с юридической точки зрения акты 5 октября и австрийское циркулярное сообщение великим державам об аннексии Боснии и Герцеговины носили, в нарушение Берлинского трактата, односторонний характер.

Парижский кабинет отнёсся к идее конференции безучастно, хотя министр иностранных дел Пишон высказал «полное желание идти в этих делах заодно с нами», пообещав «способствовать установлению соглашения и с Лондонским кабинетом»²⁰. Лондон в принципе не отказал России в разрешении вопроса о проливах, но включить его в программу конференции колебался по двум причинам: «Отчасти, боясь, что английское общественное мнение недостаточно ещё к этому подготовлено; главным же образом из опасения возбудить тревогу и противодействие со стороны Турции»²¹. Негативную позицию по отношению к конференции занимала Австрия: она была против её созыва до предоставления гарантий, что вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины и территориальных приращениях Сербии не будет подниматься. При этом все попытки, как замечал генеральный консул России в Вене Л.В. Иславин, «поставить австрийскую политику в известные рамки и дать ей направление, не вредящее нашим интересам»²² разрушались самоуверенно-легкомысленным А. Эренталем. Германия, отрекаясь от всякого соучастия в деле присоединения турецких провинций, в официальных сообщениях поспешила подтвердить «устойчивость своих отношений к Союзнице»²³, тем самым косвенно вы-

ступив против конференции. Даже пострадавшая сторона – Турция, несмотря на выражение «прискорбия по поводу того, что Великая Держава решилась без всякой законной причины нарушить постановления Берлинского трактата и поступить так бесцеремонно с Турцией», нанеся «тяжёлый удар Оттоманской империи, подрывая доверие к новому правительству среди населения»²⁴ сопротивлялась встрече европейских держав, справедливо полагая, что там ей могут предложить только новые жертвы.

Надежды на конференцию таяли с каждым днем. Впрочем, кадеты считали, что это к лучшему. Получить унижительный прямой отказ в её созыве или подписаться «там под такими вещами, под которыми не должна бы и не хочет подписываться»²⁵ Россия, означало «напрасное и излишнее национальное унижение»²⁶. Отвечая оппонентам в Государственной думе 12 декабря 1908 г., А.П. Извольский указывал, что конференция необходима как свидетельство верховенства права над фактом, и её созыв оправдан логикой событий. Аннексией Боснии и Герцеговины, пояснял глава МИД, Австро-Венгрия решила изменить в свою пользу постановление Берлинского трактата. Связанная предыдущими обязательствами, Россия не имела юридического основания для единого протеста, но при этом обладала правом и обязанностью указать на международный акт, которым определяется положение Боснии и Герцеговины, т.е. на Берлинский трактат. «...Раз одна из держав решилась поднять вопрос об изменении невыгодной для неё статьи Берлинского трактата, и раз мы этой решимости помешать не можем, наша нравственная обязанность – указать на другие статьи, не выгодные и тягостные для России и, в особенности, для славянских государств Балканского полуострова и для самой Турции»²⁷. Постановка вопроса подобным образом привела к мысли о конференции, которая встретила сочувствие со стороны большинства держав. Трудности начались при согласовании её программы и компетенции. Венский кабинет категорически отказывался обсуждать факт аннексии непосредственно на конференции, настаивая на решении этого вопроса путём переговоров между кабинетами. Россия согласилась, и теперь, предрекал А.П. Извольский, ей предстоял «не менее трудный» период общих переговоров между всеми державами о самом существе выдвинутых последними событиями вопросов. Министр в своем выступлении в общих чертах определил круг этих вопросов: обсуждение факта аннексии Боснии и Герцеговины, компенсации Сербии и Черногории.

Выступление министра получило поддержку кадетской фракции, что было весьма удивительно после критических замечаний в адрес МИД сентября-октября текущего года. Причина подобных перемен связана, возможно, с «обработкой» лидера партии П.Н. Милюкова в нужном направлении при личных встречах с Н.В. Чарыковым и А.П. Извольским. Говоря о том, что «России придётся считаться с нежеланием держав поддерживать протест против аннексии»²⁸ и, более того, она может быть поставлена другими государствами в невозможность стоять на точке зрения полной непримиримости, П.Н. Милюков признал, что конференция является единственной возможностью если не признания, то отсрочки признания аннексии. Она же предоставляет реальные шансы мирными средствами сделать всё то, что может быть сделано в интересах славянства. Развивая мысль, лидер партии кадетов, хорошо знакомый с балканскими делами, обращал внимание на тот факт, что значительная часть населения аннексированной Боснии и Герцеговины желает получить

полную политическую автономию. Потому целесообразно сделать предметом забот русской дипломатии обеспечение международных гарантий «для этой формы дальнейшего политического существования Боснии»²⁹. Не менее важный аспект проблемы – сербский вопрос. Имевшая привычку «политической нервности», Сербия, утратившая надежду стать Балканским Пьемонтом, была склонна к рискованным действиям, предотвратить которые внушениями благоразумия представлялось малоэффективной мерой. С точки зрения П.Н. Милюкова, идея А.П. Извольского сплотить между собой Болгарию, Сербию и Черногорию и объединить их вместе с Турцией общей мыслью о защите их национальной и экономической самостоятельности, была более продуктивной. Осуществление балканского союза, подчеркивал лидер кадетов, способствовало бы появлению нового крупного фактора международной политики, который Россия могла использовать в борьбе с ростом австро-германского влияния.

Принципиально качественные изменения в ход боснийского кризиса внёс 1909 год. 26 февраля Турция приняла австрийское предложение – 2 500 тыс. ф. ст. в качестве выкупа за отказ от своего номинального суверенитета над Боснией и Герцеговиной. Сербия после данного соглашения в полной мере осознала бесплодность надежд на конференцию, что способствовало учащению антиавстрийских выступлений. Австрия, настроенная не менее решительно, провела массовые аресты агитаторов и, демонстрируя силу, направила свои войска к сербской границе. Уровень напряжённости австро-сербских отношений не мог не волновать Европу, опасавшуюся разрастания локального боснийского вопроса до военного противостояния противоборствующих блоков: Тройственного союза и Тройственного согласия, поскольку за Австро-Венгрией стояла Германия, а за Сербией – Россия.

А.П. Извольский, понимая неготовность России к ведению военных действий, направил сербскому правительству ноту, в которой рекомендовал отказаться от требования компенсаций, чем вызвал резкое осуждение кадетской прессы: противоречие, внезапность и поспешность русской ноты «обрисовали такое состояние паники, какое никогда, ни в коем случае не должны демонстрировать представители великой державы»³⁰. Вместе с тем, говорить о безоговорочном осуждении действий МИДа партией кадетов не приходилось. В мартовском 1909 года заседании Центрального комитета просматривалось двойственное отношение партийцев к проблеме. Ф.И. Родичев, О.Я. Пергамент, В.М. Гессен, А.И. Шингарёв, А.С. Изгоев, П.Н. Милюков, признавая, что «нам ни в коем случае не следует бить в барабаны и демонстрировать свою силу», что «всякая война будет для нас разгромом», что «воевать мы бессильны», пытались найти ту «золотую середину», при которой аргументация неподготовленностью к войне позволила бы сохранить национальную гордость страны. «Бывают моменты, - говорил в своем выступлении П.Н. Милюков, - когда даже маленькие государства решаются на войну с крупными, - поэтому и нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, чтобы ни произошло, воевать не должна и не будет»³¹. Учитывая, что в данном случае антиавстрийская борьба сербов шла в русле российских интересов, оказание моральной поддержки признавалось необходимым, но, вместе с тем, подчёркивалось, что поддержка Россией требований Белграда силой оружия грозила обернуться втягиванием в военное противостояние с Австро-Венгрией и стоявшей за ее спиной Германией.

К середине марта 1909 г. обстановка на австро-сербской границе накали-

лась до предела. Усилия великих держав примирить стороны закончились неудачей: Австрия категорически отказывалась обсуждать вопрос об аннексии, Сербия продолжала требовать конференции. В ход пошла тайная дипломатия, напоминая скорее политический шантаж. Австрийский министр пригрозил, что предаст гласности секретные документы, доказывающие, что А.П. Извольский не только давал согласие на аннексию, но и подталкивал австрийского коллегу сделать этот роковой шаг. Пытаясь выручить русского министра из неприятного в личном и политическом плане положения, русский посол гр. Остен-Сакен 14 марта 1909 г. обратился за посредничеством к канцлеру Германии Б. Бюлову. Как пишет в своих воспоминаниях последний, «я сказал русскому послу, что я охотно соглашусь на дружественное посредничество не только, чтобы выручить Извольского из тупика, в который он зашёл, но и чтобы сохранить мир для всего мира...»³².

План Б. Бюлова по спасению мира в Европе был прост – Австрия просит у великих держав, подписавших Берлинский трактат, формальную санкцию на отмену 25 статьи. Россия, в свою очередь, соглашается принять это изменение. В конечном итоге, Сербия лишается законных оснований опротестовать аннексию, и конференция как таковая теряет свой смысл. А.П. Извольский принял протянутую Германией руку помощи, но в Австрии всё ещё был силен соблазн – раз и навсегда покончить с сербскими притязаниями военным путём. Ускоряя события, германская сторона 9 (23) марта потребовала от России прямого признания или непризнания факта аннексии. Понимая безвыходность ситуации, А.П. Извольский, после доклада Николаю II, дал положительный ответ. «Это, - с горечью писал идеолог партии кадетов П.Б. Струве, - национальный позор. ... Россия совершила этот шаг не как свободная договаривающаяся сторона, а как держава, которая настолько утратила своё великодержавное положение, что её достаточно напугать, для того, чтобы достигнуть от неё желаемого»³³. Последний акт «дипломатической трагикомедии», словами кадетской прессы, подходил к концу. 17 (31) марта 1909 г. Сербия, прислушавшись к советам России избегать войны, сделала в Вене заявление, в котором отказалась от позиции протеста и противодействия по отношению к аннексии. Боснийский кризис был ликвидирован, но, как покажет история, оставил после себя больше вопросов, чем решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь. 27.10 (9.11) 1908 г.
2. Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1991. – С. 301.
3. АВПРИ, Ф. 151, Оп. 482, Д. 76, Л. 25 об.
4. Ефремов П.Н. Внешняя политика России. 1907-1914. М., 1961. – С. 81.
5. Речь. 14 (27) 09. 1908 г.
6. Бюлов. Б. Воспоминания. М., 1936. – С. 337.
7. АВПРИ, Ф. 133, Оп. 470, Д. 204, Л. 11 об.
8. Там же, Л. 4 об.
9. Там же, Л. 66 об.
10. Речь. 14 (27) 09. 1908 г.
11. Там же.
12. С лат. – Вспомогательный (краткий) меморандум, который посол вручает министру иностранных дел по окончании беседы.
13. Имеются в виду гарантии и компенсации России и балканским государствам – «одновременное заявление об эвакуации Новобазарского санджака и об окончательном отказе от всяких прав на эту область,

- признание теперь же, т.е. когда мы сочтем нужным возбудить этот вопрос, изменения в нашу пользу и согласно нашей формуле, постановлений о проливах, независимость и королевский титул для Болгарии, отмена главнейших ограничений, вытекающих для Черногории из ст.29 и нашу формулу касательно продолжения Далматинской железной дороги, некоторые уступки Сербии и Болгарии в вопросе о плавании по Дунаю». (АВПРИ, Ф. 133, Оп. 470, Д. 204, Л. 11 об.)
14. АВПРИ, Ф. 133, Оп. 470, Д. 204, Л. 89 об - 90.
 15. Там же, Л. 8 об.
 16. Фей С. Происхождение мировой войны. Т.1. М-Л, 1934. – С. 265-266.
 17. Речь. 23. 09 (6.10) 1908 г.
 18. С лат. - Основание для войны
 19. Речь. 26. 09. (9.10) 1908 г.
 20. АВПРИ, Ф. 151, Оп. 482, Д. 3146, Л. 11.
 21. АВПРИ, Ф. 151, Оп. 482, Д. 3147, Л. 8.
 22. ГАРФ, Ф. 813, Оп. 1, Д. 261, Л. 8 об – 9.
 23. АВПРИ, Ф. 151, Оп. 482, Д. 3147, Л. 63.
 24. Там же, ЛЛ. 15, 65 об.
 25. Русское слово. 9 (23) 10. 1908 г.
 26. Речь. 15 (28) 10. 1908 г.
 27. Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1908. Стб. 2625.
 28. Речь. 5 (18) 12. 1908 г.
 29. Государственная дума. Созыв III. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1908. Стб. 2694.
 30. Речь. 19. 02 (4 .03) 1909 г.
 31. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии (1905-сер. 30-х гг.). В 6-ти томах. М., 1994. – Т. 1. – С. 133.
 32. Бюлов. Б. Указ. соч. – С. 355.
 33. Струве П.Б. Унижение России.// Струве П.Б. Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. – С. 115.

В.Ю. Андreyк

Международная академия бизнеса и управления,
Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-НАЧАЛЕ 70-Х ГГ. XX ВЕКА

Аннотация

В статье показана трансформация внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке, исследованы факторы, непосредственно влияющие на нее. Речь идет о разрядке в отношениях Восток – Запад и энергозависимости западноевропейских стран от арабской нефти.

Финансовый кризис в США, послуживший причиной нового витка мировых цен на энергоносители, сделал актуальными вопросы, связанные с взаимоотношениями европейских держав и США в условиях угрозы его возможного распространения. Речь идет о нестабильности валютных курсов, трудностях, связанных с дефицитностью платежных балансов, проблемах гармонизации атлантической европейской политики. Причем центром противоречий, как правило, являются страны и регионы, поставляющие энергоресурсы на мировой рынок, так как именно они оказываются источником разрешения многих экономических проблем.

Структурные изменения, которые произошли в экономике ФРГ во второй половине 60-х гг., во многом определили ее политику в ближневосточном регионе. По мере того как нефть становилась основным энергоносителем ФРГ и меняла весь спектр экономических связей с арабским миром, политическое соотношение сил здесь делалось более прагматичным и уравновешенным, что, естественно, находило свое отражение в политическом курсе Западной Германии.

Уже во время переговоров с Израилем стали отчетливо заметны усилия Бонна по сближению с арабскими странами: Л.Эрхард гарантировал арабам, что ФРГ не только не будет предоставлять Израилю военной помощи, но всякую экономическую помощь сделает проектносвязанной¹.

После завершения экономических переговоров двойственный характер ближневосточной политики ФРГ проявился в большей степени. Указывая на тенденцию нормализации своих отношений с Израилем, Бонн подчеркивал заинтересованность Западной Германии в возобновлении отношений с арабскими странами, особенно с государствами умеренного толка, такими, как Иордания и Судан².

Четкую линию раздела с политическими догмами прошлого провели К.Г. Кизингер и В. Брандт в качестве канцлера и министра иностранных дел (1966 г.). В ближневосточном регионе ими была официально введена так называемая уравновешенная политика. Залогом ее дальнейшего долговременного использования было неукоснительное соблюдение строгого баланса интересов Израиля и арабских стран³.

Появление уравновешенной политики было обусловлено новыми подхо-

дами в решении проблемы раскола Европы и Германии, с одной стороны, провалом доктрины Хальштейна как идеологии, с другой стороны, и, как уже говорилось, потребностями модели «социального рыночного хозяйства» второй половины 60-х гг. XX века, с третьей стороны.

Арабские страны пытались скорректировать «уравновешенную политику», используя козырную карту разорванных дипломатических отношений с ФРГ. Они предъявляли свои условия их возобновления. На встрече В.Брандта и генерального секретаря Арабской Лиги С. Хусейна, состоявшейся 18.04.1967 г., эти условия были изложены:

– ФРГ в своих действиях ни в коем случае не должна была усиливать позиции Израиля;

– поддержка, оказываемая ФРГ палестинским беженцам и Израилю, должна быть обязательно равной;

– Бонн обязан был признать право палестинцев на их родину⁴.

Несмотря на факт предъявления В.Брандту общего требования арабских стран – «позитивно и ясно изложить позицию Бонна в отношении палестино-израильской проблемы» – отнюдь не все они в действительности придерживались данной точки зрения. В частности, ко всеобщему изумлению, дипломатические отношения с Бонном возобновила Иордания (28.02.1967 г.). Вскоре ее примеру последовала Ливия. Тогда как Сирия и Египет, наоборот, упрекали Бонн в смешивании внутриарабских событий⁵.

Этот очевидный раскол в арабском мире позволил В.Брандту маневрировать между Израилем и арабскими странами, в какой-то степени он давал ФРГ возможность в дальнейшем продолжать уравновешенную политику. В 1967 г. в изложении В.Брандта она стала трактоваться следующим образом: ФРГ не должна больше поставлять оружие Израилю, не должна вмешиваться во внутриарабские дела. Вместе с тем, ей следует рассматривать палестинский вопрос только как проблему беженцев, без политического подтекста. Кроме того, В.Брандт считал необходимым поддержать просьбу Израиля об ассоциировании в ЕЭС, что арабы рассматривали как явное усиление израильской позиции⁶.

Строгое соблюдение принципа сбалансированности интересов Израиля и арабских стран наиболее ярко проступило во время шестидневной ближневосточной войны 1967 г. В качестве официальной позиции Бонна была выдвинута политика невмешательства⁷. Вопреки конфликту, ее смысл заключался в том, что федеральное правительство пыталось сохранить дружественные отношения со странами региона: в экономическом отношении их значение для ФРГ было очень большим. Внутри правительственных партий по данному поводу существовал очевидный консенсус. Политику невмешательства разделяли председатели фракций ХДС/ХСС и СДПГ – Р.Барцель и Г.Шмидт, хотя и не скрывали своих симпатий к Израилю⁸. Некоторые представители ХДС и СвДП настаивали на «категорическом нейтралитете», мотивируя это тем, что конфликт может расширяться и достичь европейского пространства⁹.

Разница в формулировках в данном случае отражала едва заметное сочувствие положению Израиля в шестидневной войне. Речь шла о том, что понятие «невмешательство» было политически более лояльным, нежели формула «категорического нейтралитета». Несмотря на запрет помощи воюющим сторонам, политика невмешательства была в большей степени близка интере-

сам Израиля.

Вместе с тем, официальные лица ФРГ старались не допускать никаких сомнений в беспристрастности своей позиции. В частности, когда в ходе военных действий израильтяне обратились к ФРГ с просьбой одолжить им 20 тыс. противогазов для нужд гражданской обороны, кабинет министров ФРГ решил выделить их из фонда гражданской обороны, минуя при этом бундесвер¹⁰. Этим решением он исключил любые претензии со стороны арабских стран, одновременно доказав свою неизменную лояльность в отношении Израиля.

Таким образом, «уравновешенная политика» изначально была политикой строгого соблюдения интересов противостоящих сторон. В дни ближневосточного конфликта 1967 г. Израиль тем не менее являлся объектом едва заметных симпатий ФРГ, что нашло отражение в деятельности ряда общественных организаций в Бонне, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Кёльне¹¹.

В дальнейшем, в начале 70-х гг., ФРГ продолжала балансировать в двухполюсном пространстве ближневосточного конфликта. Попытки сближения с арабскими странами наталкивались на существующие «особые отношения» между ФРГ и Израилем. Кроме того, в обмен на возобновление дипломатических отношений с ФРГ, арабские государства требовали модификации её позиции в ближневосточном конфликте. И, наконец, главным аргументом, тормозившим нормализацию отношений ФРГ с арабским миром, было отсутствие концепции сотрудничества со странами просоветской ориентации, такими, как Алжир, Судан, Сирия, Иран, Египет¹².

В рамках новой «восточной политики» доктрина Хальштейна была заменена на доктрину Шееля, которая не требовала впредь от третьих государств дипломатической сдержанности в отношении ГДР, ограничивая её сроком двух лет, т.е. до заключения основного договора между двумя германскими государствами и урегулирования отношений ФРГ с восточноевропейскими странами¹³.

Таким образом, третьи страны получали возможность установления в скором будущем дипломатических отношений с обоими немецкими государствами.

В то же время до заключения основного германского договора ФРГ получила стратегическую паузу, в течение которой она могла маневрировать в отношениях с третьими странами, в том числе между партиями ближневосточного конфликта¹⁴. Цель такого маневра – проведение собственных интересов в регионе, в том числе в рамках Европейского политического сотрудничества (ЕПС).

Последнее уточнение является более чем актуальным, так как ФРГ стремилась к лидирующей роли в этой организации. Кроме того, она не могла игнорировать требования арабских стран и, как следствие, вынуждена была несколько скорректировать свою политику в отношении Израиля.

Какими соображениями руководствовалась ФРГ, осуществляя сбалансированную политику в ближневосточном регионе в начале 70-х гг.?

Во-первых, в начале 70-х гг. ФРГ осознала свою уязвимость в случае применения «нефтяного оружия». Шестидневная война 1967 г. показала ей, что уход с ближневосточного нефтяного рынка мог оказаться очень сомнительной акцией: например, с 1970 г. США сами превратились в покупателей нефти на нефтяном рынке, так как их собственные ресурсы не являлись достаточными для обеспечения своих потребностей, что, собственно говоря, не случайно.

В условиях индустриального бума развитым западным государствам в начале 70-х гг. требовалось всё большее количество энергии. Учитывая, что энергообеспечение базировалось главным образом на нефтегазе, и поступал он по большей части из ближневосточного региона; что иностранные нефтяные компании, теряя контроль над месторождениями, вынуждены были передавать их тогдашнему государственному руководству, – становится ясным безусловное стремление ФРГ к возобновлению дипломатических отношений с арабскими странами. В этой ситуации Бонн под давлением арабских стран вынужден был маневрировать в своих отношениях с Израилем¹⁵.

Во-вторых, ФРГ была поборницей дальнейшей европейской интеграции и ни в коем случае не хотела «ставить на карту» единство Европы ради своих специфических отношений с Израилем¹⁶.

Кроме того, как уже говорилось, ФРГ стремилась к лидерству в Европе. Она также пыталась создать условия наибольшего благоприятствования для западногерманской экономики в арабском мире. Поэтому она присоединилась к общему тексту Европейского сообщества, изложенному 19.05.1971 г. на конференции министров иностранных дел в рамках ЕПС, чем сильно уязвила Израиль¹⁷.

При этом ФРГ не поддержала Францию в её стремлении создать альтернативную суперсилам позицию на Ближнем Востоке. Этим шагом она в очередной раз прикрыла интересы США в регионе.

Воплощением собственных интересов ФРГ были результаты поездки В.Шееля в Израиль (10.07.1971): Бонн не присоединился к политике европейских государств, которые требовали полного отвода израильских войск из занятых областей¹⁸.

Таким образом, ФРГ не поддержала Европу в главном пункте обвинений в отношении Израиля. Кроме того, В.Шеель настаивал на английской трактовке резолюции №242 ООН, в то время как ЕПС склонялась к французскому варианту. Отступив от него, В.Шеель говорил, что «...только свободный союз интересов всех конфликтующих партий на Ближнем Востоке может быть основанием для мирного разрешения, формулой для урегулирования ближневосточного конфликта»¹⁹.

Дипломатические маневры ФРГ принесли путаницу и смятение в арабский лагерь. Путешествие В.Шееля в Израиль навело арабские страны на мысль о том, что ФРГ вернулась к своему прежнему курсу. Вероятно, такая реакция входила в расчёты западногерманских политиков: при том объёме экономического сотрудничества, который имел место в начале 70-х гг., ФРГ вполне объективно надеялась на скорейшее возобновление дипломатических отношений с арабскими государствами. При этом для ФРГ важно было создать новую базу построения своих будущих отношений с арабскими странами. Не случайно впервые МИД ФРГ пытался возобновить их исключительно на двустороннем уровне, выбивая тем самым «германополитический камень» доктрины Хальштейна. Он сознательно обошёл Арабскую Лигу, во многом из-за продолжающейся оппозиции со стороны Сирии, Ирака и Южного Йемена. Тем самым ФРГ пыталась разбить арабский лагерь, начав дипломатические отношения с государствами, которые официально поддерживали отношения с ГДР.

Экономический фундамент политического маневрирования ФРГ со странами арабского мира к тому времени уже был создан. К примеру, на одну Ли-

вию приходилась почти половина покупаемой ФРГ нефти²⁰. В этих условиях запрет на помощь арабским странам по линии развития подействовал на Арабскую Лигу отрезвляюще. В середине марта 1972 г. она, наконец, отступила. И постепенно, в 1972-1974 гг., ФРГ возобновила свои дипломатические отношения с Ливаном (30.02.1972 г.), Оманом (16.05.1972 г.), ОАЭ (17.05.1972 г.), Египтом (8.06.1972 г.), Кувейтом (22.12.1972г.), Катаром (15.11.1973 г.), Саудовской Аравией (в середине сентября 1972 г.), Сирией, Ираком и Южным Йеменом (в ходе 1974 г.)²¹.

Арабские страны понимали новое партнёрство с ФРГ прежде всего с экономической точки зрения. Бонн при этом преследовал далеко идущие цели: он хотел расширить сферу своего влияния в арабских странах просоветской ориентации, оттеснить ГДР и создать там базис для хороших политических отношений в будущем.

Тем не менее, в феврале 1973 г., после ратификации восточных договоров и подписания основного германского договора, бундесканцлер В.Брандт посетил с официальным визитом Израиль. Этой поездке предшествовало зарубежное турне министра иностранных дел В.Шееля в Египет, Иорданию и Ливан. Таким образом, даже внешне немецкими политиками был соблюден принцип уравновешенности²².

В преддверии вступления ФРГ в ООН федеральное правительство хорошо осознавало, насколько важным было ясно расставить новые акценты уравновешенной политики на Ближнем Востоке. По замыслам В. Брандта, она должна была не только удовлетворять запросы ООН, но и соответствовать общей позиции Европейского сообщества в ближневосточном конфликте; в противном случае ФРГ не смогла бы претендовать на лидирующие позиции в этом регионе²³.

Продолжал оставаться актуальным для ФРГ и нефтяной аспект ближневосточной проблемы. Поэтому Бонн был заинтересован в нормальных отношениях со всеми странами Ближнего Востока, что, собственно, и отражали высказывания В.Шееля и В.Брандта в тот период. Практически они составили исходную платформу соответствия восточной и ближневосточной политики ФРГ. В качестве её основных положений выступали следующие тезисы:

- ФРГ не принимала на себя посреднической роли в ближневосточном конфликте;
- Бонн поддерживал сближение Евросообщества с арабскими государствами, причем не в последнюю очередь из-за необходимых поставок нефти в Европу;
- ФРГ хотела содействовать международной конференции по ближневосточному конфликту ради его скорейшего разрешения;
- ФРГ выступала за нормальные отношения с Израилем, подчёркивая при этом их особый характер²⁴.

Комментируя вышесказанное, следует отметить, что ФРГ в начале 70-х гг. не имела политической силы для осуществления посреднической роли на Ближнем Востоке. Интеграционные процессы в Западной Европе и, главное, зависимость западноевропейских стран от арабской нефти, не позволяли ей обособиться от общей позиции. Разрядка международной напряжённости и связанное с ней потепление мирового политического климата позволили ФРГ отказаться от доктрины Хальштейна и сделать отношения с ближневосточны-

ми арабскими странами более прагматичными.

Уравновешенная политика ФРГ на Ближнем Востоке в начале 70-х гг. в рамках противостояния Восток-Запад представляла собой улучшенные отношения с СССР и арабскими странами – с одной стороны, и союзнические отношения с США и Израилем – с другой.

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод о постепенной трансформации внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке.

В условиях шестидневной войны позиция ФРГ вылилась в политику невмешательства в конфликт. В дальнейшем, когда экономический фундамент политического маневрирования со странами арабского мира был уже создан, она стала модифицироваться. Бонн поддержал сближение Евросообщества с арабскими странами, содействуя международной конференции по ближневосточному конфликту. В то же время ФРГ выступала за нормальные отношения с Израилем, подчеркивая их особый характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.60.
2. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.62.
3. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987. S.350-354.
4. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.65
5. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.64-65.
6. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.65.
7. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987.S.350-354)
8. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987.S.353-354.
9. Neustadt A. Die deutsch – israelische Beziehungen im Schatten der EG. – Nahostpolitik. – Frankfurt/Main. – 1983. S.77.
10. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.69-70.
11. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987. S.362-371.
12. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.101-102.
13. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988.S.102-103.
14. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988.S.102.
15. Deutsche – arabische Beziehungen / Hrsg. Kaiser K. u Steinbach U. – Schriften des Forschungsinstituts der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e. V. Bonn – R. Oldenbourg Verlag München Wien. – 1981. S.306.
16. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.106.
17. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988. S.106.
18. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987.S.420.
19. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987.S.424.
20. Deutsche – arabische Beziehungen / Hrsg. Kaiser K. u Steinbach U. – Schriften des Forschungsinstituts der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e. V. Bonn – R. Oldenbourg Verlag München Wien. – 1981. S.314.
21. Deutsche – arabische Beziehungen / Hrsg. Kaiser K. u Steinbach U. – Schriften des Forschungsinstituts der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e. V. Bonn – R. Oldenbourg Verlag München Wien. – 1981. S.133.
22. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987. S.432, 455-456.
23. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987. S.456

24. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987. S..455-456, 479.

Литература

1. Braune – Steininger F. Die Nahost Politik der BDR von 1965 bis 1982. – Diss. – Gissen. – 1988.
2. Der deutsch – israelische Dialog: Dokumentation erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik / Hrsg. von R. Vogel. – Bd. 1/ - München etc.: Saup. – 1987.
3. Neustadt A. Die deutsch – israelische Beziehungen im Schatten der EG. – Nahostpolitik. – Frankfurt/Main. – 1983.
4. Deutsche – arabische Beziehungen / Hrsg. Kaiser K. u Steinbach U. – Schriften des Forschungsinstituts der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e. V. Bonn – R. Oldenbourg Verlag München Wien. – 1981. Europa – Archiv. (Dokumente) –. Bonn. – 1974. Jg. 29.

В.Ю. Андreyuk

*Международная академия бизнеса и управления,
Москва*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (1960 – 1990 ГГ.)

Проблемы политической преемственности власти и концептуальных приоритетов внешней политики стали особенно актуальными в настоящий момент времени для России. В связи с этим представляется интересным рассмотреть их в аспекте деятельности германских канцлеров в период, предшествующий объединению страны.

Основные вехи ближневосточной политики, как и всё в сорокалетней послевоенной истории ФРГ, определялись ситуацией, сложившейся в той или иной момент в состоянии двухполюсного равновесия. Поэтому, характеризуя важнейшие этапы западногерманской истории, можно проследить, как менялась ближневосточная стратегия ФРГ под его воздействием.

Учитывая, что западногерманская история многими немцами рассматривается с точки зрения внешней политики, можно столкнуться с определённой традицией, ставшей основой деятельности всех канцлеров. «Они создавали это образцовое либерально-демократическое государство с внешней политикой, которая включала в себя интеграцию в атлантическое сообщество государств, глобальное видение мира, свободу и материальное благосостояние» (1, S.10). Такова была стратегия. Что же касается практики, то, по мнению немецких аналитиков, внешняя политика ФРГ до развала СССР была одновременно сценой и сценарием: «Сценой была биполярность – немецкая роль ответа на изменяющиеся указания режиссёра» (2, S.43).

Сценарий мог быть разным, но благодаря принципу политической преемственности, «...согласно которому смена власти не должна приводить к радикальному изменению политического курса», в целом процесс гармонизации всегда шёл полным ходом. Вначале – при социал-демократах, которые шли по стопам К. Аденауэра, потом – при В. Брандте с его политикой разрядки, охотно поддержанной К. Кизингером, затем – при Г. Коле, который в решающий момент сумел договориться с Москвой, и наконец, – при Г. Шрёдере и Й. Фишере, продемонстрировавших верность союзническому долгу во время войны в Косово (3, с. 235).

Все перечисленные канцлеры были политиками с большой буквы, их внешняя политика была вполне успешной. Все они стремились к одной цели – объединению. Никто из них не может записать успех исключительно на свой счёт. Каждый в определённые моменты времени совершал ошибки и запутывался во внутренних противоречиях собственной позиции. Выход из тупика оказывался возможным лишь благодаря политическим силам, находившимся в соответствующий момент времени в оппозиции. Именно в антагонизме точек зрения правительства и оппозиции кроется секрет успеха внешней политики ФРГ. По ту сторону всех разногласий и противоречий всегда существовало национальное согласие, от которого не отказалась бы ни одна партия. Любая попытка сделать шаг в противоположном направлении натолкнулась бы на про-

тиводействие основного Закона. Конституция служила своего рода регулятором свободы действий во внешней политике (3, с.268-269).

Как известно, Конституция ФРГ одновременно являлась актом образования будущей единой Германии. Это уточнение определяло временный характер Боннского государства и содержало притязания на восстановление целостности страны (3, с. 171). Таким образом, Конституция ФРГ обязывала канцлеров стремиться к единству, и каждый из них, как уже говорилось, внёс свою лепту в дело объединения. Однако только трёх из них можно назвать его действительными создателями: «...К. Аденауэр был инициатором объединения, В. Брандт – строителем мостов, а Г. Коль – окончательным исполнителем» (3, с. 182).

В истории ФРГ, предшествующей объединению, с именами названных канцлеров были связаны основные фазы внешней политики.

В эру К. Аденауэра имело место «... тесное примыкание к союзному руководству США. ФРГ исполняла роль младшего партнёра, который слишком слаб, чтобы действовать самостоятельно. Он должен отдавать своё влияние одной суперсиле, чтобы можно было действовать против другой – СССР». Эта политика приносила большую пользу: свой конфликт с СССР – вопрос деления страны, столицы, границ – ФРГ сумела вынести «... на ногах американского гулливера» (2, S.43). Конституционно закреплённый тезис по поводу единства страны К. Аденауэр превратил в обязательство союзников по отстаиванию германских интересов (3, с.172).

Приверженность американскому курсу во внешней политике стала характерной чертой эры К. Аденауэра. Она не могла не оказать влияния и на ближневосточную политику ФРГ, сделав ее произраильской. Соответственно, палестино-израильско проблема стала параллелью к германской.

Ещё одной отличительной чертой внешнеполитической стратегии ФРГ была идея европейского объединения. В аденауэровской концепции её наличие, наряду с отказом от амбиций в отношении создания национального государства, стало гарантией восстановления суверенитета страны. Поэтому историю ФРГ можно определить как путь в Европу. «Единство только в европейских рамках - это был главный политический лейтмотив политиков от Аденауэра до Коля» (3, с. 174). Этот мотив, как и идея связывания своей судьбы с Западом, должен был существенным образом повлиять на ближневосточную политику ФРГ.

Наконец, последней ключевой мыслью концепции К.Аденауэра является свободное общество. Свобода являлась абсолютным приоритетом канцлера. Ради неё он в споре с К. Шумахером, председателем СДПГ, пожертвовал единством Германии. Свобода гарантировала преимущества в системах безопасности и экономики (3, с. 182), т.е. в двух сферах, развитие которых в условиях ущербного суверенитета ФРГ могло эволюционно привести к объединению. Чтобы добиться решения этих проблем, ФРГ нужно было привязать к себе «третий мир», особенно Ближний Восток как экономически и стратегически важный регион.

Прорыв к рыночной экономике был бы невозможен, не оказись рядом с К. Аденауэром Л. Эрхарда. В условиях выбора – рыночная или централизованная плановая экономика (второй вариант отстаивался социал-демократами) – предпринятые Л. Эрхардом меры принесли ощутимые результаты, спустя короткий промежуток времени. Уже в 1955 г. в стране имела место полная за-

нятость населения. Западногерманская промышленность постепенно набирала обороты, а искусственное занижение курса немецкой марки способствовало расцвету экспорта (3, с. 162-163, 165).

Свободное социальное рыночное хозяйство Л. Эрхарда сделало возможным быстрый взлёт ФРГ в мировой экономике. Ранг Германии в мире и её восприятие, как экономической силы остаётся с тех пор только поддерживать (1, S. 10-11).

Л. Эрхард, миссионер рыночной экономики, был для ХДС/ХСС прежде всего локомотивом, обеспечивающим победу на выборах. В качестве министра экономики он претворил в жизнь третью составляющую аденауэровской концепции: он реализовал идею свободы, создав государство благосостояния. Но Л. Эрхарду недоставало одного важного качества: он не был прирождённым политиком и тактиком. Как и предсказывал К. Аденауэр, Л. Эрхард продержался на посту канцлера всего лишь три года, после чего был смещён своими же товарищами по партии (3, с. 193-194).

Л. Эрхард, не сумев изменить аденауэровскую концепцию, оказался её заложником. В противном случае – как объяснить, почему этот великолепный экономист и финансист не отказался от пресловутой доктрины Хальштейна, что привело к разрыву отношений с арабскими странами в 1965 году и отставке его кабинета. Как ни парадоксально, но Л. Эрхард, презираемый К. Аденауэром, оставался политиком его эры.

Образованная в 1966 году «большая коалиция» с К.Г. Кизингером – в качестве канцлера и В. Брандтом – в качестве министра иностранных дел положила начало смене власти в Боннской республике. Эпоха единовластия ХДС/ХСС близилась к концу. Без социал-демократов, которых К. Аденауэр подозревал в симпатиях коммунистическим идеям, больше нельзя было обойтись (3, с. 195).

Смещение политического центра было связано со сменой поколений. Правда о Холокосте застигла врасплох поколение, которое не имело к нему никакого отношения. Там, где речь заходит о морали, почти неизбежно встаёт вопрос о власти. Для молодых людей Холокост не был воспоминанием об ужасах Третьего рейха, он был лишь поводом к политической борьбе (3, с. 191).

Кроме социальных причин, изменивших политическую ситуацию в стране, существовали серьёзные экономические сдвиги, которые будоражили общественность и приводили к дискуссиям. Несмотря на экономический спад 1967 года, ФРГ стала занимать лидирующие позиции в мировой экономике. Речь идёт о ревальвации немецкой марки, которая доказала свою способность противостоять любым штормам, свирепствующим в мире международных финансов. Отставая от США, но в одном ряду с Японией, ФРГ опередила всех остальных конкурентов. Таким способом она доказала, что может быть более самостоятельной на международной арене.

Впрочем, в условиях отказа от конфронтации от ФРГ давно ждали конструктивных шагов в сторону разрядки. Многие западные страны к этому времени уже установили дипломатические отношения с правительством В. Ульбрихта. Недальновидная стратегия Бонна приводила лишь к самоизоляции. Даже США, которые в начале 60-х годов уже стали проводить новую политику в отношении стран Варшавского пакта, стали неудовлетворительно относиться к руководству ФРГ (3, с. 186).

Однако блок ХДС/ХСС, стоявший у власти, очень долго и упорно придерживался идеологии антикоммунизма: К.Аденауэр не хотел смириться с тем, что диалог о разрядке сменил на повестке дня вопросы объединения, Л.Эрхард пожертвовал креслом канцлера, но не отрёкся от доктрины Хальштейна. Даже К.Г.Кизингер, воплощавший «... космополитически-кооперативный подход к глобальным интересам Германии» (1, S.10-11), и его министр иностранных дел Г.Шрёдер прибегали ко всевозможным увёрткам и околичностям вместо того, чтобы искать взаимопонимания с Кремлём (3, с.196).

Настоящий прорыв в восточной политике совершил В.Брандт. Он открыл вторую фазу внешней политики ФРГ. Это был немецкий ответ на смягчённую форму биполярности. Внешняя политика Бонна, наконец, была поставлена «на обе ноги»: западная интеграция была дополнена сближением с Востоком (2, S.43-44).

Подписание Московского договора 1970 года, признающего нерушимость послевоенных границ, открыло перспективу скорейшей нормализации отношений с другими странами Восточной Европы. В частности, аналогичный договор был подписан в Варшаве в 1970 году, и затем последовала серия договоров, ставивших на новую основу отношения ФРГ с другими восточными соседями (4, с.224).

Без предоставления особого правового статуса Западному Берлину здание новой восточной политики осталось бы недостроенным. Оно подразумевало разрешение ФРГ представлять интересы жителей этого города за рубежом. В то же время проведение государственных актов ФРГ на территории Западного Берлина было запрещено (4, с.224).

Наконец, в 1972 году был подписан договор об основах отношений между ФРГ и ГДР – первое официальное соглашение двух германских государств, которое предусматривало взаимное признание, отказ от применения силы и нерушимость общих границ. Обмен постоянными представительствами должен был подчеркнуть особый характер германо-германских отношений (4, с.226).

Новая восточная политика привела к росту международного престижа ФРГ. Сохранив старых союзников, она приобрела новых партнёров. Администрация президента Р.Никсона, занятая войной во Вьетнаме, была вынуждена согласиться с появлением этого нового фактора в мировой политике.

Примирение ФРГ со своими восточноевропейскими соседями дополнило военную разрядку двух сверхдержав политической разрядкой в Европе. Она достигла своего пика в Заключительном акте Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году (4, с.226).

Новая восточная политика, изменив политическую ситуацию в Европе, не могла не отразиться на внешнеполитической стратегии, проводимой ФРГ в отношении стран Ближнего Востока. Очевидно, что соглашение, принятое по Западному Берлину, могло всколыхнуть проблему статуса Иерусалима. Кроме того, нормализация отношений двух германских государств, переход к добрососедскому сосуществованию были примером возможности мирного разрешения ближневосточного конфликта. Кстати, В.Брандт в качестве бундесканцлера посетил Израиль как первый официальный представитель новой Германии, не отягощённой нацистским прошлым.

И наконец, последний наиболее веский аргумент в пользу изменения ближневосточного политического курса ФРГ заключался в том, что Ближний

Восток являлся сферой противостояния двух сверхдержав, следовательно, был зоной смягчённой биполярности, чего ФРГ не могла не учитывать в своей внешней политике.

Между тем внешняя политика Брандта-Шееля, проделав свою часть пути к признанию послевоенных реалий, упёрлась в «железный занавес». Фактически в нём были построены лишь пограничные переходы, жёстко контролируемые с восточной стороны. Заслугой социал-либеральной коалиции стало то, что она выжала максимум возможного из политики разрядки. В то же время она показала иллюзорность надежд на либерализацию коммунистических структур, заставив Запад искать другие пути воздействия на своего глобально-го противника (4, S. 226).

Неоспорим личный вклад В. Брандта в произошедшие перемены. Фотография канцлера, преклонившего в 1970 году колени перед памятником жертвам еврейского гетто в Варшаве, обошла газеты всего мира. Так немцы избавились от комплексов собственной истории. Время, когда руководители ФРГ предпочитали не вспоминать о преступлениях «Третьего рейха», ушло в прошлое (4, с. 232).

Встаёт вопрос: одержала ли верх моральная ответственность над технологией власти или В. Брандт всё же преследовал определённые политические цели на Ближнем Востоке? Улучшение отношений с арабскими странами требовало соответствующей уравниновешенности с Израилем. Визит В. Брандта в эту страну стал не просто заметным событием во взаимоотношениях двух государств. Для Израиля он стал гарантией продолжения «особых отношений» с ФРГ, отношений, обретших к этому времени прочный экономический фундамент.

Поскольку годы правления В. Брандта совпали с периодом высокой конъюнктуры, правительство, пытаясь оградить экономику от перегрева, стремилось перенести её импульсы за границу, в том числе в арабские страны. Изменение мирового климата позволило, наконец, воспользоваться ситуацией и не сдерживать развитие экономических связей, природа которых изначально предполагала взаимное сближение. Проникновение западногерманского капитала в арабские страны было достаточно сильным, что в условиях энергетического кризиса 1973 года не могло не отразиться на германо-арабских отношениях. Энергетический кризис середины 1970-х годов был ключевым моментом, определившим внешнеполитический курс Бонна. Не случайно на Западе он воспринимался как стратегическая угроза. Энергетический кризис выдвинул ФРГ в авангард европейской политики. В отличие от остальных, ФРГ сумела сдерживать натиск рыночной стихии: курс западногерманской марки продолжал быть якорем стабильности среди других европейских валют. ФРГ являлась главным донором ЕС и неоднократно использовала этот рычаг давления на своих партнёров (4, с. 237).

Перестав чувствовать себя зависимым партнёром США, ФРГ активизировала свои отношения со странами, не входившими в состав западного блока. Социал-либеральная коалиция поддерживала инициативы Социалистического Интернационала, председателем которого в 1976 году стал В.Брандт. Он же возглавил комиссию по отношениям Юга и Севера, пользующуюся заслуженным авторитетом при определении ООН приоритетов мирового развития (8, с.379-383). Хотя Германия не имела колониальной империи, подобной бри-

танской или французской, её соучастие в эксплуатации природных богатств «третьего мира» не вызывало сомнений (4, с.237-238).

В своём правительственном заявлении новый канцлер Г. Шмидт впервые назвал помощь развивающимся странам одним из важнейших приоритетов западногерманской внешней политики. Среднегодовой объём помощи ФРГ в этой области держался на уровне 4 млрд. марок. За координацию контактов с «третьим миром» отвечало специальное Министерство экономического сотрудничества. Его возглавил сторонник «экологического социализма» Э. Эпплер (4, с. 238).

Западногерманская помощь в большей степени определялась гуманитарными соображениями, но присутствовали в ней и корыстные экономические мотивы, тщательно скрываемые и завуалированные. В условиях экономического кризиса «третий мир» рассматривался как буфер, смягчающий удары конъюнктуры. Туда устремился поток товаров и капиталов, невостребованных в Германии. На примере нефтедобывающего региона Ближнего Востока и Северной Африки этот процесс имел свою специфику, так как был связан с энергообеспечением ФРГ.

Преодоление экономического кризиса в ФРГ неразрывно связано с именем Г. Шмидта. Эпоха, выпавшая на его долю, была временем тяжелейших потрясений всего послевоенного периода. Восемь с половиной лет пребывания Г. Шмидта на посту канцлера можно описать как серию непрерывно следующих друг за другом катастроф. Тем не менее, согласно единодушному мнению, лишь он был в состоянии преодолеть экономический кризис (3, с. 210).

Г. Шмидта отличали широкая эрудиция, холодный рассудок и бесспорная компетенция в финансово-экономической сфере. Девизом правительственного заявления, с которым новый канцлер 17.05.1974 года выступил в бундестаге, стали слова «преемственность и концентрация». В отличие от К.Аденауэра и В. Брандта, Г. Шмидт вписал своё имя в скрижали истории не как борец за новую политику, а как государственный деятель, сумевший сохранить и расширить достигнутое (Г.А. Винклер) (4, с.232).

Между тем потомки, оценивая внешнеполитическое наследие Г.Шмидта, подчёркивают его усилия по наращиванию внешнеэкономической мощи Германии. С этим нельзя не согласиться, если учесть, что Германия экономически и политически сумела возглавить Европу. Но попытка разместить на территории Западной Европы системы, аналогичные новому поколению ракет средней дальности СССР, натолкнулась на широкую волну пацифистского движения. К нему примкнули и многие социал-демократы, поставив под вопрос дальнейшее участие своей партии в правительстве (4, с.239).

Чтобы спасти правящую коалицию, Г.Шмидт был вынужден грозить отставкой на «ракетном» съезде, состоявшемся в декабре 1979 года. Лишь после этого ультиматума предложение о безоговорочном отказе от «довооружения» не собрало большинства голосов участников.

Отодвинув на некоторое время внутривнутрипартийный кризис, бундесканцлер сосредоточил своё внимание на кризисе разрядки, достигшем своего апогея после ввода советских войск в Афганистан. Советско-западногерманская встреча на высшем уровне, состоявшаяся летом 1980 года, показала, насколько ограничены были его посреднические возможности. Г.Шмидт привёз из Москвы только согласие Л.Брежнева на возобновление переговоров о ракетах средней

дальности. Тогда бундесканцлер попытался воздействовать на международный климат, используя «особый характер» германо-германских отношений. Но это не нашло поддержки у Э. Хонекера (4, с. 239).

Так постепенно ФРГ входила в полосу конфронтации с коммунизмом, конфронтации, которая меняла всю палитру внешнеполитических отношений Западной Германии. Между тем, начавшийся к этому времени ливанский кризис требовал чёткого определения западно-германской позиции. Он вновь изменил соотношение политических сил на Ближнем Востоке. Прежде всего это касалось главной политической диагонали, раскалывающей данный регион – Израиля и Палестины. Возможное охлаждение отношений с арабскими странами в данной ситуации было чревато ухудшением внешнеэкономических связей с ними, напряжённостью в вопросах нефтяного обеспечения ФРГ.

В условиях роста государственного долга (на его обслуживание в 1981 году тратилось до 6% доходной части бюджета страны), инфляции (выросла на 7% при отрицательных показателях экономического роста) и нового скачка безработицы (до 1,3 млн. человек) разлад внутри правящей коалиции сделал отставку Г.Шмидта лишь вопросом времени (4, с.240).

Парламентское голосование конструктивного вотума недоверия правительству 1.10.1982 года впервые в политической истории ФРГ обеспечило смену кабинета. Канцлером стал Г.Коль. Г.Д. Геншер сохранил за собой пост министра иностранных дел. Таким образом, эра геншеризма – «облачной риторики и тактических хитростей» - продолжалась. Это означало, что биполярность по-прежнему диктовала условия политической игры: «ФРГ стремилась ослабить напряжение в германо-германских отношениях, чтобы изолировать себя от вновь воспламенившихся распрей суперсил и сохранить свободу действий» (2, S.43).

Будущий поворот боннской политики вправо ни у кого не вызывал сомнения. Г. Коль целиком и полностью воспринял концепцию К. Аденауэра, ничего в ней не изменил и ни разу в ней не усомнился (3, с. 229).

Внешилолиторическая часть заявления нового правительства, прозвучавшего 4.05.1983 года, сводилась к традиционной формуле: единство Европы, сплочённость Запада и взаимопонимание с Востоком. Континуитет в этой сфере олицетворяла собой фигура Г.Д. Геншера в качестве министра иностранных дел, а также выполнение обязательств по «довооружению», принятых на себя ещё социал-либеральной коалицией. Соответствующее решение Бундестага в ноябре 1983 года было принято против голосов СДПГ и «зелёных», выступивших за продолжение переговоров с СССР (4, с. 240).

Таким образом, консервативный поворот, уже произошедший в других странах западного мира, с известным опозданием добрался и до ФРГ. На Ближнем Востоке он обернулся новым витком гонки вооружений и постепенным изменением расстановки политических сил. В Бонне активизировались сторонники произраильской политики ФРГ. В её рядах оказался сам Г.Коль, хотя он скрывал свои предпочтения за формулой арабо-израильской уравнищенности.

Ситуация на Ближнем Востоке не должна была помешать объединению. Это означало, что ближневосточная политика ФРГ должна была соответствовать приоритетам восточной стратегии, в первую очередь способствуя решению германского вопроса. Могла ли ФРГ не быть солидарной с Европой на Ближ-

нем Востоке, если воссоединение Германии должно было произойти только под европейской крышей?

Преодолевая ожесточённое сопротивление консервативного крыла фракции ХДС/ХСС, Г. Коль продолжал политику разрядки, ни на шаг не отступая при этом от формулы К. Аденауэра: «объединение в условиях мира и свободы». Именно поэтому Г. Коль не дал себя уговорить отказаться от размещения на территории ФРГ «першингов» и крылатых ракет НАТО в противовес советским ракетам СС-20. Этим он снижал расположение Вашингтона и вызвал недовольство Москвы. Но вскоре выяснилось: чем крепче позиции Г. Коля на Западе, тем решительнее он может вести себя в отношениях с Востоком (3, с. 230).

Расчёт канцлера оказался верен: процесс разрядки продолжал углубляться, невзирая на то, что Г. Коль не уставал повторять при каждом удобном случае: «Мы, немцы, никогда не смиримся с разделом нашей родины» (3, с. 230).

Новые импульсы восточной политики ФРГ были связаны с началом перестройки в СССР. Запад не мог оставаться безучастным к начавшемуся процессу реформ в Восточной Европе. И ФРГ, десятилетиями находившаяся «на линии огня», заняла явно проперестроечную позицию. Выступая в Давосе 1.02.1987 года, Г.Д. Геншер призвал поверить в новые лозунги советского руководства. Во время визита Г. Коля в Москву в октябре 1988 года было согласовано предоставление льготного кредита на перестройку советской экономики в размере 3 млрд. марок (4, с. 247).

Наряду с М. Горбачёвым, Э. Хонекер всё в большей степени зависел от Бонна как от источника финансирования. Выбора у Восточного Берлина не было: ГДР стояла на грани банкротства. В этой ситуации Г. Коль не хотел отдавать предпочтения ни Западу, ни Востоку. Преодоление очевидной асимметрии в отношениях с Москвой и Вашингтоном было ядром его внешней политики. Для процесса созревания германского единства выравнивание этих отношений имело ключевое значение (3, с. 232).

Столь же актуальным было выравнивание отношений ФРГ с Израилем и арабскими странами, так как позиция Западной Германии в арабо-израильском конфликте всегда являлась проекцией её основной внутри- и внешнеполитической доминанты – решения германского вопроса.

Политика выравнивания отношений поставила Г. Коля в положение посредника между Востоком и Западом. Был ли он также посредником на Ближнем Востоке? Как ближневосточная стратегия ФРГ увязывалась с проблемой внешнеэкономических связей со странами данного региона? Как известно, вопрос энергоснабжения не стоял для ФРГ так остро, как ранее.

Политика уравновешенности создала необходимые предпосылки для произошедшего два года спустя объединения Германии. Биполярная сцена внешней политики ФРГ была, наконец, разрушена; необходимость защиты Запада на Востоке потеряла смысл. Как следствие – министр иностранных дел Г.Д. Геншер ушёл в отставку (2, S. 43). Допущенный им промах в Югославии (под сильным германским давлением международное сообщество признало суверенность бывших югославских республик, чем подтолкнуло реализацию военного сценария на Балканах) надолго подорвал авторитет внешней политики ФРГ (5, с. 23).

После югославских событий внешняя политика ФРГ стала руководствоваться принципом «разумного самоограничения», в соответствии с которым

ФРГ остаётся самым лояльным членом всех союзов и альянсов (5, с.23). Самоограничение объясняется тем, что концепция внешней политики у объединённой Германии просто отсутствовала. Внезапно ФРГ столкнулась «... с диким сном действительности: объединение, полный суверенитет и стратегическая позиция, которую пока ещё не могло позволить себе государство, окруженное только друзьями» (2, S.44). В этой ситуации внешней политике ФРГ оставалось руководствоваться «... лишь собственным стилем и инстинктом: увеличивать выбор и уклоняться от обязанностей» (2, S.45). На практике эта политика разъяснялась следующим образом: «ФРГ верна своим обязательствам в НАТО, атлантическому полису безопасности, одновременно платит и Еврокорпусу, вместе с Францией заботится о континентальном выборе. Она будет приводить в движение европейскую интеграцию, не забывая при этом о восточных европейцах. Она никогда не обманет США, но одновременно боится конфронтации с Россией. По этим же причинам она будет скорее связывать себя двусторонними союзами безопасности с восточными европейцами, чем формально заниматься расширением НАТО на Восток. Она будет бороться за свободу торговли, но не ценой отчуждения от Франции. Она будет вводить свои вооруженные силы в рамках союза только там, где риск невелик (как в Сомали), или там, где союзные обязанности не оставляют другого выбора (например, чтобы обеспечить отход солдат ООН из Боснии)» (2, S.45).

Таким образом, ФРГ действительно увеличивает выбор, подчиняясь изменившейся международной ситуации. Она пытается удерживать равновесие сил на разных континентах, как когда-то сохраняла его в сфере глобального противостояния Восток-Запад. Однако новая система мирового порядка намного сложнее прежней. Именно поэтому ФРГ склонна «уклоняться от обязанностей». Во избежание нежелательных последствий для собственной внешней политики и для международной системы в целом ФРГ избирает стратегию полшагов, оставляя себе возможности для отступления.

Более лаконичное объяснение внешнеполитической стратегии ФРГ в середине 90-х гг XX века заключается в следующей фразе: «Где систему не обойти, политика жестких решений остаётся сдержанной. Аденауэр, Бисмарк не действовали бы в 1995 году по-другому» (2, S.45).

Между тем детальный анализ предложенной концепции внешней политики ФРГ позволяет выяснить, что в ней присутствуют прежние, можно сказать, традиционные элементы, ставшие её основой со времён К.Аденауэра. К ним относятся: явная приверженность американскому курсу (когда речь идёт об обязательствах ФРГ перед НАТО), претворение в жизнь идеи европейской интеграции, стремление к равновесию между США и Россией и даже желание обеспечить собственную безопасность путём заключения двусторонних соглашений с восточноевропейскими соседями.

Таким образом, Г.Коль, объединив Германию, внешнеполитически повторяет опыт своих великих предшественников (К.Аденауэра, В.Брандта), но, к сожалению, не предлагает никаких новых идей, крайне необходимых в условиях новой международной ситуации. Тогда как от Германии, объективно занимающей доминирующее положение в объединённой Европе, ждут их, более того, надеются на её активное вмешательство в ход событий, влияние и поддержку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Aussenpolitik. Zeitschrift für internationale Fragen.- Stuttgart.– 1998. - № 2.
2. Internationale Politik. / Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik.– Bonn. 1995 - № 1.
3. Ференбах О. Крах и возрождение Германии: взгляд на европейскую историю XX в., - М, - 2001.
4. Ватлин А. Германия в XX в. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.
5. Максимычев И. Ф. Объединённая Германия как фактор европейской безопасности / РАН, Институт Европы. – М, 1997.
6. Internationale Politik. / Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik. – Bonn. – 2002. - № 9.
7. Internationale Politik. / Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik. – Bonn. – 2001 - № 12.
8. Брандт В. Воспоминания. – М., 1991.

Л.Е. Гришаева

Московский государственный университет

ООН: КРИЗИС МИРОТВОРЧЕСТВА. (КОСОВСКИЙ ВОПРОС. 1999-2008 ГГ.)

Аннотация

Автор исследует суть миротворческой деятельности ООН. Раскрывает причины ее системного кризиса. Анализирует наиболее яркое проявление кризиса в косовском вопросе. Показывает пути реформирования миротворческой деятельности ООН, что в целом не должно привести к разрушению всей системы международной безопасности.

“UN: THE CRISIS OF PEACEMAKING. (KOSOVO CRISIS. 1999- 2008)”

Lidiya Grishaeva

Abstract

Author explores essence of UN peacemaking activity. Reveals causes of its systematic crisis. Analyses the Kosovo crisis as its main point and the strongest example. Shows ways of reformation of UN peacemaking actions, that shouldn't bring the whole system of international security to its destruction.

Рубеж XX-XXI веков ознаменовался обострением конфликтных ситуаций в мире. Возросло не только их количество, но и значительно изменилось их качество: они стали приобретать не только межгосударственный, но и внутрисоветский характер. Таким образом, в условиях глобализации произошло качественное усложнение природы конфликтов. Драматический распад Советского Союза изменил геополитическую ситуацию и расстановку сил в мире. Международное сообщество, прежде всего Организация Объединенных Наций, оказалось неготовым к адекватному реагированию на новые угрозы и вызовы, явно проявился кризис миротворческой системы ООН. Преодолеть его возможно лишь в ходе полномасштабной реформы ООН с целью повышения ее эффективности и закрепления ее центральной роли в мировых делах.

Для урегулирования конфликтов ООН были предложены три направления: превентивная дипломатия, миротворчество, поддержание мира¹. Все они важны, но миротворчество — самый эффективный инструмент урегулирования конфликтов. Определяется оно как «действия, направленные на то, чтобы склонить враждующие стороны к соглашению» при помощи мер невоенного характера, предусмотренных в главе VI Устава ООН: «путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям, или иными мирными средствами по своему выбору»².

Если же мирные средства не дают результатов, то, по решению Совета Безопасности, для поддержания или восстановления мира должны применяться предусмотренные в главе VII Устава ООН принудительные меры с возможным использованием вооруженных сил³. При осуществлении миротворческих операций вооруженные силы ООН должны быть беспристрастны. Их основная за-

дача сводится к разъединению сторон и охране гуманитарных операций, они не имеют право применять силу, кроме как в целях самообороны. Прерогатива принятия решений о применении принудительных мер в целях поддержания мира принадлежит Совету Безопасности, причем только при условии единогласия его постоянных членов.

Цель статьи состоит в следующем: выявить причины кризиса миротворческой системы ООН и раскрыть его на примере Косовского кризиса (1999- 2008 гг.); мотивировать необходимость и пути реформирования миротворческой деятельности ООН и определить роль и место России в данном процессе. В таком аспекте данная проблема в научном плане практически не рассматривалась⁴.

К середине 1990-х гг. начали явно проявляться признаки кризиса миротворческой деятельности ООН, снижения ее эффективности⁵.

Прежде всего это было вызвано тем, что ООН не имеет собственных постоянных вооруженных сил, способных оперативно реагировать в чрезвычайных ситуациях, и, следовательно, она не может подкрепить силой решения Совета Безопасности. Кроме того, после распада СССР ООН оказалась не готова к урегулированию международных конфликтов и гуманитарных катастроф, возникающих внутри отдельных государств и требующих применения силы. Наконец, сказались недостатки самого миротворческого механизма ООН, которые формировались годами и постепенно становились хроническими: неразработанность механизма миротворческих операций; бездеятельность Военно-штабного комитета, который уже не одно десятилетие существует формально; постоянная нехватка финансовых средств, а следовательно, ограниченные возможности в проведении миротворческих операций; необъективное определение ответственными ооновскими структурами существа различных кризисов и, соответственно, произвольное распределение средств на их урегулирование; недостатки «политико-правовой» базы ООН, отсутствие уточненных правовых понятий (самоопределение, создание и укрепление государственности, вмешательство, территориальная целостность, суверенитет, автономия и т.д.); отсутствие эффективной инфраструктуры; нечеткое определение понятия санкций различного рода и непродуманность возможных последствий их применения⁶.

Позиция России в отношении роли ООН в мировой политике основывалась и основывается на том, что ООН как единственная универсальная организация должна занимать центральное место в решении проблем международной и региональной безопасности⁷. Причем поддержание Россией центральной роли ООН в мировой политике стало более актуально в связи с усилением попыток вытеснения ее из традиционной для нее области миротворчества, заменив ее региональными организациями. Принимая активное участие в военно-политической деятельности ООН, Россия, во-первых, как постоянный член Совета Безопасности, реализует свою ответственность за обеспечение глобальной безопасности, во-вторых, имеет возможность защищать свои государственные интересы, в-третьих, твердо отстаивать уставную центральную роль Совета Безопасности в сохранении международного мира и безопасности. Одной из основных задач российской внешней политики было максимально широкое использование ооновского миротворческого механизма в нестабильных с точки зрения безопасности регионах мира, в первую очередь – в СНГ.

Распад СССР повлек за собой взрыв конфликтов в бывших республиках,

способных вылиться в крупные войны. В то же время позиции России в ООН оказались временно ослабленными и уязвимыми, вследствие нерешенных внутривополитических проблем. Положение усугублялось фактическим разрывом отношений со странами Центральной и Восточной Европы, с рядом влиятельных государств Азии, Африки и Латинской Америки. С другой стороны, США, воспользовавшись распадом СССР – их главного соперника, новой расстановкой сил на мировой арене, укрепляли свои позиции в ООН. Более того, пытаясь монополизировать вынесение окончательных решений в международных делах, в своей внешней политике США все чаще стали игнорировать ООН и мнение мирового сообщества. Наглядно проявились гегемонистские замашки США в отношении ООН, когда США перестали предварительно уведомлять о своих действиях Генерального секретаря ООН или Совет Безопасности, не говоря уже о России.

В этих условиях естественным стало стремление России повысить авторитет Совета Безопасности как органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира, усилить миротворческую систему ООН и таким образом укрепить свои позиции на мировой арене. Первые предложения относительно миротворчества ООН были выдвинуты Россией уже в 1992 г. Был поднят вопрос «о формировании действенного механизма использования широких полномочий, которыми наделен Совет Безопасности согласно главе VII Устава ООН». Государствам-членам ООН предлагалось обсудить возможность создания частей быстрого реагирования, «формируемых на контрактной основе из специальных подразделений от разных стран, включая постоянных членов Совета Безопасности»⁸.

В 1994 г. были четко сформулированы основные положения позиции России по реформе миротворческого механизма ООН⁹. Кроме этого, был поставлен вопрос о необходимости обсуждения странами-членами ООН создания «резервных сил» ООН, находящихся в распоряжении Совета Безопасности, и о необходимости реформирования Военно-штабного комитета¹⁰. Главным положением российской концепции было признание ООН «главным механизмом, способным обеспечить беспрепятственный переход от биполярного, конфронтационного к многополюсному, демократическому миру»¹¹. Россия настаивала на том, что «ООН должна сохраняться в качестве единственной организации, дающей санкции на применение силовых методов», что «любые подобные действия в обход Совета Безопасности необходимо полностью исключить»¹², что какие-либо силовые действия региональных организаций в обход Совета Безопасности неприемлемы для России.

Российская дипломатия возобновила сотрудничество с Ираком, Ираном, Сербией и в то же время начала «открыто демонстрировать трения и противоречия» с США. Она пыталась стимулировать миротворческую деятельность ООН в отношении СНГ, неоднократно поднимая вопрос о придании статуса ООН миротворческим силам, действующим на территории СНГ под эгидой России. Тогдашний министр иностранных дел Е.М. Примаков поставил в центр внешнеполитической концепции России необходимость строительства новой многополярной системы международных отношений. Эта позиция была противопоставлена стремлению США играть в мировой политике роль «полицейского», «единственного центра силы».

Стремление США утвердиться в этой роли, игнорируя мнение мирово-

го сообщества и зачастую нарушая нормы международного права, привело, в том числе, и к «гуманитарной интервенции» сил НАТО в Югославию, которая явилась не чем иным, как «актом агрессии против суверенного государства». С политической точки зрения это был прямой удар по авторитету Совета Безопасности. И в итоге многофакторный конфликт в Косово — самый острый и животрепещущий конфликт современности, эскалация которого усилилась с развалом Югославии, — до сих пор не получил своего разрешения.

Хотя Россия еще в начале 1990-х гг. и выражала опасения в связи с расчленением Югославии и характеризовала выделение из нее Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины как «межэтническую чересполосицу», ставшую основой кровавых конфликтов¹³, но не смогла противостоять этой негативной тенденции. Мировое сообщество как-то сразу, без особого напряжения и опасений за будущее, приветствовало все это, полагая, что это естественное следствие распада социалистической системы. Если положение в Боснии постепенно стабилизировалось, то в Косове ситуация развивалась по-другому. Конфликт сначала тлел, а потом запылал.

Косовский конфликт имеет как внутреннюю природу, так и международный характер.

Исторически Косово является многозначным полиэтническим и территориальным понятием. Важность и ценность края определяются энергетическими природными ресурсами, имеющейся базой их добычи и переработки, стратегическим положением в регионе. Во времена И.Б. Тито, Косово, с его преимущественно албанским населением, было в составе Югославии, но обладало широкими автономными правами. Сербская конституция 1974 г. также предоставила Косово права автономии, наделив край значительными полномочиями, кроме одного — права отделения от Сербии. С. Милошевич, чувствуя себя всесильным политиком и игнорируя предостережения о возможности взрыва¹⁴, в 1989 г. упразднил автономный статус Косово. По новой сербской конституции 1990 г. права Косово были значительно урезаны: ликвидированы законодательные и исполнительные органы власти.

В результате общего кризиса СФРЮ в начале 1990-х гг. в Косово фактически сложилось двоевластие: косовские албанцы насильственно вытесняли косовских сербов с территории края, не признавали власти Белграда, а Сербия — республику Косово, предвидя, что вслед за достижением полной независимости может последовать присоединение ее к Албании. Не было принято мер к сохранению идентичности сербов, которые были вытеснены с мест компактного проживания и разбросаны по территориям Черногории, Боснии и т.д. Белград не смог обеспечить поддержание порядка в Косово. А страны НАТО полностью игнорировали межэтнические противоречия в СФРЮ.

В начале 1990-х гг. мировое сообщество испытало крах биполярной системы в связи с распадом СССР. Запад фактически был заинтересован в сохранении сложившейся нестабильной ситуации в бывшей Югославии, полагая, что в дальнейшем, с учетом временного ослабления России, это послужит достижению его одностороннего превосходства как истинного носителя демократии и обеспечит падение неугодных режимов просоветского толка. На этом фоне внутренняя обстановка в Косово начала обостряться. С 1998 г. Запад стал последовательно добиваться введения международных санкций против Белграда, режима С. Милошевича и фактически поддержал албанских лидеров Косово,

которые не скрывали решимости добиться независимости. В то же время, в ходе переговоров контактной группы (США, Великобритания, Россия и др.) в Лондоне, Е.М. Примаков убеждал С. Милошевича выступить с инициативами об автономном статусе Косово, отвести воинские части в места их постоянной дислокации, взять личную ответственность за начало переговоров с умеренными лидерами косовских албанцев и согласиться на приезд в Косово наблюдателей ОБСЕ¹⁵. Однако С. Милошевич, дав обещание России на словах, предпочел остаться в стороне.

Запад требовал наращивать давление на Белград, но Россия проявляла пассивность, полагая, что западная позиция демонстрирует несбалансированность подходов к сторонам конфликта. Весной 1999 г. Запад предложил заключить трехгодичное промежуточное соглашение, по которому НАТО получило возможность ввести в Косово войска для обеспечения мира и безопасности, проведения выборов. Сербии разрешалось иметь в Косово лишь небольшие силы для охраны внешних границ. В конце срока действия соглашения планировалось провести международную конференцию с целью определения долговременного статуса Косово. Сербия отказалась принять этот план: их больше устраивало формальное сохранение Косово в составе их государства, чем допуск войск НАТО. Запад же, прервав переговоры, объяснял действия НАТО стремлением нейтрализовать авторитарный режим Милошевича.

Е.М. Примаков – непосредственный участник переговоров – справедливо замечает, что: «У нас не могло не возникнуть ощущения, что косовская проблема рассматривается некоторыми западными партнерами по контактной группе через призму возможности окончательного развала Югославии при резком ослаблении Сербии»¹⁶. Становилась все более очевидной возможность применения силы НАТО против Югославии, хотя целый ряд европейских государств, в том числе членов НАТО, колебались в отношении осуществления такой акции, в особенности в обход Совета Безопасности ООН¹⁷. Россия добивалась того, чтобы югославская сторона заявила о готовности незамедлительно продолжить переговоры по всему комплексу проблем, включая формы автономии края; не осуществлять какие-либо репрессивные действия против мирного населения; для налаживания доверия обеспечить свободу передвижения на всей территории Косова; гарантировать доступ в край гуманитарных организаций; не ограничивать возможности ознакомления с ситуацией дипломатическим представителям иностранных государств и международным организациям. В ходе переговоров в Москве был достигнут серьезный прорыв. Некоторые российские и западные наблюдатели пришли к выводу, что Россия дипломатическими средствами сняла необходимость применения силы против Белграда¹⁸. Казалось, дело идет к политической развязке. Но в этот момент над Белградом, по словам Е.М. Примакова, вновь был занесен «натовский меч»¹⁹. Центром борьбы стал Совет Безопасности ООН, где США и Великобритания упорно хотели провести резолюцию по Косово со ссылкой на главу VII Устава ООН, которая предусматривает в случае угрозы международному миру эскалацию санкций вплоть до применения силы²⁰. Глава VII была использована один раз – для санкционирования под флагом ООН войны в Корее. Тогда советский представитель отсутствовал, и резолюция прошла. Теперь Россия постаралась учесть уроки прошлого, и открыто заявила о том, что будет такую резолюцию вентировать. Однако России не удалось переломить ситуацию.

Так в 1990-е гг. стала набирать обороты тенденция к решению международных проблем односторонними силовыми методами в обход Совета Безопасности и Устава ООН. Перед Россией встала задача выработки собственной линии поведения. Процесс проходил очень сложно, о чем свидетельствуют неоднократные заявления тогдашнего министра иностранных дел Е.М.Примакова. В итоге был выработан единственно правильный подход: отстаивание российской дипломатией прерогатив Совета Безопасности и основополагающих норм Устава ООН.

Страны НАТО мотивировали подготовку к применению силы ссылками на репрессивные действия правительства Милошевича в Косово. Россия никогда не оправдывала эти действия, но выступала за адекватные политические меры, тем более что их потенциал, как и потенциал действовавших тогда против Белграда санкций, отнюдь не был исчерпан. Однако отстоять свою линию до конца России не удалось. Силовой сценарий все же был спровоцирован: 24 марта 1999 г. авиация НАТО начала бомбардировки Югославии. НАТО стало выступать как самостоятельный фактор, а не как инструмент реализации решений Совета Безопасности ООН.

В этой ситуации Россия решительно поставила вопрос в Совете Безопасности о немедленном прекращении натовских бомбардировок, открыто критиковала действия НАТО как нарушение Устава ООН.

Еще в начале развития Косовского конфликта Россия полагала, что следует продолжать поиск политического выхода. Однако позиция России не была достаточно гибкой и не претерпела изменений даже после провозглашения независимости Косово. Она, образно говоря, состояла из четырех «нет»: натовской вооруженной операции против Белграда; выходу Косова из Югославии; эскалации санкций против СРЮ; сохранению нынешнего статуса Косова, который не предоставляет автономии этому краю»²¹. Фактически все эти положения Западом были проигнорированы. Необходимо было немедленно возобновить проведение переговоров. Но главные события оказались впереди. Е.М.Примаков заявлял, что «под ударами натовской авиации не удастся заставить Милошевича сесть за стол переговоров. Это нереальная задача. Надо найти выход из ситуации. При эскалации конфликта решение косовской проблемы затруднится»²².

Ситуация развивалась стремительно, а России не сразу удалось выработать четкий и конструктивный подход к решению косовской проблемы: готовность к политическому урегулированию, которое может быть достигнуто путем переговоров представителей национальных общин Косова; готовность конструктивного подхода к переговорам, результатом которых должно стать обеспечение равных прав всего населения Косова, вне зависимости от национальности и вероисповедания; готовность сразу же после прекращения бомбардировок начать отвод югославских вооруженных сил, находящихся в Косове; готовность обеспечить возвращение беженцев в Косово²³. Однако фактически данный подход, несмотря на всю свою объективность, не был воплощен в жизнь. Очевидная слабость России состояла в том, что она запаздывала с выработкой собственных конструктивных идей, не могла их последовательно отстаивать и настойчиво искать компромисс с Западом, что объективно развязывало ему руки. Бомбовый удар по Белграду был нанесен. Сказалась и уклончивая политика тогдашнего Генерального Секретаря ООН К. Аннана²⁴. ООН

снова справедливо подверглась резкой критике. На Западе все более контрастно вырисовывалась идея отрыва Косова и Метохии от Сербии, придания этим землям особого статуса независимого государства. Косово – автономная единица, и ее выделение вопреки воле Белграда создает опаснейший прецедент для всех государств, в которых национальные меньшинства стремятся выделиться. Особенно остро эта проблема встанет для ряда бывших республик Советского Союза, в которых с таким трудом удалось погасить кровавые межэтнические столкновения²⁵.

Когда стало очевидно, что силовыми действиями Косовский конфликт не решить, страны, которые осуществляли одностороннее применение силы и фактически зашли в тупик, были вынуждены сами обратиться в Совет Безопасности с просьбами помочь выйти из кризиса. Так линия России вполне оправдала себя. Однако изначальная пассивность и нерешительность России в отстаивании политически верного по сути разрешения конфликта не получила критического осмысления, а объективная потребность соблюдения правовых норм и придания легитимности процессу урегулирования стали оцениваться Россией как итог ее собственных целенаправленных усилий. Совет Безопасности согласовал схему урегулирования и закрепил ее единогласно в принятой резолюции 1244 (1999)²⁶ от 12 июля 1999 г.

Однако эта резолюция, составленная при участии России, не лишена противоречий. Она носит компромиссный характер. Причем, если Западу удалось, в основном, отстоять в ней свои требования, то российское участие выразилось в фактическом их подтверждении. В ней ясно было зафиксировано, помимо создания временной администрации в Косово на переходный период для внедрения «существенной автономии», соглашение с командованием НАТО для стабилизации ситуации в крае и контроля за выполнением функций управления до создания новых государственных органов. В урегулировании конфликта и определении международного присутствия по поддержанию безопасности в документе выделен приоритет НАТО по отношению к самой ООН и административным, гуманитарным и финансовым учреждениям ООН (МПП — Мировая продовольственная программа, ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения, МБРР — Международный банк реконструкции и развития и т.д.). При этом декларировалось как формальное равноправие международных организаций урегулирования — ООН, Европейского Союза (ЕС), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), — так и то, что ни одна из них не будет в состоянии выполнить широкий круг сложных задач самостоятельно. С принятием данной резолюции процесс урегулирования конфликта был фактически заморожен.

Реальный политический процесс в целях определения будущего статуса Косова начался в 2005 г. В ноябре Генеральный секретарь ООН К.Аннан назначил Марти Ахтисаари своим специальным посланником для определения будущего статуса, предусмотренного в резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности. В подготовленных М.Ахтисаари предложениях²⁷ содержалась рекомендация о получении независимости Косово при условии осуществления международного контроля в течение определенного периода. Россия сразу же подвергла план Ахтисаари критике, так как он не учитывал предложений России. План был односторонне одобрен Приштиной, но отвергнут Белградом. После обсуждения в Совете Безопасности было предложено, чтобы «тройка» официальных

представителей ЕС, США и России провела еще одну серию переговоров в целях достижения соглашения. 1 августа 2007 г. новый Генеральный секретарь ООН – Пан Ги Мун - приветствовал эту инициативу, одновременно высказав мнение, что status-quo в Косово долго сохраняться не может.

Признавая рамочной основой для переговоров резолюцию 1244 (1999), их участники рассмотрели различные конечные варианты: от независимости до автономии, а также альтернативные модели, включая конфедеративное устройство. Они констатировали, что ни одна из моделей не обеспечивает надлежащей основы для компромисса. Даже после проведения интенсивных переговоров сторонам не удалось достичь соглашения относительно статуса Косово. Ни одна из сторон не захотела пойти на уступки по основополагающему вопросу – его суверенитету. Фундаментальное расхождение в вопросе о статусе края «тройке» не удалось устранить.

Конфликтующие стороны все же обещали воздерживаться от действий, которые могут создать угрозу безопасности. Урегулирование решено было продолжить на основе переговоров. При этом обеими сторонами конфликта приветствовалась готовность НАТО и ЕС сыграть ведущую роль в урегулировании статуса Косово. На практике приоритетное значение получил план Ахтисаари, позиция России, выступавшей против предоставления односторонней независимости Косово без учета мнения Сербии, против поглощения ЕС и НАТО иных структур в Косово, игнорировалась.

Одновременно представители Программы развития ООН (ПРООН)²⁸ предложили скорректировать практику выделения ресурсов для поддержки администрации управления Косово, используя весь мощный потенциал ООН: Всемирный банк, фонды и программы ООН, чтобы создать необходимые условия для перехода к независимости Косово. В финансовых структурах ООН роль России не столь значительна, как у США, повлиять на принятие окончательного решения возможности у нее нет. И исход во многом зависит от того, в чьих интересах проводится финансирование по урегулированию конфликта.

В декабре 2007 г. Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН воспользовалась правом вето и заблокировала план Ахтисаари, предусматривающий предоставление Косово независимости под международным контролем. Выработка Россией внятной критической позиции явно запоздала. Этот план, по мнению России, помимо одностороннего признания независимости Косово, одобрял концепцию «гуманитарного вмешательства» НАТО. Фактически Россия попыталась опровергнуть положения резолюции 1244, которая принималась при ее пассивном согласии.

Сегодня вряд ли можно утверждать, что военная операция НАТО и принятие односторонней независимости нормализовала положение в Косово. В крае по-прежнему остро стоит проблема национальных меньшинств. Была получена зеркальная картина: до войны притеснения терпели албанцы, теперь же — сербы, которые в результате целенаправленной политики албанской краевой администрации по их выдавливанию из Косово были вынуждены оставить районы своего традиционного проживания. Их основополагающие права и свободы, включая право на жизнь, систематически нарушаются, вопреки требованиям резолюции 1244 (1999). Здесь явно пришли в противоречие правовые категории: «право наций на самоопределение», «территориальная целостность», «статус гражданства», «право автономии», «право суверенитета»,

которые следовало привести в соответствие с правовой субординацией и требованиями времени.

Именно Косово на протяжении долгого времени оставалось «горячим» вопросом для Совета Безопасности. Однако окончательное решение о признании независимости Косово было принято вопреки мнению России. Работая над урегулированием косовского конфликта, Россия проявила непоследовательность и некритический подход при оценке общих совместных основополагающих решений. Она предлагала основываться на прежних базовых решениях, без существенных корректив, явно игнорируя содержащиеся в ней противоречия. Россия настаивала на осуществлении в полном объеме резолюции 1244 (1999), прежде всего в плане обеспечения прав неалбанского населения края, пресечения военных акций против сербов. Россия заявляла, что в данном вопросе она стоит на позициях международного права и выступает против сепаратизма в Косово, предлагала основательно продумать долгосрочные последствия поспешного создания независимого Косово. Россия полагала, что для принятия новой совместной резолюции по определению статуса Косово потребуется согласие всех сторон в Совете Безопасности, которого можно достичь только в ходе серьезных, длительных и осторожных переговоров. Предполагалось выработать новый план ООН, благодаря которому Косово должно встать на путь обновленной государственности и урегулировать отношения с Сербией. Без подобного компромисса нельзя гарантировать устойчивое и долговременное урегулирование данного конфликта. Россия настаивала на том, чтобы ООН определила единые принципы предоставления независимости, а уже потом Совет Безопасности перешел к обсуждению будущего края Косова²⁹. Однако принятие независимости Косово было предопределено, а позиция России не предотвратила иное развитие ситуации. Осознавая это, Россия предлагала разработать так называемую «дорожную карту» для Косово, которая должна учитывать интересы всех основных международных факторов в косовском урегулировании при проведении переговоров. И *post faktum* настаивала на том, что мандат для широкого развертывания европейской миссии (от стран ЕС) в крае должен дать Совет Безопасности ООН³⁰. Крайне важно и то, что и Сербия, и Косово стремятся вступить прежде всего в ЕС, а уже потом – в ООН.

Базовые документы ООН и сейчас, после одностороннего провозглашения декларации о независимости властями Приштины, продолжают определять косовское урегулирование. Принципиальная линия России состоит в том, что Совет Безопасности должен оценить этот акт как незаконный, противоречащий нормам международного права³¹. Верховенство закона — стержень правовой основы миссии ООН. Но сама резолюция по итогам произошедших событий до сих пор не составлена, а все страны-члены Совета Безопасности интерпретируют нормы международного права по-разному, единства в этом главном вопросе нет. Единой формулы урегулирования международных региональных конфликтов нет. Строгого понимания основополагающего мандата миссии в Косово также нет.

США и некоторые европейские страны представляют дело так, что автономия Косово в составе Сербии была рассчитана на переходный период, а значит, и резолюция 1244 (1999), не исключавшая, на их взгляд, независимости Косово, вовсе не нарушалась, а, оставаясь основой, просто себя исчерпала. Это яркое свидетельство того, что принятые документы являются по сути проти-

воречивыми и половинчатыми. Отсылки к базовым правовым основам носят декларативный характер для всех сторон, нечеткость формулировок не исключает возможности их произвольной интерпретации. Реакция России на развитие событий была запоздалой, российская позиция приобретала внятные и определенные формы слишком медленно и не смогла предотвратить негативные процессы, принявшие необратимый характер. Хотя ею и были в результате разработаны сбалансированные принципы статусного процесса, допускавшие многовариантность развязки конфликта, не нарушавшие суверенитет Сербии, но добиться воплощения его в жизнь Россия не смогла. Более того, отсутствовал соответствующий механизм их реализации.

Характерно, что все члены Совета Безопасности высказались за сохранение базовой резолюции 1244 (1999). Но дальнейшее развитие ситуации представлялось по-разному. Для России - неоднозначным и противоречивым, в случае немедленного предоставления независимости Косово по принципу национального самоопределения (естественно, албанского) и нарушения территориального единства Сербии. А для Запада – безоговорочное признание нового суверенного государства, по национальному принципу, отстаивавшего свою независимость и преодолевшего авторитарные централистские тенденции сербского государства. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что намерен действовать эффективным, реалистичным и конкретным образом. При этом он стремился проявить себя как вполне самостоятельная политическая фигура и предупредил, что в ожидании руководящих указаний Совета Безопасности ему придется вносить коррективы с учетом развития событий и изменений на местах – с тем, чтобы ситуация в плане безопасности оставалась стабильной³². Ясно, что свои заявления Генсек согласовывал с Западом, а опередить Совет Безопасности до принятия официального решения он старался с целью избежать вероятного наложения на него Россией вето. И действительно, 12 июня 2008 г. Пан Ги Мун направил Совбезу доклад с предложениями об изменении структуры миссии ООН в Косово с тем, чтобы передать контроль за безопасностью в Косово спецмиссии Евросоюза. Миссия ООН, по его мнению, будет выполнять функцию наблюдателя и посредника в переговорах руководства края Косово. Россия же неоднократно заявляла, что какое-либо изменение международного присутствия в Косово без соответствующего решения Совбеза – нелегитимно. Генсек не вправе принимать решения, относящиеся исключительно к сфере компетенции Совбеза³³.

Суть дела, на наш взгляд, не только в сепаратизме и разрушении целостности Сербии, а в том, что произведена попытка провозгласить государственность по этническому и религиозному принципу. Этот новый международный прецедент усилит центробежные тенденции раздробленности и, соответственно, будет иметь негативные последствия для всех государств.

Россия заявила, что односторонние решения косовского руководства чреватые эскалацией напряженности и межэтнического насилия в крае, новыми конфликтами на Балканах, а поддержка сепаратизма грозит опасными последствиями для складывавшихся десятилетиями устоев миропорядка, международной стабильности, авторитета решений Совета Безопасности ООН³⁴. Очаг конфликтной ситуации находится именно в Косово, а Сербия и Албания вовлечены в него опосредованно.

Перспективы дальнейшей выработки и корректировки совместной единой

позиции Совета Безопасности ООН остаются противоречивыми и неопределенными. Формальным отсылкам к базовым правовым нормам сопутствует поиск лазеек для их обхода. Вопрос международно-правового статуса Косово остается открытым, причем не только из-за интересов Сербии, но из-за готовности России и Китая заблокировать вступление Косово в ООН. Совет Безопасности не смог выработать единую позицию по вопросу об одностороннем провозглашении независимости Косово. Россия, Китай, ЮАР, Сербия, Вьетнам, Ливия, Индонезия выступили против признания независимости Косово, а США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Бельгия — высказались за, заявив, что Косово должно стать независимым³⁵. Расклад сил в Совете Безопасности — не в пользу России. Представитель Великобритании заявил, что провозглашение и признание независимости Косово было предопределено действиями сербских властей, направленных на изгнание албанского населения края в 1999 г. Он призвал Сербию воздерживаться от каких-либо санкций в отношении нового государства. США высказались за установление полных дипломатических отношений с Косово³⁶. Экстренное заседание СБ ООН было сорвано по настоянию Сербии и России, которые потребовали от ООН признать решение косовских властей от 17 февраля 2008 г. незаконным. Генсек ООН Пан Ги Мун отказался выносить на рассмотрение Совбеза этот вопрос, заявив, что не собирается аннулировать одностороннюю независимость края. Не вызвало протеста с его стороны и развертывание миссии ЕС в крае без соответствующего мандата ООН, когда он привел прямо противоположную аргументацию, сославшись на то, что этот вопрос находится в компетенции Совбеза, а не Генсека лично.

Двойные стандарты неуклонно заводят в тупик. Рассуждая о необходимости сохранения территориальной целостности Сербии, Россия полагала, что это даст толчок обвальному признанию независимости конфликтных территорий на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Карабах и т.д., что и произошло), обвиняя Запад в утверждении несостоятельного принципа «права наций на самоопределение». Одновременно Россия, предлагая пути решения «постсоветских конфликтов», ссылаясь на совершенно иной принцип — «статус гражданства» (так, более 90 % населения Абхазии имеет российское гражданство). В результате Россия, не признав Косово, признала независимость Абхазии и Южной Осетии, мотивируя это необходимостью их защиты от грузинской агрессии. Еще задолго до развернувшихся событий многие осмотнительные политики предупреждали о том, что признание этих республик продемонстрирует беспринципность России. Ведь ее отношение к независимости Косово базируется совсем на иных принципах. Очевидно, что отношение к независимости должно основываться на единых, а не на противоположных принципах. Надо также уметь взвешивать последствия своих шагов³⁷.

Показательно в этом плане мрачное замечание-«предвидение» известного американского дипломата и политолога Г. Киссинджера о том, что решение конфликтных ситуаций требует вложения немалых средств, поэтому можно считать разрешение конфликтов на постсоветском пространстве прерогативой России. По сути, он намекнул на перманентную экономическую и политическую слабость России, на ее неспособность в принципе урегулировать ситуацию. И тем отстаивал идею правомерности вооруженного вмешательства во внутренние дела государств (доктрина «гуманитарной интервенции») со стороны «единственного центра силы» (США)³⁸.

Характерно, что Бутрос Гали, уже не будучи переизбранным на второй срок в должности Генсека именно из-за неудач ООН в области миротворчества, выразил разочарование не в результатах лично своей деятельности, а в системе ООН как таковой. Он заявил, что «применение силы в превентивных целях («право на превентивную войну») противоречит ст. 51 Устава ООН («о праве на самооборону»)), хотя сам был разработчиком этого аспекта реформы миротворчества. Более того, констатировав ослабление роли ООН в целом, он поставил под сомнение принципы многосторонности и предложил передать мандаты ООН другим организациям, естественно намекая на НАТО, посетовав одновременно на то, что постоянные члены Совбеза ООН не хотят ограничить применение право вето³⁹.

Подчеркнем, что воззрения США не свободны от идеологической заданности. Гегемонистские устремления США под предлогом борьбы за демократию «по-американски» прослеживаются в них совершенно отчетливо. Отсюда, зачастую, пренебрежительное отношение к ООН как к некому анахронизму прошлой эпохи. Но противоречивость воззрений состоит в том, что нельзя выступать против ООН, но одновременно хотеть быть ее участником для сохранения своего непрерываемого лидерства в мировой политике. Создание иной международной организации – аналога ООН – под эгидой США и без участия России – цель достаточно иллюзорная.

В свое время у России не хватило политической воли и материальных средств для предотвращения негативного развития ситуации в Косово. Теперь, справедливо исключая силовые методы, Россия не должна сводить свои усилия к политическим декларациям, а добиваться введения в действие совершенных, единых для всех норм международного права.

Неизбежно придется задумываться как об урегулировании взаимоотношений между Сербией и Косово, так и между сербами и албанцами в самом Косово, поскольку с принятием независимости Косово этот вопрос остается открытым. Ясно, почему американцы и некоторые европейцы так рьяно требовали независимости Косово. Причина, очевидно, в следующем. С одной стороны, американцы хотят оправдать бомбардировки Югославии, которые, кстати, впервые осуществлялись без разрешения Совета Безопасности ООН. Дескать, были они не напрасны: вместо Милошевича в Белграде к власти пришли «демократы», произошло отделение Черногории, а теперь независимость получило Косово. Цикл завершен. С другой стороны, настойчивость в отношении Косово, как представляется, связана с внутривнутриполитической обстановкой в США. Буша в основном критикуют в стране за то, что он принял без поддержки союзников решение о самостоятельном применении силы в Ираке, последствия которого весьма печальны. А сейчас Вашингтону понадобилась какая-то акция, в которой они действовали бы совместно с западноевропейскими союзниками. Но опять-таки вопреки Совету Безопасности ООН. И вот ухватились за Косово⁴⁰.

Некоторые американские политики считают, что надо вывести США из-под власти ООН, отказаться от финансирования миротворческих миссий ООН и прекратить любое участие в них вооруженных сил США. Однако есть в США и такие политики, которые выступают в поддержку эффективной многосторонней дипломатии. По поводу конфликта в Косово они справедливо полагают, что существование двух албанских государств (самой Албании и албанского Косово) – ошибка и виноваты в этом тупике сами США. Разделение Сер-

бии противоречит национальным интересам США. Косовский фактор создает нестабильность на Балканах и ухудшает отношения США с Россией. Поддержка независимости Косово опровергает резолюцию Совбеза ООН 1144. Тупик – явное следствие того, что Совбез ООН отрицает сам себя⁴¹. В подобных заявлениях как нельзя более точно выражен смысл кризиса ООН.

В условиях усиления роли региональных организаций, прежде всего НАТО, в решении международных конфликтов, в интересах России – не допустить вытеснения ООН на обочину миротворческой деятельности, отстоять ее координирующую роль в этой области. Однако позиция России по Косово выявила настоятельную необходимость совершенствования норм международного права и исключения двойных стандартов их применения. Эффективность политики России в ООН недопустимо снижалась. Многие конфликты имеют глубокие корни и перешли в XXI век из прошлого, так и не получив своего разрешения. У России есть мощный потенциал для улучшения сложившейся международной ситуации. С точки зрения национальных интересов, деятельность России в ООН определяется двумя фундаментальными обстоятельствами: статусом Российской Федерации как постоянного члена Совета Безопасности ООН, что предполагает особую ответственность за поддержание мира, а также незаменимой ролью ООН как правовой организационной основы для формирования демократической многополярной системы международных отношений.

Позиция России в отношении миротворческой деятельности ООН базируется на том, что выработка действенных механизмов предотвращения кризисов, усовершенствование миротворчества и укрепление его базы должно происходить в тесном взаимодействии с региональными организациями, но с учетом центральной роли Совета Безопасности. Реформа миротворческой системы ООН должна продвигаться в двух основных направлениях: совершенствование самого механизма кризисного реагирования (миротворческого потенциала) и выработка четких правовых аспектов применения силы в международных отношениях.

Относительно первого направления реформы Россия выступает, во-первых, за повышение качества планирования и подготовки миротворческих операций, а также оперативности их развертывания. Для реализации этой цели предлагается «создать хорошо обученные многонациональные объединения по пять тысяч человек в каждом, которые можно было бы развернуть в любой «горячей точке» за один месяц»⁴². При этом речь идет не о собственной «армии ООН», а о придании силам ООН приоритетного статуса в ведении военных действий по разъединению конфликтующих сторон. В политическом плане важное значение имеет строгое выполнение выдаваемых Советом Безопасности мандатов операций, которые в свою очередь должны быть предельно ясными, выполнимыми и подкрепленными соответствующими ресурсами. Во-вторых, по мнению России, серьезного изучения заслуживают пути совершенствования «санкционных» режимов. Россия добивается того, чтобы впредь Совет Безопасности вводил санкции не бессрочно, а на строго оговоренный период времени, причем с обязательным анализом их возможных гуманитарных последствий и принятием мер по недопущению страданий гражданского населения и негативного воздействия санкций на третьи страны. В-третьих, Россия продолжает продвигать в ООН идею о необходимости активизации деятельности Военно-штабного комитета, которая произойдет лишь при условии участия

в его управлении всех постоянных членов Совета Безопасности. В-четвертых, Россия поддерживает расширение сотрудничества ООН с региональными организациями в рамках главы VIII Устава ООН⁴³. В частности, наша страна реализует это положение, развивая взаимодействие ООН и СНГ в области миротворчества. При этом подмена ООН региональными структурами недопустима.

Что касается второго направления реформы, то очень важно соблюдение основ международного права в области миротворчества, и прежде всего – Устава ООН. Так, Россия внесла в ООН инициативу «о том, чтобы коллективно уточнить правовые аспекты применения силы в международных конфликтах в условиях глобализации», которые не должны нарушать базовых принципов суверенитета и территориальной целостности государств. Необходимость обсуждения этой проблемы вызвана практикой нарушения норм международного права со стороны США, которые оправдывают свои действия теориями «ограниченного суверенитета» и «гуманитарной интервенции», которые идут вразрез с такими понятиями, как территориальная целостность и нерушимость границ. Россия, отстаивая необходимость соблюдения норм международного права в международных отношениях, выступает за приоритетное использование возможностей превентивной дипломатии для раннего предупреждения кризисов и их предотвращения. Что же касается мер принуждения к миру, то, по мнению России, их следует использовать крайне осторожно, «и уж тем более не допускать того, чтобы они превращались в репрессивный инструмент воздействия на неугодные кое-кому государства и народы»⁴⁴.

Несмотря на очевидный системный кризис, ООН — это мандат на легитимные действия в мире. ООН эффективна тогда, когда существует единство пяти постоянных членов Совета Безопасности относительно того, что нужно делать, либо молчаливое понимание одного—двух членов, что не надо мешать — и тогда можно что-то делать. Как показал Косовский конфликт, когда не существует единства постоянных членов Совета Безопасности — ООН бессильна. Но противоречия нагнетать нельзя, надо совершенствовать механизм, чтобы справляться с ситуациями, грозящими разрушению системы международной безопасности. На это, главным образом, и направлена реформа ООН.

Универсальные основы ООН необходимо сохранить. Сложившуюся систему безопасности нужно совершенствовать, но нельзя разрушать. Изменения должны быть эффективными, но осторожными, особенно в таких чувствительных областях, как безопасность. В условиях усиления влияния региональных организаций в урегулировании международных конфликтов Россия настаивает на том, что центральная роль в области миротворчества должна принадлежать ООН как глобальному механизму, позволяющему в большей степени избегать проявления узконациональных интересов при подходе к конфликтам, чем региональным механизмам. Негативные тенденции в мире еще не изжиты: расширяется конфликтное пространство в мировой политике. Особую остроту приобретают региональные конфликты, которые несут даже большую опасность, чем глобальные. Правовые нормы решения международных конфликтов не всегда в полной мере отражают специфику урегулирования региональных конфликтов.

Очевидно, что в современных условиях силовые решения международных проблем неприемлемы. Для большинства стран ООН предпочтительна потому, что она позволяет участвовать в операциях по поддержанию мира и «принуж-

дения к миру» вооруженным силам государств, не являющихся членами военно-политических блоков. В вопросах применения санкций по линии ООН Россия исходит из того, что различные ограничительные меры могут вводиться исключительно резолюциями Совета Безопасности. Подобные решения должны оставаться крайней мерой, когда другие средства воздействия исчерпаны. Решения о введении санкций должны быть строго адекватны имеющейся угрозе, предусматривать четкие ограничения по их срокам действия, возможность обзора, порядок отмены таких мер, содержать гуманитарные поставки. Соответствующие экспертные специализированные учреждения и подразделения секретариата ООН должны заранее проводить оценки возможных гуманитарных последствий санкций, еще на этапе рассмотрения вопроса о целесообразности их введения Советом Безопасности. Многие нормы международного права требуют уточнения и приведения в соответствие с современными реалиями.

Таким образом, есть необходимые и достаточные условия для преодоления кризиса миротворческой деятельности ООН. На это нацеливает реформа ООН и стремление России проводить конструктивную и последовательную деятельность на этом важнейшем направлении. Устранить ООН как устаревший механизм — значит, разрушить всю систему международной безопасности. Если и будет создана иная международная организация — аналог ООН, — то уже без участия России.

ООН не идеальная структура, но лучшая в современном мире. С усложнением мировых проблем стало очевидным, что эта организация нуждается в серьезной перестройке. Интересно в этом плане мнение министра иностранных дел С.В.Лаврова, многие годы представлявшего Россию в ООН: «Конечно, международные отношения не стоят на месте, и ООН как живой сложный организм требует обновления. Реформы — не самоцель. Они призваны повысить эффективность Организации, а это возможно только на путях обеспечения максимально широкого согласия по всему комплексу реформенного процесса»⁴⁵. Именно такой взвешенный и солидный подход составляет основу участия России в деятельности ООН. Сегодня мир становится многополярным. Появляются новые центры силы, которые развиваются даже быстрее, чем США и Европа. Политика будущего — это самостоятельная политика современной России, которая снова заняла подобающее ей место в мире. Именно благодаря ее принципиальной позиции можно будет реформировать ООН и преодолеть кризисные ситуации исключительно политическими методами. XXI век будет веком именно таких стран, как Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. UNO. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping. N.Y., 1992.
2. Устав ООН. Глава VI.
3. Устав ООН. Глава VII; Бутрос Б. Гали. Повестка дня для мира. Нью-Йорк, 1995. — С. 78, 95.
4. Деятельность ООН по поддержанию мира. М., 1997; Петровский В.Ф. Миротворческая стратегия ООН // Международная жизнь. №3. — 1998; Гускова Е.Ю. Кризис в Косово. — НИИ. 1999. — № 5; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. М., 2001; Arbatov A, Chase G, Olson L. Managing Conflicts in the Former Soviet Union. CSIA Studies. Harvard University. 1997; The Evolution of UN Peacekeeping: Case Studies and Comparative Analysis. N.Y., 1993; 50 years of UN Peacekeeping. DPI. UN. N.Y., 1998 и др.
5. Гришаева Л.Е. Россия и ООН: история и современность. М., 2007. С. 418-439.
6. Гришаева Л.Е. Там же.
7. Лавров С.В. О внешнеполитических итогах 2007 г. Док. МИД РФ. М., 2007.

8. Послание министра иностранных дел РФ А.В. Козырева Генеральному секретарю ООН Бутросу Б. Гали от 21 февраля 1992 г. // *Внешняя политика России, 1990—1992. М., 1996. – С. 288.*
9. ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 49-я. 1994 г. Официальные отчеты: 5-е пленарное заседание. Док. А/49/PV.5.
10. Там же.
11. Примаков Е.М. Выступление министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // *Внешняя политика России, 1996. М., 2001. – С. 449.*
12. Там же.
13. Примаков Е.М. Минное поле политики. М., 2007. – С. 211.
14. Там же. – С. 211-212.
15. Там же. – С. 213.
16. Там же. – С. 214.
17. Там же. – С. 215.
18. Там же. – С. 216.
19. Там же. – С. 217.
20. Устав ООН. Глава VII.
21. Примаков Е.М. Минное поле политики. С. 218.
22. Там же. С. 297.
23. Там же. С. 299.
24. Там же. С. 301.
25. Там же. С. 305-306.
26. ООН. Резолюция Совета Безопасности 1244 (1999). Док. S/1999/779.
27. ООН. Доклад «тройки» представителей ЕС, США и РФ по Косово от 4 декабря 2007 г. Док. S/2007/723.
28. ООН. Док. S/2007/943.
29. Выступление постоянного представителя РФ при ООН В.Чуркина. 10 октября 2007 г. Док. МИД РФ. М., 2007.
30. Выступление постоянного представителя РФ при ООН В.Чуркина. 12 марта 2008 г. Док. МИД РФ. М., 2008.
31. Выступление постоянного представителя РФ при ООН В.Чуркина. 12 марта 2008 г. Док. МИД РФ. М., 2008.
32. Выступление Генсека ООН Пан Ги Муна. Отчет о заседании Совбеза ООН по Косово. 16 февраля 2008 г. Док. S/PV.5839.
33. Доклад Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна СБ ООН. 12 июня 2008 г. – UN Org./News/Press// Doc. 2008.
34. Заявление МИД РФ по Косово 17 февраля 2008 г. Док. МИД РФ. М., 2008.
35. ООН. Резолюция Совета Безопасности. Док. S/2008/89.
36. Заявления представителей Великобритании и США при ООН. Док. ООН. 18 сентября 2008 г. – UN Org./News/Press/Doc. 2008.
37. Интервью Е.М.Примакова. Россия сегодня многих изумляет // *Литературная газета. №16. 16-22 апреля 2008 г.*
38. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. – С. 732-763.
39. Выступление Бутроса Б. Гали в Дипакадемии МИД РФ. 22 января 2007 г.- www.diacademy.ru.
40. Примаков Е.М. Россия сегодня многих изумляет. // *Литературная газета. 16-22 апреля 2008 г. № 16 (6168). – С. 3.*
41. Интервью Дж.Болтона на пресс-конференции по поводу провозглашения независимости Косово. 12.03.2008. – UN Org./News/Press//Doc. 2008.
42. Выступление Президента РФ В.В.Путина. ООН. Генеральная Ассамблея. Сессия 55-я. Официальные отчеты: 3-е пленарное заседание. Н.-Й., 2005.
43. Устав ООН. Глава VIII.
44. Выступление министра иностранных дел РФ И.С. Иванова в Сенате Франции. Париж, 27 октября 1999 г.
45. Лавров С.В. Годы на Ист-Ривер: к юбилею всемирной организации. - // *Международная жизнь. 2005. – № 7-8.*

IV. Политология

А.А. Павлюк

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ВОЗЗРЕНИЯ Ф. ФУКУЯМЫ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Аннотация

В данной статье рассматриваются взгляды Ф. Фукуямы на политические процессы периода окончания «холодной войны». Подробному рассмотрению подвергается статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», написанная в 1989 году. Соотносятся тезисы Ф. Фукуямы, заявленные в статье, и реальное положение дел в мире после крушения коммунистической системы. В итоге становится понятно, что Фукуяма был не совсем прав в своих выкладках, и «конца истории» не произошло, а, напротив, был открыт новый этап в международной политике. Как некий противовес взглядам Фукуямы, рассматривается концепция С. Хантингтона и делается вывод, что его построения ближе к исторической реальности, чем идеи Ф. Фукуямы образца 1989 года.

Американец японского происхождения, Фрэнсис Фукуяма в своей статье «Конец истории?» 1989 г. предложил оригинальное видение бесконфликтного мира после завершения «холодной войны». Тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» стал самым известным манифестом триумфа победы США в «холодной войне» и дезинтеграции СССР и коммунистического блока как системной альтернативы экономическому либерализму.

Однако высказывание Ф. Фукуямы о том, что в «... двадцатом веке либерализму пришлось бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом и фашизмом и, наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны...»¹ есть не что иное, как искажение истории XX века - обвинение СССР в инициировании ядерной гонки вооружения является грубым искажением истории. Заявление Фукуямы о неоспоримой победе экономического и политического либерализма является ничем не обоснованным утверждением – лишь самонадеянный человек способен превозносить экономический либерализм как наивысшее достижение человечества.

Фукуяма в своей статье 1989 г. утверждал, что современную политическую действительность после завершения «холодной войны» можно описать как конец истории. Ф. Фукуяма писал о грядущем печальном постисторическом периоде, в котором нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории как «завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления». Фукуяма предложил свою концепцию «конца истории» как пролиферацию западной культуры, основными состав-

ляющими которой являются либеральная демократия и потребительская массовая культура. Однако безысходность такой духовной ситуации, может вынудить историю, по мнению Фукуямы, «взять еще один, новый старт?»² Таким образом, в «Конце истории» Ф. Фукуямы можно найти некоторый фатализм.

По мнению Ф. Фукуямы, «в эпоху глобализации происходит ослабление роли нации-государства и замена национальных интересов интересами международного бизнеса в лице транснациональных корпораций»³. Как полагает Фукуяма, глобализация как процесс международных отношений, несмотря на ее недостатки и издержки, является прогрессивным процессом, способствующим расширению и гомогенизации «рыночно-демократического» пространства. Таким образом, те факторы и акторы, которые способствуют глобализации, являются позитивными по своей сути, а все, что противодействует глобализации - реакционно; а главным конфликтом современности является борьба сил интеграции («добра») и дезинтеграции («зла»);

Как показали глобальные политические процессы и политические процессы после краха коммунизма на постсоветском пространстве, тезис Фукуямы о «конце истории», который открывает лишь «перспективу многовековой скуки»⁴ и всеобщей победы либеральных ценностей, оказался несостоятельным. Проблемы, связанные с поддержанием статуса гегемона, с которыми сталкивается американская неоимперская политика, ставят под вопрос саму возможность США возглавлять триаду процессов, обозначенных Фукуямой как «глобализация - маркетизация - демократизация». Сам Фукуяма ставит под сомнение, являются ли указанные процессы магистральным направлением мировой политики. Фукуяма признает непредсказуемость истории, когда непредсказуемое развитие науки ставит вызовы, грозящие радикально трансформировать человеческую среду обитания и природу⁵.

Несмотря на прогнозы Фукуямы, «конец истории» не состоялся – коммунистическая идея провалилась, но западная идея не победила. В настоящее время объектом критики стали институты политической власти не только авторитарных режимов и диктаторских правительств - критика и отторжение начинают распространяться на все современные политические системы. Поскольку экономическая и социальная структура постиндустриального общества являются более сложными, чем структура доиндустриального и индустриального общества, то ошибки, совершаемые правительствами, будут все более серьезными. Ускоренное техногенное развитие экономики и общества вступает в противоречие с неадекватными государственными механизмами, которые, в силу своей традиционности и удаленности от стремительно развивающихся общественно-политических процессов, воспринимаются гражданами как архаичные и враждебные. Поэтому объявленная Фукуямой «блестящая победа экономического и политического либерализма» в развитых странах Западной Европы и Северной Америки не способна компенсировать неспособность многих правительств этих стран осуществлять эффективную макроэкономическую политику, а действия правительств этих стран на международной арене зачастую не вызывают симпатий у их граждан. Кроме того, успешное осуществление правительствами экономической и внешней политики зависит от мировой экономики и политики, которые в настоящее время не в состоянии контролировать ни одно правительство, даже правительство США.

Более того, во многих странах третьего мира именно после завершения «хо-

лодной войны» возобновились или ожесточились внутренние конфликты и гражданские войны. Гражданская война представляет наиболее ожесточенный внутренний вооруженный конфликт. Для данного вида конфликта характерна длительная протяженность во времени и пространстве, а также вовлеченность в вооруженное противостояние социальных, этнических, религиозных общностей и групп, которые стремятся с помощью оружия достичь политических, социальных и экономических интересов. Ф. Фукуяма предполагает, что в будущем основным типом вооруженного конфликта будет «молекулярная гражданская война». Фукуяма полагает, что вероятность появления таких войн в демократической и стабильной части мира постоянно снижается⁶. Однако большинство стран «второго», «третьего» и «четвертого» мира, особенно в Африке, Азии и на постсоветском пространстве еще долгое время не смогут трансформироваться в процветающие государства. Поэтому будут сохраняться причины для появления и эскалации внутренних вооруженных конфликтов, способных превратиться в межгосударственные и в региональные конфликты. Этому будет способствовать все увеличивающаяся нехватка природных ресурсов для быстрорастущего населения планеты⁷. Таким образом, концепция Фукуямы о «конце истории» как парадигмы исследования международных политических процессов стала объектом многосторонней критики.

В 1990-е гг. процессы международной политики во многом были обусловлены крахом советского блока и смены лояльности держав «третьего» и «четвертого» мира. «Холодная война была конфликтом двух крайних версий прогрессизма - социализма и неоклассического капитализма, – пишет японец Сакакибара. – Крах идейных основ социализма и окончание холодной войны избавили мир от гражданской войны между двумя версиями прогрессизма, заслонившими подлинно фундаментальный вопрос о сосуществовании различных цивилизаций»⁸. Однако после окончания «холодной войны» в странах «второго», «третьего» и «четвертого мира» возобновились латентные этнические и религиозные конфликты, которые разрушили мечты глобалистов о триумфе демократии и глобализации⁹. Таким образом, крах советского блока и коммунистической идеологии не привел к «концу истории», предсказанного Фукуямой, а привел к появлению новых акторов в политической жизни и международной арене. И, как полагают американские футурологи Альвин и Хайди Тофлер, поскольку каждая из цивилизаций располагает аутентичными морально-психологическими, экономическими, политическими, социокультурными кодами поведения, то ожидание мира и спокойствия - вершина стратегической наивности¹⁰. Поэтому с середины 1990-х гг. в академической среде стали появляться сомнения в верности предсказаний Ф. Фукуямой о «конце истории». Так, С. Хантингтон¹¹ предложил другую парадигму исследования международных политических процессов – как историю цивилизаций, сотрудничающих или конфликтующих на основе религии и культурных ценностей.

К большому сожалению, отмечает Л. Медведко, последняя декада прибавила новые аргументы в пользу концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций¹². Будущее системы международных отношений зависит от возможности цивилизаций с различными культурно-религиозными и историческими традициями сосуществовать, взаимно признавая право на самобытность. «Хотелось бы ошибиться, но прежде чем толерантность станет доминантой общечеловеческого сознания, предстоит пережить еще немало межэтнических и межрелигиозных конфликтов»¹³. А. Неклеса также отмечает, что в «1914

г. не были ли призывы социалистов отказаться от войны сметены беспрецедентной националистической лихорадкой в Германии и Франции? Пакт Брайана-Келлога 1928 г., который поставил войну «вне закона» не остался ли в сущности тщетной и бессодержательной попыткой?»¹⁴ Таким образом, можно лишь предполагать, насколько тезисы Фукуямы о «конце истории» оказались нерелевантными в сентября 2001, и насколько верна парадгма С. Хантингтона о «цивилизационном шоке».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. – № 3. – С. 134-148.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. – № 3. – С. 148.
3. Цит. по: Литвишко О.М. О понимании национального интереса России в эпоху глобализации // Научная конференция «Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на Северном Кавказе», 17 июля. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2004. – С. 20.
4. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. – № 3. – С. 148.
5. Fukuyama F. Second Thoughts // The National Interest. Summer 1999. P. 28-29, 33.
6. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 188-189.
7. Homer-Dixon Th. F. Environmental Scarcities and Violent Conflict // International Security. Summer 1994. Vol. 19. No.1. P. 5-40.
8. Цит. по: Неклесса А. Конец цивилизации или конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. 1999. – № 3. С. 36.
9. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990. – № 3. – С. 134-148.
10. Toffler A., Toffler H. War and anti-war: Survival at the Dawn of the 21st Century. London, 1993. P. 164
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. // Полис, 1994. – № 1. – С. 33-48.
12. Медведко Л. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох (Геополитический ракурс). Москва - Жуковский: Кучково поле, 2003. – С. 111-112.
13. Медведко Л. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох (Геополитический ракурс). Москва - Жуковский: Кучково поле, 2003. – С. 480.
14. Неклесса А. Конец цивилизации или конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. 1999. – № 3. – С. 35,

Список литературы

Ресурсы Интернета

На русском языке:

1. Бунаков М.Ю., Лукин В.Н. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации // Credo New - теоретический журнал. 2006. – № 1. http://www.orenburg.ru/culture/credo/02_2006/11.html. - 25.05.2007.
2. Фукуяма Ф. Жизнь после истории // Русский Журнал 18.03.1998 http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-03-18/fukuya.htm

Монографии

На русском языке:

1. Джуринский Л.Н. Воспитание в России и за рубежом. М.: Провещение, 2006. – 175 с.
2. Медведко Л. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох (Геополитический ракурс). Москва - Жуковский: Кучково поле, 2003. – 512 с.
3. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

На иностранных языках:

1. Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y., 1996.
2. Toffler A., Toffler H. War and anti-war: Survival at the Dawn of the 21st Century. London, 1993.

Статьи

На русском языке:

1. Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. 2003. – № 4. – С. 64-72.
2. Иноземцев В.Л. Рецензия на книгу: Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y., 1996 // Свободная мысль, 1998. – № 1. – С. 125–126
3. Ласло Э. Жить при многообразии культур // Экология и жизнь, 1999. – № 4. – С. 9-11.
4. Литвишко О.М. О понимании национального интереса России в эпоху глобализации // Научная конференция «Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на Северном Кавказе», 17 июля. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2004. – С. 20-24.
5. Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм. // Логос, 2000. – № 5-6. – С. 159-166.
6. Неклесса А. Конец цивилизации, или Конфликт истории // Мировая экономика и междунар. отношения. М., 1999. – № 3. – С. 32-38.
7. Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации: Материалы семинара, (Воронеж, 25-30 июня 2001 г.) /М.К. Попова (отв. ред.) и др. Воронеж.: Полиграф, 2001. – 131 с.
8. Рыжова С.В. Представления о неравенстве этнических групп //Этнопанорама. 2002. – № 1. – С. 12-23.
9. Терборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. – № 1. – С. 50-67.
10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
11. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. – № 3. – С. 134-148.

На иностранных языках:

1. Fukuyama F. Second Thoughts // The National Interest. Summer 1999.
2. Homer-Dixon Th. F. Environmental Scarcities and Violent Conflict // International Security. Summer 1994. Vol. 19. No.1. P. 5-40.
3. Huntington S. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs/ September-October 1997.

А.А. Глушаченков

Военно-воздушная инженерная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена необходимостью комплексного научного исследования уникальных событий конца XX века в России и, кроме того, тем, что они произошли сравнительно недавно и характеризовались колоссальной политизацией общества, широчайшим развитием печати и возрастанием ее роли в формировании мировоззрения людей и активным участием в них армии.

Российскую действительность начала 90-х годов небезосновательно можно отнести к эпохальным периодам не только отечественной, но и мировой истории. В декабре 1991 года Российская Федерация вместе с другими республиками бывшего Союза вступила на путь самостоятельного существования. Падение союзного центра требовало от российского руководства срочно определить новые приоритеты внешней и внутренней политики страны, отношение к наследию Союза, решить принципиальные вопросы социально-экономического выбора, а также государственного устройства.

Россия, став самостоятельным независимым государством, после распада СССР получила тяжелое наследство. Прежде всего, огосударствленную экономику, основанную в значительной части на устаревших технологиях, слабо восприимчивых к достижениям научно-технического прогресса. Ее продукция была преимущественно неконкурентоспособной на мировом рынке (кроме военной техники) и не удовлетворяла растущих потребностей – на внутреннем.

После августовских событий по существу рухнула советская система. Продолжала нарастать напряженность в обществе, хотя казалось, что август 1991 года снял политические препятствия на пути осуществления реформ. Но распад СССР и наступившая неоправданно долгая пауза осложнили ситуацию. Появление независимой, суверенной России сразу же поставило ее в условия перманентного политического кризиса, угрожавшего реальным расколом общества сверху до низу, распадом Федерации и реальной перспективой гражданской войны.

Русская история наглядно показала, что Россия держалась армией и почти всегда существовала как военная держава, а армия была главной силой и символом государственной власти. Почти сто лет назад известный русский публицист М.О. Меньшиков, как и многие другие, подчеркивал: *« Армия вовсе не есть место для свалки нечистот. Армия есть величайшая драгоценность народа, необходимейший орган, обеспечивающий государству жизнь...Армию надлежит оберегать как святыню, заботясь всемерно о сохранении ее духа...»¹.*

Раскрывая данную проблематику, по нашему мнению, целесообразно показать характер публикаций после событий в Москве в августе 1991 года, обошедшихся казне в 15,5 млн. рублей². Но, вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на соотношение числа сотрудников МВД и военнослужащих Вооруженных Сил СССР, введенных в Москву по распоряжению ГКЧП. Армия к той истерии, которая развернулась вокруг нее после этих событий, была абсолютно непричастна, ибо в Москву было введено 70 тысяч сотрудников МВД и всего лишь 4 тысячи военнослужащих Советской армии, львиную долю которых составил личный состав гвардейской Таманской дивизии³.

Первый блок статей связан с опубликованием материалов допроса организаторов ГКЧП, которых пресса окрестила «Кремлевскими мудрецами» и секретных приказов армейских начальников в поддержку путча⁴. Сюда же автор отнес и освещение в прессе парламентских слушаний об участии руководящего состава Вооруженных сил в ГКЧП. 9 заместителей министра обороны, 10 командующих округами, в том числе и командир Таманской дивизии генерал-майор В.Марченков, были освобождены от должности. Офицеров этой подмосковной дивизии вызывали в прокуратуру еще более года. По мнению парламентской комиссии, особую активность в поддержке «путчистов» проявило руководство Военно-воздушных сил⁵.

В следующий блок публикаций можно выделить: во-первых, статьи, осуждающие наличие правового поля, позволяющего выполнять даже «преступные приказы»: «Приказ и совесть», «Человек с ружьем: будет ли он стрелять в народ?», «Нынешняя формула присяги обязывает военнослужащих выполнить любой, даже преступный приказ» и др.⁶; во-вторых, статьи, в которых содержались выступления нового военного руководства Вооруженных сил - Министра обороны СССР Е.Шапошникова, начальника Генерального штаба ВС СССР С. Лобова, председателя Комитета по оборонным вопросам РСФСР П.Грачева, командира Тульской дивизии ВДВ А.Лебеда, которые осуждали вовлечение армии в «политические игры»: «...Вооруженные силы никогда, и ни при каких обстоятельствах не будут применены против своего народа...», «...Армия – не разменная монета...», «...Войскам была отведена роль политических заложников...», «...Это была бездарная авантюра...», «...Десантники против народа не пошли...»⁷.

В третий блок целесообразно выделить статьи, в которых приводятся данные опросов общественного мнения с оценками применения армии в разрешении политических конфликтов и уровня доверия к ней со стороны общества. В одном из таких опросов в январе 1991 года участвовало 962 человека из 13 городов страны. На вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы Советская армия взяла положение в России под свой контроль?»: «За» ответили - 28% респондентов (из них 14% в категоричной форме), «Против» - 58% (из них 36% в категоричной форме)⁸. А уже через месяц после провала путча, на вопрос «Как бы Вы отреагировали на использование властью армии и милиции для стабильности экономического положения в местности, в которой живете?», голоса респондентов распределились следующим образом: «Поддержали» - 12%, «Поддержали, но с оговорками» - 25,9%, «Попытались обойти контроль» - 6,6%, «Открыто протестовали» - 33%. У 22% опрошенных мнения на этот счет не оказалось⁹. Это свидетельствует о том, что, несмотря на критику в прессе, которая обрушилась на армию в тот период, уровень доверия к ней со стороны об-

щества был довольно-таки высоким, по отношению к другим органам власти, силовым структурам и церкви.

Нельзя не остановиться на оценочных суждениях хода и результатов военных преобразований в СМИ. Центральная печать уделила должное внимание работе VII Съезда народных депутатов в декабре 1992 года, на котором были подведены первые итоги становления и реформирования Вооруженных сил. Из 9 вопросов в повестке дня один, под № 8, был посвящен армии: «О положении в Вооруженных силах и военной политике». В ходе его обсуждения о необходимости дальнейших преобразований в армии выступили Президент РФ Б.Ельцин, Председатель Верховного Совета РФ Р.Хазбулатов и ряд депутатов¹⁰. С отчетом за 212 дней существования Российских Вооруженных сил выступил министр обороны П.Грачев. Говоря о первых шагах реформирования, он больше остановился на проблемах. Несмотря на то, что за указанный период удалось переподготовить и трудоустроить 220 военнослужащих и более 200 членов их семей, в течение 2-3 лет потребуются обеспечить жильем 400 тыс. семей. Создан денежный фонд для выплаты пособий уволенным военнослужащим.

Постановление VII-го съезда народных депутатов РФ «О положении в Вооруженных силах и военной политике РФ» определяло, что на современном этапе защита суверенитета и территориальной целостности России может быть обеспечена решением Вооруженными силами двух основных задач: сдерживанием от развязывания любых войн, направленных против России, за счет наличия стратегических ядерных сил и сил, оснащенных высокоточным оружием и средствами его доставки; оперативной нейтрализацией военных конфликтов высококомобильными силами общего назначения. На этом же съезде была создана депутатская группа «Реформа в армии»¹¹.

Не меньше внимания пресса уделила и годовичному существованию Российской армии¹². Главный итог подвел Президент РФ Б.Ельцин в своем выступлении перед руководящим составом Вооруженных сил: «... Армия становится армией... Армия выстояла в испытаниях и способна развернуть полномасштабную реформу...»¹³. Чуть позднее он заявил: «...Ныне армия существует...она мощная, организованная...»¹⁴.

Весь 1992 год и первая половина 1993 года прошли под знаком углубления экономического и политического кризиса. Логика развития политической конфронтации втягивала в нее все новые общественные силы и властные структуры. Президенту, правительству и их сторонникам противостояла мощная коалиция представительной ветви власти (Съезд народных депутатов, Верховный совет) и блокировавшихся с ней ряд оппозиционных партий и движений. Уже на VII Съезде народных депутатов России в декабре 1992 года экономическая политика правительства была признана неудовлетворительной, а Е. Гайдар не был утвержден на пост главы Правительства. В ответ Президент выступил с обращением к народу России, в котором обвинил съезд и руководство Верховного совета в саботаже реформ и попытке узурпации власти. Это было началом большого противостояния, когда общество стояло на краю пропасти.

В печатных СМИ все чаще стал появляться вопрос, чью позицию в этом противостоянии займет армия. Автор одной из статей, признавая ее «...грозной силой...», в тоже время констатировал: «... рассчитывать на них (военных-прим.автора) не приходится, слишком свежи воспоминания о 1991 годе...»¹⁵.

И все же в периодической печати стали появляться данные о политических настроениях в армии. Так, по данным газет «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда», 50% военных выступало на стороне Президента РФ¹⁶. Опубликованные же в центральных газетах итоги референдума в апреле 1993 года не смогли полностью прояснить позицию военнослужащих в этом вопросе¹⁷. Единственное, что смогло просочиться в прессу, это процент военнослужащих, принявший участие в голосовании (95%)¹⁸, и скупое заявление Министра обороны П.Грачева «...Армия идет по центру...»¹⁹. В приведенных в «Российской газете» окончательных итогах референдума была графа «МО РФ» (число граждан, внесенных в списки – 279.219 человек) и процентное выражение мнения армии к ее вопросам (см. табл. 1).

Таблица 1

Вопросы референдума	1	2	3	4
Ответы	«Да»	«Да»	«Нет»	«Да»
МО РФ 279.219 человек	67,53%	53,05%	55,9%	63,97%

Несмотря на заголовки ряда статей в прессе «Военные сохраняют нейтралитет ...», «Армейская карта не для игры», «Ситуация в России остается сложной. Армия сохраняет спокойствие», «У Президента и демократов есть долг перед армией. Но против народа она не пойдет», «У армии должен быть надежный иммунитет к политическим стрессам»²⁰ и др., на страницах печатных СМИ началась борьба за голоса армии со стороны Президента и Верховного совета РФ. Главной формой борьбы противостоящие стороны избрали издание указов, распоряжений, выступлений, обращений через печатные СМИ и, в первую очередь, через центральный орган печати Министерства обороны РФ – «Красную звезду», в которых было обещано повышение социально-экономического и политического статуса военнослужащих. Общее количество обращений к армии через печатные СМИ приведено в табл. 2.

Таблица 2

	Президент РФ	Верховный Совет РФ
Количество обращений в борьбе за голоса армии	17	18

Своеобразный резонанс в сознании военнослужащих вызвала публикация в «Красной звезде» от 11 августа 1993 года, в которой звучала резкая критика бездействия Президента РФ и Верховного Главнокомандующего в решении военных вопросов: «...Президент России за 1992 – 1993 годы издал 13 указов и 12 распоряжений, которые касались проблем армии – но ни один не работает. Где 8 млрд.рублей, выделенных на оборону и еще 2 млрд. долга за прошлые годы?...»²¹.

21 сентября 1993 года знаменовало новый крутой поворот в современной российской истории. В этот день Президент Б. Н. Ельцин подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». В соответствии с ним приостанавливались распорядительные и законотворческие функции съезда и Верховного Совета, объявлялось о проведении вы-

боров в новый двухпалатный парламент — Федеральное собрание Российской Федерации.

Над Россией нависла угроза двоевластия, многие СМИ предрекали гражданскую войну. Попытки Конституционного суда России вернуть ситуацию в исходное положение не увенчались успехом. Не примирило противоборствующие стороны и посредничество Московской Патриархии.

2 октября стороны перешли к действиям. В ночь с 3 на 4 октября Президент объявил в Москве чрезвычайное положение. В столицу были введены части элитных соединений российской армии: Таманской, Кантемировской и Тульской дивизий, а также войска МВД. Утром 4 октября парашютно-десантные подразделения при поддержке танков и бронетранспортеров начали штурм Дома Советов. Весь мир, затаив дыхание, следил за драматическими событиями в России. К вечеру все было закончено, вдохновители и военные руководители оппозиции: Р.Хасбулатов, А.Руцкой, генералы В.Баранников, К.Ачалов и А.Макашов арестованы. В ходе октябрьских событий в Москве, по официальным данным, погибло 150 человек.

Новая ситуация, сложившаяся в стране, определила и характер печатных публикаций, направленных на изучение общественного мнения о прошедших событиях²² и подготовку к предстоящим выборам в Государственную думу²³. Так, например, «Комсомольская правда» 13 октября 1993 года привела данные опроса москвичей, в которых в 53% их них одобрили действия власти на штурм Белого дома, 17,3% - высказались отрицательно, около 20% - никак не смогли оценить действия властей. Что касается оценки действий армии в этих событиях, то 37% оценили их слишком нерешительными, 13,6% — как слишком жестокие, около 30% - затруднились ответить.

Уже через 12 дней после штурма в газетах появились заголовки, возвещавшие о начале предвыборной кампании с опубликованием списка политических партий, претендующих на места в Государственную думу²⁴ (33 партии, 16 движений, 89 общественных объединений и 9 профсоюзных организаций)²⁵. Начальник Главного управления по работе с личным составом, генерал-лейтенант К.Богданов заявил о недопустимости политической агитации в частях Министерства обороны: «...Военнослужащие все узнают через центральные газеты, которые поступают через коллективную подписку, коллективный просмотр телевидения и прослушивания радио...»²⁶. Анализ же коллективной подписки в исследуемый период говорит о том, что самой массовой газетой, поступающей в войска, была «Красная звезда»²⁷. Именно в ней для привлечения голосов военных опубликовали свои программные документы ряд политических партий, такие, как «Выбор России», ЛДПР, КПРФ, «Яблоко», ПРЕС, «Гражданский союз», «Демократические реформы», «Достоинство и милосердие»²⁸. Весомую помощь военным избирателям оказал опубликованный анализ «Армейской карты блоков и партий» доктора исторических наук, заместителя директора Института Европы, члена Президентского совета С.Караганова на страницах «Красной звезды»²⁹. По мнению российско-американских экспертов, именно она была признана самой беспристрастной в освещении хода подготовки к выборам.³⁰ Но, по мнению автора, и она не смогла или не захотела прямо выразить симпатии к пропрезидентской партии «Выбор России»: «...У «Выбора России» список не внушительный, но она имеет шансы на большинство в парламенте (60)³¹...»; «...Многие кандидаты нам знакомы...»³² (с перечислением списка

кандидатов, которые торпедировали принятие ряда военных вопросов). «Красная звезда» публиковала прогнозы распределения мест в Думе³³ (лидирующее положение при этом занимал «Выбор России» - 153 места); проводила анализ предвыборных выступлений на телевидении и радио. Газета отмечала заметное преимущество партии «Выбор России» в 143 телепередачах и 35 часах на радио, выделяемых для выступления представителей политических партий³⁴.

Таким образом, важнейшим итогом выборов 12 декабря стало принятие новой российской Конституции, предложенной Президентом на референдум после обсуждения ее положений на специальном конституционном совещании. Согласно Конституции, Россия стала президентской республикой, в которой Президент как глава государства обладал всей полнотой исполнительной власти, определял основные направления внутренней и внешней политики страны. Была юридически ликвидирована система власти Советов, новый парламент был наделен исключительно законодательными функциями. Основным закон провозгласил право частной собственности, гарантировал права и свободы граждан России.

После отставки П.Грачева с поста министра обороны в печатные СМИ хлынул поток статей с преимущественно негативной оценкой его деятельности: «Российская армия: четыре года с Павлом Грачевым», «Катастрофа Российской армии»³⁵ и др. В них, в частности, говорилось: «...Вооруженные силы РФ так и не смогли быть вне политики. За последние несколько лет армия была участницей и межнациональных конфликтов, и драматических событий 1991 и 1993 годов. Наконец, армия оказалась в эпицентре страшной войны в Чечне, став козлом отпущения за грехи бездарных политиков...» Исключительно важной темой обсуждаемой в печатных СМИ рассматриваемого периода, было освещение участия армии в Чеченских событиях. Этой проблематике печать уделила 29% всех своих материалов, посвященных Вооруженным силам в этот период.

Важной особенностью освещения процесса «наведения конституционного порядка» в Чечне является то, что оно носило явно выраженный политический оттенок. Исходя из динамики количества публикаций о событиях в Чечне в 1995 и 1996 годах, напрашивается ряд следующих выводов.

1. Снижение количества публикаций в 1995 и 1996 годах приходится на периоды, связанные с подготовкой и проведением выборов в Государственную думу в 1995 году и Президента РФ – в июне 1996 года.

2. Рост числа публикаций совпадает с началом работы депутатов Государственной думы II созыва и кадровыми перестановками после выборов Президента РФ, в частности, назначения на должность министра обороны И.Родионова, секретаря Совета безопасности генерала А.Лебеда, которые не поддерживали решение политических вопросов силовым методом.

3. Увеличение количества публикаций связано с активизацией законодательной деятельности и обращения внимания на проблемы армии, воюющей в Чечне. Так, Президентом РФ и Государственной думой было принято и издано более 10 нормативных актов, направленных на социальную защищенность военнослужащих³⁶. Поездки же Президента РФ и депутатов Государственной думы в Чечню носили явно пропагандистский характер³⁷.

4. Спады количества публикаций совпадают с явным вмешательством политиков различного уровня в ход боевых действий: май 1995 года, июнь-июль,

ноябрь 1996 года, что вызывало крайне резкое недовольство военнослужащих: «...Те, кто нам стреляет в спину...Кому нужна передышка...», «...Сколько стоит перемирие...», «О чем не говорят в Генштабе», «...В Генеральном штабе настроение мрачное. Это опять передышка для боевиков...»³⁸.

Помимо участия в чеченских событиях в середине 90-х годов, армия была вовлечена и в круговерть других политических игр вокруг нее. Печатные СМИ, как наиболее важные, широко освещали следующие из них: влияние армии на результаты выборов в Государственную думу в 1995 году и Президента – в 1996 году; дискуссии, связанные с личностью министра обороны П.Грачева; анализ участия армии в событиях 1991 и 1993 годов и др.

В СМИ в этот период с новой силой стала муссироваться, особенно в «Красной звезде», идея о создании военного депутатского блока: «Поход за депутатскими мандатами», «Свой интерес у армии в законотворчестве есть», «Депутаты в погонах», «Список военных депутатов», «Военные депутаты – признак нестабильности государства», «Дума цвета хаки»³⁹. При этом был использован апробированный прием: «Кто и как голосует в Государственной думе, когда речь идет об обороноспособности страны», «Кто больше других думает об армии»⁴⁰.

Особенностью выборных кампаний являлось то, что они проходили, когда армия испытывала огромнейшие материальные трудности, далеко не совсем удачно воевала в Чечне и в морально-психологическом плане находилась на грани срыва. Оперативно на этот счет отреагировала и пресса: «...Политики задумались о судьбах армии... Им важно: за кого она проголосует в июне, подсчитывая проценты – эти могут повернуть оружие...»⁴¹.

Нельзя не затронуть и тему, обозначенную в ряде печатных СМИ участниками событий августа 1991 и октября 1993 года, – о необходимости извлечения уроков из тех трагических событий нашей страны и недопущения подобного в будущем: «По ту сторону «Баррикадной»», «Тяжелый удар по армии», «Я не растрельщик Белого дома». По мнению автора, нельзя было не сказать и о том, что те, кто выполнял приказ, сами пострадали за его выполнение. Так, в статье «Десантники Президента России заброшены на свалку истории»⁴² речь идет о судьбе командования 119 гвардейского парашютно-десантного полка 106 гвардейской дивизии ВДВ, личный состав которого «... поддержал Б.Ельцина, убил немало защитников Белого дома, но и сам понес потери...». Из семи награжденных звездой Героя России только двоим они вручены при жизни - командиру полка и его заместителю. Кроме того, по сообщениям автора статьи, командир полка полковник И.Игнатов – Герой России, кавалер ордена «За личное мужество» (38 лет), заместитель командира полка подполковник Н.Беляев – Герой России, кавалер орденов «Красной звезды» и «Боевого Красного Знамени» (36 лет), заместитель командира полка по тылу подполковник Л.Антон (37 лет) – сняты с должности и направлены в распоряжение командования ВДВ. Подобная участь постигла и других должностных лиц управления полка.

В конце 90-х годов печатные СМИ по-прежнему считали, что армия не может оставаться безучастной к политике.

Анализ статей этого периода позволяет выделить два наиболее важных направления их содержания. Первое связано с выступлениями лидеров политических партий и движений о проблемах армии: А.Арбатов («Яблоко»): «Военным реформам необходимо второе дыхание», Р.Попкович («Наш дом Рос-

сия»): «Настраиваемся на серьезную работу», Э.Воробьев (Демократический выбор России): «Общество обязано осознать ответственность за армию»⁴³. Эти публикации объединяет борьба за 5,5 миллионов голосов военного электората⁴⁴ накануне выборов в Государственную думу в декабре 1999 года⁴⁵.

Второе направление связано с появлением группы статей, посвященных зарождению и активной деятельности общероссийского общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», во главе которого стоял Л.Рохлин: «Рохлин-шоу», «Лев Рохлин активно создает новое движение», «Лев Рохлин был самым популярным политиком в армии»⁴⁶.

Знаковой особенностью публикаций по данной проблематике, по сравнению с предыдущими периодами, следует считать заметное снижение интенсивности прямых обращений лидеров политических партий и движений к военному электорату – не только через «Красную звезду», но и в целом – 3% от общего объема публикаций⁴⁷.

Изучение печатного материала об одной из самых непонятных, трагичных войн, в которой принимала участие российская армия на территории собственного государства, позволяет сделать вывод о том, что то или иное отношение к чеченской проблеме использовалось в качестве одного из важнейших обстоятельств в политической борьбе, в том числе за депутатские места и должности в различных эшелонах государственной власти.

Анализ материалов печати 90-х годов показывает, что Россия и ее Вооруженные силы испытывали огромные сложности в своем становлении и развитии. Положение дел усугублялось отсутствием четкого понимания как у руководства страны, так и у рядовых граждан и военнослужащих ориентиров и направлений хода реформ. Печать, как и в предыдущие годы, продолжала являться одной из основных сил, которая, с одной стороны, была рычагом давления на власть, а с другой – мощным средством формирования общественного мнения по многим ключевым вопросам развития страны и ее армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Меньшиков М. Письма ближним. СПб., 1911. – С.128.
2. Правда. –1991. –19 октября, Красная звезда. – 1992. – 20 августа.
3. См. там же.
4. Известия –1991. –23 августа, Известия. –1991. –10 октября, Комсомольская правда. –1991. –10 октября.
5. Российская газета. –1991. –28 сентября, Российская газета. –1992. –19 февраля, Московский комсомолец. –1992. –19 февраля, Красная звезда. –1992. –20 августа.
6. Российская газета. –1991. –12 сентября, 2 октября, Независимая газета. –1991. –3 сентября.
7. Известия. –1991. –24 августа, 31 августа, 4 сентября, Правда. –1991. –25 сентября, 1 октября, 19 октября, Красная звезда. –1991. –31 августа, Независимая газета. –1991. –24 августа.
8. Независимая газета. –1991. –19 января.
9. Российская газета. –1991. –24 октября.
10. Российская газета. –1992. –2 декабря.
11. Красная звезда. –1992. –8 и 15 декабря, Российская газета. –1992. –2, 11, 17 декабря.
12. Красная звезда. –1993. –10 марта, 7 мая, Российская газета. –1993. –2 марта, 4 июня, 11 августа, Московский комсомолец. –1993, –23 марта и др.
13. Красная звезда. –1993. –11 и 17 июня.
14. Красная звезда. –1993. –2 сентября.
15. Аргументы и факты. –1993. № 11, Комсомольская правда. –1993. –30 марта и др.
16. Там же.
17. IX (Внеочередной) съезд депутатов России 23 марта 1993 года принял решение о проведении в стране

- референдума по четырем вопросам: 1. О доверии Президенту РФ; 2. О доверии политике Президента и Правительства РФ; 3. О необходимости досрочных выборов Президента РФ; 4. О досрочных выборах народных депутатов. Итоги : 1.- 58,7%; 2 – 53,04%; 3. – 31,7%; 4 – 43,1%) См. Красная звезда. –1993. –31 марта, 6 мая.
18. Красная звезда. –1993. –27 апреля.
 19. Российская газета. –1993. –24 апреля.
 20. Красная звезда. –1993. –26 марта, 27 марта, Аргументы и факты. –1993. № №13,39, Российская газета. –1993. –31 марта, 23 сентября и др.
 21. Красная звезда. –11 августа. –1993.
 22. Аргументы и факты. –1993. № 44, Московский комсомолец. –1993. –2 ноября, Комсомольская правда. –1993. –5, 7, 8, 15 октября и др.
 23. Российская газета. –1993. –23 сентября. Указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» № 1400 от 21 сентября 1993 года.
 24. Красная звезда. –1993. –15 октября.
 25. Комсомольская правда. –1993. –21 октября, Российская газета. –1993. –28 октября, Красная звезда. –1993. –25 ноября и др.
 26. Красная звезда. –1993. –30 ноября.
 27. Делопроизводство войсковой части 44905. Дело № 30. – Т. 1,2,3; Дело № 26. Т. 2.
 28. Красная звезда. –1993. –27 ноября, 30 ноября, 10 декабря.
 29. Красная звезда. –1993. –2 декабря, 7 декабря.
 30. Красная звезда. –1993. –18 декабря.
 31. Красная звезда. –1993. –16 декабря.
 32. Красная звезда. –1993. –1 декабря, 8 декабря.
 33. Красная звезда. –1993. –18 ноября.
 34. Красная звезда. –1993. –4 декабря.
 35. Независимое военное обозрение. –1996. –30 мая, Независимое военное обозрение. –1996. –11 июля.
 36. Красная звезда. –1995. –12 января, Российская газета. –1995. –5 июля, 6 декабря, Московский комсомолец. –1995. –15 февраля, Красная звезда. –1996. –18 мая, 14 июня, 15 июня, 26 июня, 20 августа, 27 ноября, Российская газета. –1996. –27 июня.
 37. Комсомольская правда. –1994. –8 декабря, Комсомольская правда. –1995. –2 декабря, Красная звезда. –1996. –30 мая, Российская газета. –1996. –29 мая, 30 мая, Московский комсомолец. –1994. –30 ноября, Московский комсомолец. –1995. –23 февраля, Московский комсомолец. –1996. –3 февраля.
 38. Красная звезда. –1995. –19 мая, 5 ноября, Красная звезда. –1996. –29 мая, Комсомольская правда. –1995. –16 мая, Комсомольская правда. –1996. –3 апреля, 24 декабря, Московский комсомолец. –1996. –11 июля, 27 августа.
 39. Красная звезда. –1995. 24 августа, 4 октября, 11 ноября, 15 ноября, 6 декабря, 15 декабря, Красная звезда. –1996. –2 января, Московский комсомолец. –1995. –11 октября, Независимое военное обозрение. –1995. –11 февраля, Независимое военное обозрение. –1996. –27 января, Комсомольская правда. –1995. –22 февраля, 4 апреля и др.
 40. Красная звезда. –1995. –3 марта, 2 сентября, 22 ноября, Независимое военное обозрение. –1995. –14 декабря.
 41. Комсомольская правда. –1996. –9 апреля.
 42. Комсомольская правда. –1994. –26 июля.
 43. Красная звезда. –1998. –22 января, 4 июня, 15 сентября, 29 сентября, 14 октября, 22 октября, 29 октября, Российская газета. –1998. –13 февраля.
 44. Красная звезда. –1999. –23 ноября.
 45. Красная звезда. –1999. –8 апреля, 24 ноября, 26 ноября, 1 декабря, 2 декабря, 3 декабря, 4 декабря, 8 декабря, 16 декабря, 21 декабря, Комсомольская правда. –1998. –21 января, 21 февраля, Комсомольская правда. –1999. –10 апреля, 13 сентября, Аргументы и факты. –1997. №№ 18, 25, 30, Аргументы и факты. –1998. № 8, Независимое военное обозрение. –1999. –9 июля, 30 июля, 24 сентября, 22 октября.
 46. Независимое военное обозрение. –1997. –15 мая, 5 июля, 19 июля, 22 августа, 5 сентября, 26 сентября, Независимое военное обозрение. –1998. –10 июля, Независимое военное обозрение. –1999. –15 января, Комсомольская правда. –1998. –6 июля, Аргументы и факты. –1997. № 35.
 47. Посчитано автором.

И.Н. Трофимова

Институт социологии Российской академии наук

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация

Проблема эффективности региональной социальной политики актуальна как с ростом и расширением социальных потребностей населения, так и с ограниченностью имеющихся у регионов ресурсов для их удовлетворения. В современных условиях эффективность региональной социальной политики зависит не столько от концентрации власти, финансов или природных ресурсов, сколько от характера социального взаимодействия.

Для реализации региональной социальной политики существенное значение имеет понимание региона как социально-территориальной общности людей, проживающих в субъекте РФ. Различают региональную социальную политику и социальную политику в регионе или на региональном уровне¹. Если региональная социальная политика формируется в центре, то социальная политика в регионе вырабатывается региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями, предприятиями и другими субъектами социальной политики. Региональная социальная политика понимается как комплекс мер, направленных на социальное развитие регионов и реализуется субъектами социальной политики, представляющих федеральную государственную власть. Определение социальной политики в регионе в большей степени акцентирует внимание на взаимоотношении социальных общностей и социальных групп по поводу сохранения и изменения их социального положения и положения населения, проживающего в регионе.

Современный этап развития характеризуется определенным поворотом от традиционных, прескриптивных коммуникаций, имеющих в своем содержании предписание, в сторону эффективного социального взаимодействия. Последнее отнюдь не означает консенсус, наоборот, это предполагает процесс взаимодействия по поводу разрешения противоречий, выявления новых факторов развития региональных и местных сообществ. В социальном взаимодействии проявляется актуальность проблем, их смысловое и контекстное наполнение. При этом происходит оптимизация институциональной структуры благодаря взаимной координации экономической и социальной составляющих жизнедеятельности общества:

- более четкое определение правил взаимодействия индивидов по поводу участия в производстве и распределении благ;

- расширение возможностей для индивидов общества вести переговоры между собой, повышение эффективности и снижение издержек этих переговоров.

Таким образом, с одной стороны, социальная политика призвана совершенствовать социальные отношения. Речь идет, прежде всего, о поддержании в социально приемлемых рамках имущественной дифференциации в обществе, исключая неоправданное социальное неравенство. С другой стороны, сами

социальные отношения могут и должны становиться источником совершенствования социальной политики на основе укрепления социальной солидарности между разными социальными группами.

К сожалению, в социальной практике региональных и местных властей не всегда имеет место адекватное отражение важности социального взаимодействия. Особенно парадоксальным это выглядит на уровне местного самоуправления, даже несмотря на то, что сам статус местного самоуправления выступает неопределенным в плане самостоятельности и ответственности при выработке и реализации социальной политики. Деятельность органов местного самоуправления в социальной сфере является составной частью социальной политики государства, но основным потенциалом повышения ее эффективности выступает само местное сообщество во всем многообразии его интересов и социальных взаимодействий. Действительно, граждане, объединенные сходными условиями жизни на конкретной территории и составляющие региональное или местное сообщество, по сути, являются основными потребителями результатов деятельности органов власти всех уровней. В этих условиях актуальность приобретает способность населения к самоорганизации и самоуправлению, осознанию своих интересов как общих, т.е. выгодных или хотя бы приемлемых для всех или большинства.

Одной из теоретических посылок, которая адекватно отражает изменения в подходах к социальной политике, является концепция социального партнерства. Под социальным партнерством понимается взаимодействие в социальной сфере трех секторов – публично-властного, коммерческого и некоммерческого². Преимущество межсекторного взаимодействия видится, прежде всего, в механизме согласования интересов и стратегий различных групп населения, общественных и государственных институтов, дальнейшего выбора и реализации наиболее оптимальных из них. В то же время, выстраивание социального партнерства на основе регионального или местного сообщества является, пожалуй, единственной возможностью выйти за пределы дилеммы, которая на протяжении 1990-х гг. определяла деятельность властей всех уровней, – «что важнее – экономика или социальная сфера». Приватизация и муниципализация государственной собственности, реформа местного самоуправления в 1990-х гг. показали, что одного перераспределения ресурсов и полномочий между различными уровнями власти недостаточно для реального улучшения жизни населения. Без широкого участия общества в обсуждении и принятии социально важных решений происходит концентрация власти и капитала, замыкание власти на самой себе, что ведет к игнорированию насущных потребностей граждан.

В большинстве современных развитых стран социальная политика соединяет в себе признание ответственности государства и общества за благополучие своих членов. В то же время она акцентирует внимание на обязательстве индивидов, социальных групп и местных общин, непосредственная активность и усилия которых являются основным источником их благосостояния и развития. Не случайно в наиболее благополучных европейских странах так высока доля граждан, которые знают, как донести свое мнение до властей: Голландия – 67%, Финляндия – 58%, Швеция – 54%, Дания – 52%. Среди россиян таких только 16%³. Свежим примером являются события в Германии, где этот показатель равен 36%. В марте 2008 г. федеральное правительство и власти Баварии

рии отказались от строительства скоростного железнодорожного пути из центра Мюнхена до аэропорта. Это решение удовлетворило различные социальные группы (бизнесменов, экологов, простых горожан), хотя и по разным причинам. Таким образом, при наличии разных подходов, даже противоположных, всегда есть наиболее общий интерес, который может объединить различные социальные группы, в данном примере – создание или сохранение благоприятной среды обитания. При этом актуализируются именно те общественные ресурсы, которые отдельные граждане и их объединения готовы добровольно предложить ради достижения общественного блага: финансовые и материальные, информационные, время и т.п.

Очевидно, что учет интересов разных социальных групп может значительным образом повысить эффективность принимаемых решений за счет придания им большей гибкости, динамизма и инновационности. Это отвечает и сущности регионального управления, а именно адаптации управленческого механизма к изменению социально-экономических условий, потребностей людей, динамике общественной жизни в регионах, что в целом будет способствовать совершенствованию и властных отношений между центром и регионами. Как подчеркивают исследователи, эффективность системы социальной поддержки напрямую зависит от степени развитости демократических институтов⁴.

По мере развития различных форм общественного участия становится очевидным необходимость перехода на новый, более высокий качественный уровень социального взаимодействия. Социальная политика – это не только помощь наиболее уязвимым группам населения, она должна отражать интересы и представителей среднего класса, которые заинтересованы в устойчивом развитии городов и районов своего проживания. В этом смысле социальное взаимодействие граждан и местной власти должно рассматриваться через призму дальнейшего умножения социального капитала и усиления его воздействия на социально-экономические процессы.

Так, при проведении социологического исследования в г. Приморске Ленинградской области особое внимание обращалось на такой аспект, как готовность населения к участию в принятии решений. Опыт проведения ежегодных (с 1999 г.) социологических опросов показал, что население города вполне готово к этому: имеет представление об общих целях и задачах развития территории, имеет минимальные знания по предмету принимаемых решений и обладает достаточной информацией⁵. Однако исследователи констатировали, что работа с населением в муниципальных образованиях сводится в основном к ответам на обращения жителей о получении разрешений, справок и пр. Подавляющее большинство респондентов знает о такой форме работы администрации, как встречи с населением, но 80% не принимает в них участия. Как показали результаты исследования, более 40% респондентов даже не представляют себе, что значит «внести свои предложения, взгляды на рассмотрение администрации», 35% уверены, что этого не происходит. На вопрос «Вы как гражданин имеете возможность влиять на жизнь Вашего муниципалитета?» положительно ответили немногим более 20% респондентов, около 70% ответили отрицательно, остальные респонденты не определились с ответом. Крайне интересным оказался такой аспект исследования, как участие жителей в общественной экспертизе. Более 60% респондентов не знают, что такое общественная экспертиза и только 3% участвовали в общественных слушаниях по

общественной экспертизе. Как отмечают сами исследователи, даже принимая в расчет относительную инертность и малую информированность населения, такие результаты опроса ставят под сомнение адекватность и корректность проведения подобных общественных слушаний. В настоящее время участие в общественных слушаниях и экспертизах в большей степени относится к деятельности членов общественных палат и советов разного уровня, в основном к деятельности их руководителей.

Одной из распространенных форм социального взаимодействия является деятельность некоммерческих и неправительственных организаций (НКО). По данным Доклада о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, на 1 декабря 2007 г. число НКО, состоящих на учете в Федеральной регистрационной службе, составило 243130 организаций⁶. Сегодня во всех регионах России идет активный поиск наиболее эффективных форм межсекторного сотрудничества в социальной сфере. Общей тенденцией можно считать изменения во взаимоотношениях по линии «общество – власть». Взаимодействие в ряде регионов становится более интенсивным, разнообразным и содержательно наполненным. Можно выделить несколько моделей взаимодействия государства и НКО в регионах и муниципальных образованиях. Наиболее эффективным, пожалуй, является взаимодействие органов власти и НКО на институциональной основе. В такой форме взаимодействия участвуют, как правило, законодательный или исполнительный орган региональной (местной) власти и НКО. Сотрудничество предполагает эффективные коммуникации, широкое участие общественности, а мероприятия в рамках такого взаимодействия носят целенаправленный и долгосрочный характер. Недостатком здесь может быть превалирование контрольных функций органов власти над регулирующими. Примерами институционального социального партнерства являются многие регионы, например, Санкт-Петербург, где в рамках взаимодействия Законодательного собрания с некоммерческими организациями создан специальный отдел по связям с НКО. В Москве сформирована разветвленная инфраструктура взаимодействия органов исполнительной власти с институтами гражданского общества, включающая Центр по связям с общественными организациями, Московский дом общественных организаций, центр «Социальное партнерство» и др. Координацию взаимодействия здесь осуществляет Комитет общественных связей при Правительстве Москвы. Укреплению социального партнерства в столице способствует также наличие законодательной базы, постоянное внимание городских властей к развитию основополагающих принципов сотрудничества. Однако, по мнению некоторых исследователей, стремление московских властей к развитию сети общественных организаций и отношений с ними является в известной степени «козырной картой» в отношениях с федеральным центром⁷. О сохраняющихся элементах формального подхода региональных властей к развитию третьего сектора говорит и собственно низкий уровень готовности граждан к участию в деятельности НКО.

Интересным вариантом сотрудничества являются региональные объединения НКО, чьи интересы в большей степени представлены в региональных общественных палатах и ресурсных центрах НКО. Так, в Самарской области создан ресурсный центр НКО – Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье». Опыт работы в Общественном собрании Самарской области и в Общественном совете при Самарской городской думе имеют более 300 некоммерчес-

ких организаций. Это серьезный потенциал для дальнейшего развития гражданского общества в городе и области. Аналогичные формы сотрудничества существуют в Новосибирске, Томске, Перми, других городах. Объединение НКО позволяет находить новые интересные формы решения социальных проблем даже в условиях недостатка финансов на основе активизации общественного потенциала. Так, в 1995 г. в Сибири была создана сеть центров развития гражданского общества, что обеспечило существенную финансовую поддержку НКО, позволявшую поддерживать гражданские инициативы на основе добровольчества, добиваться доверия населения, укреплять партнерские связи. Механизмы, включая ярмарки НКО, конкурсы «Консолидированный бюджет» и «Социальная звезда», разрабатывались и распространялись участниками сети в разных городах. Создание ресурсных центров способствовало также обмену опытом между сибирскими общественными организациями. В муниципальных бюджетах на поддержку гражданских инициатив уже закладываются существенные расходы.

В слаборазвитых регионах и муниципалитетах взаимодействие НКО и власти носит менее постоянный и последовательный характер. В некоторых территориях обе стороны проявляют стремление и высокую готовность к сотрудничеству, но не хватает ресурсов, прежде всего бюджетных, которые могли бы его подкрепить. В то же время имеются территории, где основная проблема – недостаток общественной активности, опыта и навыков эффективной совместной деятельности. Например, в Малоярославце Калужской области отношения между местной администрацией и активными общественниками были если не конфронтационные, то формальные, пока не нашлись взаимоприемлемые формы организации совместной работы, такие, как консультационно-правовой центр, уголок потребителя, клуб молодой семьи и т.п. Во многих муниципалитетах наблюдается подобная ситуация, когда местные чиновники и жители буквально разговаривают на разных языках, актуализируя, тем самым, не проблему сотрудничества, а проблему недоверия между властью и обществом. Но и в тех регионах, где власть и НКО ранее не проявляли взаимного интереса к партнерству, в настоящее время такой интерес проявляется все отчетливее, хотя и сохраняются существенные региональные различия.

Пока отношения между властью и НКО далеко не всегда можно назвать партнерскими, скорее приходится говорить только о налаживании межсекторного взаимодействия. Результаты исследований показывают, что каждый второй государственный служащий ничего не знает о деятельности НКО, 40,3% отмечают регулярное взаимодействие НКО с органами власти, но при этом лишь 15% смогли назвать непосредственные результаты их деятельности и только 13,7% сами принимают участие в их работе⁸.

В свою очередь, 2/3 организаций некоммерческого сектора настроены на то, что между государством и НКО должны существовать партнерские отношения. Около 80% опрошенных НКО часто (5%) или иногда (21%) взаимодействуют с органами местного самоуправления. С региональными органами власти взаимодействуют 62% НКО, а с федеральными – 42%. Оценки экспертов также свидетельствуют, что наиболее интенсивное взаимодействие органов власти и НКО происходит на уровне местного самоуправления, что свидетельствует о развитии партнерских отношений в решении вопросов местного значения⁹.

Приоритетное для НКО значение сотрудничества с местными органами власти свидетельствует и о том, что пока их деятельность зависит в первую очередь от отношения чиновников на местах. По мере развития третьего сектора ожидается более четкое формулирование социальных запросов общества, удовлетворение их в большем объеме и разнообразии. Это объективно усилит позиции НКО, что поможет снять некоторые противоречия во взглядах на решение социальных проблем, преодолеть трудности в развитии конструктивного межсекторного диалога. Примеры отдельных российских регионов свидетельствуют о том, что гражданские организации могут быть ответственными партнерами власти и уже вносят свой вклад в развитие социальной политики. Наиболее известен здесь опыт Перми, Москвы, Ярославской области, Красноярского края и др.

Конечно, в каждом обществе существуют особенности социального бытия, и каждое общество выработало свои подходы для решения насущных проблем. Эти особенности, которые могут быть обозначены также как культурно-ценностные ориентации, проявляются всякий раз, когда общество продуцирует те или иные ответы на проблемы¹⁰. В современной России пассивный коллективизм большинства населения сосуществует с индивидуальной активностью представителей элиты. Разрыв культурных ценностей негативным образом влияет на характер социального взаимодействия, в котором стратегии соперничества начинают преобладать над стратегиями компромисса и сотрудничества. Это снижает эффективность предпринятых усилий по совершенствованию общественного бытия на всех уровнях, не дает возможности закрепить и развивать социальные достижения.

В целом результаты различных исследований подтверждают, что в настоящее время взаимоотношения между субъектами социальной политики являются достаточно неопределенными. В значительной степени это связано с противоречивыми тенденциями в становлении и развитии как государственных, так и общественных институтов. В российских условиях институты гражданского общества пока не могут оппонировать государству при выборе приоритетов социальной политики и методов ее реализации, но могут быть эффективными подспорьем в решении отдельных социальных проблем. Социальное партнерство при этом может стать реальным фактором повышения качества жизни, независимо от совокупных характеристик региона, определяющих уровень его социально-экономического развития. Более того, современная парадигма развития социальных систем налагает на гражданское общество ответственность за выбор альтернативных структур внутри современного социума и путей его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Социальная политика: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. проф. Н.А.Волгина. М.: Академический проект, Трикста, 2005. – С. 535.
2. Автономов А.С., Виноградова Т.И. и др. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России: Учебник. М.: Фонд НАН, 2003. – С. 11-14.
3. Петухов В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: ИС РАН, 2007. – С. 77.
4. Åslund A. Building capitalism: the transformation of the former Soviet bloc. Cambridge University Press, 2002. P. 346.
5. См.: Роль коммуникационных конфликтов в системе комплексного управления прибрежной зоной (на примере муниципального образования «Приморское городское поселение»). Отчет по социологическому исследованию.

- ким отчетам. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация университетов России, 2007.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2007. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2008. – С. 11.
 7. Сурин А.В. На пути к формированию науки управления. М.: РОССПЭН, 2007. – С. 110.
 8. Социальная жизнь регионов: между прошлым и будущим: Сборник материалов. М.: Координационный Совет по социальной стратегии при председателе СФ ФС РФ, 2007. – С. 15.
 9. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2007. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2008. – С. 21-22.
 10. Schwartz S.H. Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences. Moscow: SU HSE, 2008. P. 8.

Е.Н. Трофимов

*Соискатель Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

В статье анализируются типичные проблемы экономического и психологического состояния русского народа. Доказывается, что российское государство должно идти навстречу специфическим этническим нуждам русского народа и гарантировать его права. Специальное внимание обращается на проблему возрождения казачества и дальнейшего развития традиций казачьей культуры в современной России.

THE PROBLEMS OF ETHNIC AND CULTURAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN PEOPLE IN PRESENT-DAY RUSSIA

E. Trofimov

Abstract

Typical problems of economic and psychological conditions of Russian people are analyzed in the paper. It is asserted that Russian state should meet the specific ethnic needs of Russian people and guarantee their rights. Special attention is paid to the problem of Cossack resurrection and further development of Cossack life in present-day Russia.

Самочувствие русского народа как политологическая проблема приобретает в настоящее время особую научную и практическую актуальность. Спектр обсуждаемых в связи с этим вопросов все более расширяется, а предлагаемые политиками и экспертами способы решения накапливающихся проблем в такой же мере диверсифицируются. Возникает потребность в новых исследовательских и административных решениях, связанных с таким крупнейшим политологическим феноменом, как «русский вопрос».

Одной из примечательных особенностей деятельности Государственной думы последних созывов явилось начало серьезной работы над проблемами государствообразующего и самого крупного по численности народа РФ – русского народа и укрепления российской нации – опоры всей российской государственности. Здесь важны два фактора. Во-первых, и это признается практически всеми исследователями, русский народ всегда выполнял и продолжает выполнять функцию объединителя и собирателя вокруг себя земель и народов. Он сыграл главную роль в создании единого многонационального государства. Благодаря его консолидирующей роли на территории России сохранилось уникальное единство и многообразие, духовная общность, союз и братство различных народов. В своей массе русские остаются государственниками, приверженцами принципов патриотизма, стремления к социальной справедливости. Отношения русского этноса с другими этносами не всегда были идеальными, однако именно русский народ, его государственность обеспечивали социаль-

но-экономический прогресс других народов России, а зачастую и возможность их физического выживания. Как отмечают эксперты, в России ни один народ, доверивший ей свою судьбу, не исчез с этнографической карты¹. Русский язык является в России языком общенационального общения, а русская культура подчас эклектически впитывает в себя элементы культур многих российских этносов.

Во-вторых, без преувеличения можно сказать, что именно от положения русского народа в обществе в решающей степени зависит укрепление единства и целостности российской государственности. В тоже время, одной из веских причин развития дезинтеграционных процессов в СССР стало «невнимание» советского руководства к проблемам русского народа. У русского населения накопилось немало своих проблем, требующих решения. Так, профессор МГУ А.И. Вдовин считает, что осмысление исторического пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 г. и СССР в 1991 г. заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе «империи», утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей. Советская национальная политика, как и национальная политика царского самодержавия, по-настоящему не состоялась, потому что объектом и субъектом этой политики не стала русская нация².

Только в последнее время на государственном уровне приходит понимание того, что проблемы этнокультурного развития русского народа заслуживают такого же внимания, как и у всех других народов России. Более того, если продолжать игнорировать эту проблему, то ее широко начнут эксплуатировать различные экстремистские круги. Поэтому национальная политика в нынешней Российской Федерации во многом должна быть пересмотрена и направлена, прежде всего, на возрождение культуры и традиций русского народа. Но при этом, естественно, никоим образом не должны ущемляться интересы других народов РФ. Такая политика будет свидетельствовать о поиске более совершенных форм управления единой многонациональной страной.

Одним из наиболее рельефных и инициативных в этом ключе мероприятий Комитета по делам национальностей стало проведение Всероссийской конференции на тему «Сохранение уникальных черт русской культуры и развитие русского этноса в современном мире». Она состоялась в июне 2004 г. в г. Соликамске (Пермская область), а потом стала проводиться ежегодно.

В ходе конференции отмечалось, что в начале 90-х гг. на исторических судьбах русских людей негативно сказался целый ряд факторов. Обвальная распад СССР нанес ощутимый удар по морально-психологическому состоянию русских. Почти 17% русского населения Союза оказались за пределами своей исторической родины³.

В результате непродуманных реформ в их либерально-радикальном варианте в этот период были в значительной степени уничтожены высокотехнологичные и наукоемкие отрасли отечественной промышленности, в которых были заняты преимущественно русские. Свертывание таких отраслей, как машиностроение, военно-промышленный комплекс, текстильная промышленность и некоторых других губительно сказалось, прежде всего, на русском населении центральных и северо-западных областей России, крупных про-

мышленных центрах Юга, Поволжья, Урала и Сибири. Разрыв хозяйственных связей, непомерное удорожание пассажирских и грузовых перевозок на всех видах транспорта привело к быстрой потере ощущения единства страны у огромной массы людей. Началась и не остановлена деградация русской деревни, обезлюдели крупные сельские массивы в исконно русских областях Центральной России. Спад сельхозпроизводства, разрушение значительной части социальной инфраструктуры села привели к заметной убыли населения России, охватившей все области Северо-Запада, Центрального и Центрально-Черноземного регионов. Ухудшение положения русских в материальном производстве, потеря традиционных видов занятости оказали негативное воздействие на их психологическое самочувствие, порождая чувство безысходности, безразличия, озлобленности, а отсюда, как следствие, – утрату моральных ориентиров, падение нравственности, небывалый рост преступности, алкоголизма и наркомании.

Процесс национального возрождения ряда народов как в России в целом, так и на постсоветском пространстве развивался крайне противоречиво, а порою наступательно и даже агрессивно по отношению к русским. Многими национальными лидерами экстремистского толка возрождение своей нации виделось «за счет русских», звучали требования покаяться за «имперские замашки», «великодержавный шовинизм» и прочие «грехи». Наблюдались попытки массивного наступления на консолидирующую роль русского народа, иногда даже отрицался сам факт существования русской нации. Все эти действия можно рассматривать как направленные на подрыв единства Российской Федерации.

Участники конференции отмечали и такое противоречие: Конституция РФ определяет носителем суверенитета весь многонациональный российский народ, а все субъекты Федерации объявляются равноправными. Фактически же, в силу субъективно трактуемого многими национальными элитами права наций на самоопределение, федеративные отношения в Российской Федерации в 90-е годы складывались таким образом, что края и области их субъектами выступали как территории с абсолютно «русским» населением, а республики и автономии – в лице их титульных народов. Такое положение было косвенно закреплено в конституциях ряда республик (через языковой ценз, паритетное представительство в парламенте и т. п.). При дальнейшем развитии данной ситуации в практике взаимоотношений федерального центра и субъектов Федерации может получиться, что русский народ, дисперсно проживая на всей территории страны и не имея своего национально-государственного образования внутри России, ослабит свою роль в системе федеративных отношений.

При этом следует отметить, что в 1990-е гг. русский народ почувствовал себя и в этнополитическом плане дискомфортно в целом ряде регионов. Положение усугублялось асимметрией прав и полномочий субъектов Федерации в социально-экономической области, которая существовала между краями и областями, с одной стороны, и республиками и автономиями в составе РФ – с другой. Определенную роль играли и традиции русского населения.

В эти годы многие области с русским населением, зачастую превосходящие республики по численности населения, промышленному и научному потенциалу, уровню производства, просто не имели необходимых государственных рычагов, которые предоставили бы им возможности экономического рав-

ноправия. Отсюда возникали идеи о создании «Русской республики», «губернизации» и т. д. Проблемы русского населения стали оказывать сильное воздействие на формирование миграционных потоков потому, что именно русские составляют основную массу вынужденных переселенцев из неблагополучных в политическом и социально-экономическом отношении регионов.

Начавшаяся с 1993 г. депопуляция русских носит не ситуационный и региональный, как подчас официально считалось, характер, а постоянный и системный. С юридической точки зрения сам термин «русский народ» до сих пор вообще почти не фигурирует в отечественном законодательстве. Как представляется, задача решения актуальных проблем духовного и культурного развития русского народа может быть реализована лишь объединенными усилиями всех ветвей власти в ходе совместной деятельности федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления. В последние годы проблемы русского народа, его место и роль в общественной жизни страны стали достаточно активно обсуждаться на различных уровнях, с разных идейных позиций. Многие из озвученных предложений стали поступать в Государственную думу, в Комитет по делам национальностей.

Одним из первых стал разрабатываться законопроект «О национально-культурном развитии русского народа». Вместе с тем, этот законопроект был декларативным, несколько схематичным, не предполагал каких-либо существенных изменений в жизни русского населения и поэтому был отклонён. Концепция государственной национальной политики РФ 1996 г. констатировала, что «межнациональные отношения в стране во многом будут определяться тенденциями и перспективами развития русского народа, являющегося опорой российской государственности»⁴. Однако каких-либо конкретных действий после этого не последовало, об этом больше говорилось.

Начиная с конца 90-х гг., в стране был проведен ряд «круглых столов» с участием депутатов. В Государственной думе трижды проводились парламентские слушания, на которых поднималась тема развития русского этноса. Участники данных мероприятий отмечали, что одной из важных проблем в сфере национальных отношений является проблема национально-культурного развития русского народа. Необходимость развития этой проблемы обусловлена тем, что в прошедший период истории русский народ сыграл основную роль в деле социально-экономического и национально-культурного подъема других народов бывшего СССР, во многом – за счет собственных этноресурсов. Одним из основных выводов проведенных слушаний стала констатация того, что к концу XX столетия русский этнос подходит во многом утратившим свою целостность, разделенным на части государственными границами, катастрофически сокращающимся по своей численности, ущемленным как в самой Российской Федерации, так и за ее пределами, и что русский народ в настоящее время нуждается в осуществлении комплекса мер по социально-экономической и национально-культурной поддержке. Другой вывод касался законодательной сферы – признание необходимости разработки и принятия целого пакета федеральных законов, касающихся правового положения русского народа⁵.

Исполнительная власть также не осталась безучастной к данной проблеме. В плане решения проблем русского народа можно рассматривать основной тезис Послания Президента России В.В. Путина Федеральному собранию, с которым он обратился 10 мая 2006 г. Речь в нем шла прежде всего о демогра-

фических проблемах. «Никакая миграция, – говорил Президент, – не решит наших демографических проблем, если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для рождаемости здесь, у нас, в нашей собственной стране»⁶. В какой-то части вступивший в силу с 1 января 2007 г. Закон о материнстве, предусматривающий формирование материнского капитала в размере 250 тыс. руб., – это реакция власти на депопуляцию русского населения и населения страны в целом.

В то же время органам государственной власти России, субъектов Федерации, органам местного самоуправления следует разрабатывать и принимать практические меры по защите, сохранению и развитию русской культуры, а также контролировать распространение государственного языка на всей территории РФ, обеспечение прав граждан пользоваться этим языком, уделять должное внимание развитию языковой культуры.

В законодательном плане среди наиболее интересных предложений – закрепить положение о том, что русский народ признается самоопределившимся на всей территории Российской Федерации и в правовом отношении он не может быть национальным меньшинством ни в одном субъекте Федерации. В связи с этим законодательствами субъектов РФ и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления не могут устанавливаться нормы, противоречащие данному положению. Жизнь настоятельно требует, чтобы федеральный центр глубже учитывал интересы русского народа, и в той же мере, как и интересы других народов, особенно при принятии бюджета и федеральных программ социально-экономического развития страны и регионов, а также финансировал реализацию национально-культурных программ.

Очевидно, что проблемы восстановления казачества имеют самое непосредственное отношение к русскому народу и к этносоциальным процессам, идущим в российском обществе. Казаки всегда населяли окраины России, были охранителями приграничных районов, защитниками Отечества первой линии, и в силу уже этого факта им приходилось самым тесным образом взаимодействовать с широким спектром разноплеменных народов. Эти, в основной массе русские, люди в течение столетий приходили на новые земли и обосновывались на них, создавали свое хозяйство, несли службу. Веками складывались особенности их жизни, культура, традиции нравы. Казаки никогда не были крепостными, а были вольными государевыми людьми. Известно казачье понимание свободы и независимости. А с другой стороны – долга. Все это позволяло многим выдающимся представителям казачества думать о себе, как об особом народе, отличном от народа внутренних российских губерний. В 1920-30-е годы это сословие было упразднено советской властью; при этом, по подсчетам специалистов, за эти годы было погублено, погибло от нужды и насильственной смерти более миллиона его представителей. Однако годы советской власти не лишили казачество своего духа, осознания принадлежности к казачьему роду, верности своим традициям. Только 26 апреля 1991 года президентом России был подписан закон «О реабилитации репрессированных народов России», который касался и реабилитации казачества, а в 1995 г. вышел Указ «О государственном реестре казачьих обществ», побудивший казачьи организации вырабатывать и утверждать уставы для того, чтобы попасть в этот реестр. Во второй половине 1990-х гг. стали приниматься новые постановления и указы, касающиеся, в том числе, целевых земельных фондов, казачьей

формы, чинов и финансирования казачьих организаций.

В 2005 г. поручениями Президента и Правительства РФ был инициирован процесс согласования новой концепции государственной политики в отношении российского казачества. В Минрегионразвития началась разработка целевой программы по становлению и развитию государственной службы российского казачества. Предусматривалась также передача в ведение Министерства образования РФ казачьих кадетских образовательных учреждений.

Сейчас более чем в 70 субъектах Федерации представителями органов исполнительной власти осуществляется тесное взаимодействие с казачьими обществами. Отдельные представители казачества инкорпорируются во властные структуры. Так, войсковой атаман Кубанского войскового казачьего общества работает в органах исполнительной власти Краснодарского края, войсковой атаман Всевеликого войска донского является депутатом Госдумы РФ, атаман Терского войскового казачьего общества – депутат Ставропольской краевой думы и т.д.

В некоторых субъектах РФ приняты собственные законодательные акты, регулирующие отношения с казачеством. К ним относятся Республика Калмыкия, Краснодарский, Приморский, Ставропольский края, Волгоградская, Оренбургская, Ростовская, Тюменская области и некоторые другие. Законодательные меры во многом способствовали институализации и возрождению казачества как социальной силы. Согласно официальным данным Всероссийской переписи населения 2002 г., к казакам себя отнесли 190 028 граждан РФ, в то время как в Государственном реестре казачьих обществ находится более 600 тыс. человек⁷. Эти данные находят подтверждение в тех сведениях, которые структуры исполнительной власти регионов представляют в Минрегионразвития (без учета численности казачьих общественных объединений, не имеющих фиксированного членства, а также Балтийского и Прикамского казачьих округов).

Таблица 1⁸.

№ п/п	Федеральные округа	Казачьи общества		Общественные объединения казаков		Всего
		Казаков, состоящих в казачьем обществе	Казаков, выражающих желание нести гос. и иную службу	Казаков, состоящих в обществ. объединении	Казаков, выражающих желание нести гос. и иную службу	
	Центральный	27 938	16 134	9 906	2 432	37844
	Сев.-Западный	7 072	4 712	381	-	7453
	Южный	273 684	156 849	200	60	273884
	Приволжский	42 217	8 333	1 039	-	43250
	Уральский	21 250	12 692	-	-	21250
	Сибирский	40 657	25 910	442	97	41099
	Дальневосточ.	6 118	3 901	2 250	1 558	8368
	Всего по России	418 936	228 533	14 218	4 147	433154

Казачество России в основном объединено в казачьи общества, казачьи общественные объединения, а также в национально-культурные автономии (НКА), которые официально зарегистрированы в Волгоградской области и в Чеченской Республике. Наибольшее количество казаков входит в казачьи общества, которые подразделяются на войсковые, городские, станичные и хуторские. Как видно из вышеприведенной таблицы, географически наиболее многочисленными казачьи объединения присутствуют в тех субъектах Российской Федерации, где до 1917 г. располагались крупные казачьи войска. Это Ростовская и Волгоградская области, Краснодарский и Ставропольский края. Новым интересным явлением стало создание казачьих организаций в тех регионах, где казачество исторически никогда не проживало – это Санкт-Петербург и Калининград. Они создаются поселившимися там потомками казаков, и вообще это явление связано в первую очередь с развитием миграционных процессов и ростом патриотических чувств русского народа.

Таблица 2⁹

№ п/п	Федеральные округа	Количество казачьих обществ				Всего
		хуторских	станичных	юртовых	городских	
1.	Центральный	96	72	22	20	210
2.	Сев.-Западный	70	45	17	17	149
3.	Южный	908	398	135	61	1 496
4.	Приволжский	85	79	1	12	177
5.	Уральский	167	138	3	41	349
6.	Сибирский	174	162	6	35	377
7.	Дальневосточ.	32	94	-	27	153
	Всего:	1 532	982	184	213	2 911

В соответствии с федеральными нормативно-правовыми актами, в государственный реестр внесено 10 казачьих обществ – Войсковое казачье общество «Все великое войско донское» – 144 309 казаков, Кубанское – 57562 казака, Терское – 75 239 казаков, Волжское – 32 743 казака, Оренбургское – 15 193 казака, Сибирское – 20 081 казак, Енисейское – 8177 казаков, Иркутское – 4 328 казаков, Забайкальское – 24 225 казаков и Уссурийское – 3 600 казаков. При этом только в Южном федеральном округе в казачьих обществах объединено 272 349 казаков¹⁰.

Основные направления государственной службы казаков закреплены в очень важном Федеральном законе «О государственной службе российского казачества» (№154-ФЗ от 5 декабря 2005 г.). Они включают:

- военную службу в Вооруженных силах РФ, пограничных и внутренних войсках, в соединениях и воинских частях, которым присвоены традиционные казачьи наименования;

- правоохранительную службу;

- содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета членов казачьих обществ, организации военно-патриотического вос-

питания призывников и их подготовка к несению воинской службы;

- вневойсковую подготовку членов казачьих обществ во время пребывания их в запасе;

- участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий, по гражданской и территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях;

- службу по охране общественного порядка, обеспечению экологической и противопожарной безопасности, в охране государственной границы, борьбе с терроризмом;

- иную деятельность на основе договоров (соглашений) казачьих обществ с органами военного управления, федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований¹¹.

Главное – казаки в установленном порядке принимают на себя обязательства по несению на постоянной основе государственной или иной службы.

Активизировалась законодательная деятельность в вопросах казачества и в регионах России. В частности, приняты законы о муниципальных казачьих дружинах, позволяющие на законных основаниях привлекать казаков к правоохранительной деятельности. Наиболее эффективно эта работа налажена в традиционных казачьих регионах – на Северном Кавказе, в Поволжье, на Урале. Там же активизировалась работа казачьих обществ и общественных объединений в возрождении и развитии казачьей культуры. Она касается, в первую очередь, поддержки казачьих профессиональных и самодеятельных фольклорных коллективов, казачьих театров, клубов, музеев, организации праздников, фестивалей, смотров, конкурсов.

Органы исполнительной власти субъектов РФ стали чаще оказывать содействие социально значимым инициативам казачества. К примеру, на реализацию областной целевой программы поддержки казачьих обществ на 2004-2006 гг. в Ростовской области было выделено почти 200 млн. руб.

Однако в этих вопросах важно не перегнуть палку. Признается, что определенную угрозу территориальной целостности России может нести в себе идея обособления казаков в отдельный народ с последующим созданием национального государства – т. н. «Казакии». Речь идет об образовании суверенного государства за счет входящих в состав Российской Федерации и Казахстана территорий. Идея эта вовсе не новая и возникла еще в XIX веке среди казачьей интеллигенции. Более того, ранее предпринимались попытки ее реализации на практике в виде Донско-Кавказского Союза П.Н. Краснова в 1918 г. Затем эта идея отошла к казачьей эмиграции. В последующем ее пыталась реанимировать фашистская Германия в целях перетягивания казачества на свою сторону. По идее одного из идеологов нацизма – А. Розенберга, планировалось создание казачьей полуавтономии «Дон и Волга»¹². В последующем эту идею подхватили в США, где давно нацеливались на дезинтеграцию СССР. В 1959 г. американским конгрессом был единогласно принят «Закон о порабощенных нациях» под наименованием Р.Л. 86-90, утвержденный президентом Д. Эйзенхауэром, в котором русский народ не включался в число порабощенных коммунизмом народов, но назван поработителем Китая и Тибета, Украины и Белоруссии, «Казакии» и «Идель-Урала»¹³. Борьбу Казакии за отделение – то

есть фактическое отделение русских людей от русских, учитывая специфику одних и противопоставляя их другим, Соединенные Штаты официально обязались поддерживать.

В настоящее время основной угрозой казачьего сепаратизма являются попытки обособить казачество и представить его как особый этнос. Сторонники этой идеи даже создали свой сайт «Страна Казакия». Отдельные эксперты считают, что «нормативы, воплощенные в Конституции РФ, вполне позволяют сформировать казачью национальную республику. Естественно, чтобы это произошло, казачество должно самоорганизоваться и, в частности, создать казачью партию..., которая сможет начать борьбу за более действенное возрождение казачества и создание самостоятельной казачьей республики»¹⁴. В этой связи следует подчеркнуть, что казаки – это значительная часть русского населения со своими традициями и обычаями, которое хотело бы видеть свое государственное предназначение и получить дополнительный импульс своему развитию. Предназначение казачества определяется уникальностью России как самого крупного по территории государства современного мира, к тому же нуждающегося в более надежном контроле за своими внешними границами. Создание же казачьей республики по сути выхолостит содержание той части казачества, которое гипотетически пожелает в нее объединиться.

В то же время принятые по казачеству законы и указы во многом еще носят декларативный характер и не дают ответов на ряд вопросов жизни казачества. На нынешнем этапе есть необходимость в этой связи внести изменения и дополнения в существующие законы и постановления Правительства РФ, регламентирующие, в первую очередь, порядок финансирования государственной службы казачества, заключения федеральными и региональными органами исполнительной власти договоров с казачьими обществами, порядок выборности атаманов и делегатов. Нужна работающая межведомственная комиссия с участием представителей всех заинтересованных федеральных органов, казачьих атаманов по разработке нормативно-правовых актов. При таких подходах русское казачество будет всегда верно служить своему Отечеству.

Другим важным направлением является совершенствование законодательной работы над проблемами правового статуса русского народа. На эту тему будут вестись споры. Законодательная работа, тем не менее, показала, что т.н. «русский вопрос» из объекта политических спекуляций, каким он нередко был в недавнем прошлом, становится фактором серьезной государственной политики.

Очевидно, что проблемы русского народа не могут быть решены одним или двумя законодательными актами. Их решение лежит в русле комплексной государственной политики не только в хозяйственной сфере, но и в социальной, культурной и образовательной областях. Необходим государственный подход, разработка ряда законодательных актов, в том числе по совершенствованию национально-культурных автономий, национальной консолидации русских, решению для этого ряда практических, пропагандистских и культурно-просветительских задач.

Для защиты прав русского населения важно предусмотреть, прежде всего, в структуре исполнительной власти республик и автономных округов соответствующие структурные подразделения, которые держали бы под своим контролем решение проблем русского населения.

Научные центры и национальные институты должны четко обозначить проблему противостояния историческим спекуляциям, призванным утвердить монопольное право одних национальностей на ту или иную территорию в ущерб правам других национальностей, и постоянно вести серьезную разъяснительную работу в этом направлении.

Существуют также предложения взять под общественный контроль выделение бюджетных средств суверенным республикам и областям центральной части России с тем, чтобы поднять экономику и решить ряд социальных проблем в этих областях, заселенных в основном русским населением.

Определенную работу в этом направлении должно проводить и Правительство РФ. Как представляется, на федеральном уровне следует глубже разобраться с социально-психологическими проблемами русских в связи с тем, что в некоторых местах они объявлялись национальным меньшинством, и это притом, что в целом по стране русские составляют 4/5 населения. Внимание также должно быть обращено и на проведение кадровой политики во властных структурах, где зачастую изменения проводятся не в пользу русских, требует серьезного изучения разработка государственной программы «Русский проект».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике XX века. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1998. – С. 4.
2. Вдовин А.И. Русские в XX веке. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. –С. 3.
3. Трофимов Е. Н. Законодательная база этносоциального развития народов Российской Федерации на современном этапе с учетом интересов русского народа. – Пермь: Пермское книжное издательство, 2005. – С. 15-24.
4. Концепция государственной национальной политики РФ 1996 г. Официальный сайт Президента России // <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=77912&PSC=1&PT=3&Page=12>
5. Парламентские слушания “О концепции к разработке государственной программы национально-культурного развития русского народа // <http://www.akdi.ru/GD/nation/98p16-11.htm>
6. Российская газета, 11 мая 2006 г.
7. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации. Справочные и итоговые материалы международного семинара «Международные правовые гарантии защиты национальных меньшинств и проблемы их соблюдения». В 2 т. Т. 2. – М.: Проспект, 2006. – С. 26.
8. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации. Справочные и итоговые материалы международного семинара «Международные правовые гарантии защиты национальных меньшинств и проблемы их соблюдения». В 2 т. Т. 2. – М.: Проспект, 2006. – С. 26
9. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации. Справочные и итоговые материалы международного семинара «Международные правовые гарантии защиты национальных меньшинств и проблемы их соблюдения». В 2 т. Т. 2. – М.: Проспект, 2006. – С. 27.
10. Там же. – С. 28.
11. Российская газета, 8 декабря 2005 г.
12. Губенко О.В. «Казакция» в составе Третьего Рейха (1941год – 1945 год) // http://artofwar.ru/g/gubenko_o_w/text_0018.shtml
13. Public Law 86-90, “Закон о порабощённых нациях”, 1959 г., США. См.: http://kz44.narod.ru/86_90.htm
14. Граждан В. Д. Казаки и проблема казачьей республики // «Власть», №4, 2008 г. – С. 55.

Д.А. Крапотин
Московский государственный
областной университет (МГОУ)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: PRO ET CONTRA

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы молодежной субкультуры с двух точек зрения: положительной (субкультура как важный фактор социализации молодежи) и негативной (субкультура как носитель асоциальных и антисоциальных черт в процессе социализации молодежи).

Появление множества самодеятельных молодежных групп и объединений в последнее время является показателем проявлений процесса демократизации нашего общества. Инициатива и участие молодых людей в экономических и политических реформах, борьба за создание условий для свободного и творческого развития личности, решение глобальных проблем цивилизации и т.п. сегодня уже не абстрактные понятия, а реальные практические их дела. Сегодня нельзя не заметить, что происходит значительное повышение общественной активности молодежи, ее стремление объединиться, консолидировать свои усилия с различными уже существующими формированиями.

Молодые люди часто сталкиваются с трудностями реализации своей объективной потребности в самоутверждении, завоевании социального статуса соответствующего уровня, который отвечает их интеллектуальному, профессиональному, духовному потенциалу. «Парадокс такого положения состоит в том, что любое общество объективно заинтересовано в создании условий для реализации этой потребности, но на практике часто формирует условия, затрудняющие этот процесс. Не имея таких возможностей в системе официальных структур, молодые люди стремятся найти альтернативные, часто уродливые, формы реализации. Степень уродства часто достигает антисоциального уровня, что само по себе предполагает, в конечном счете, обратный результат от возможного»¹.

Какова же роль неформальной субкультурной деятельности в процессе социализации молодежи? Каковы ее положительные и негативные последствия?

Сегодня нельзя не признать, что молодежные субкультуры различного толка стали фактом общественной жизни; различные самодеятельные молодежные группы и объединения – это уже своеобразная примета нашего времени, деятельность неформальных молодежных объединений достигла масштабов значительного социального явления. По своим целям, составу, направленности и методам действия они чрезвычайно многообразны. Число тех, кто принимает участие в работе самодеятельных объединений, равно 30–40% молодежи в возрасте от 14 до 28 лет, а количество «активных неформалов» – 10–13% от их общего числа.

Нельзя не отметить положительного характера субкультурной деятельности молодежи, которая является одним из способов интеграции молодого

поколения в активную социальную жизнь общества. Молодежь как субъект социокультурных отношений отражает в своей жизнедеятельности особенности развития социума и его культуры, в поведении молодого поколения синтезируются собственные культурные ценности и результаты взаимодействия с культурами других социальных и демографических групп. Однако в настоящее время социальное положение молодого поколения, призванного логикой истории играть основополагающую роль в социокультурном воспроизводстве, не отвечает в полной мере задачам модернизации общества, что приводит к обострению молодежных проблем. Естественный путь их решения обнаруживается в функционировании особых молодежных субкультур с собственной системой ценностей, социальными нормами, стилем жизни, атрибутами.

Молодежная субкультура является феноменом индустриальной стадии развития любого типа культуры. Она выполняет прежде всего функции социализации молодых людей, является формой их адаптации к нормам, ценностям, образу жизни в целом, а также решает проблемы конфликта поколений. В этом ее важнейшая роль.

Наличие общих норм и ценностей той или иной субкультуры, а также общего самосознания и общей сети коммуникаций с обслуживающим языком позволяет говорить о субкультуре как о сообществе со своими ценностями, атрибутами, которые сложились не спонтанно, а осмысленно, выполняя определенные функции. Если взглянуть на субкультуру с функциональной точки зрения, можно обнаружить, что все функции, которые выполняет молодежная субкультура, условно делятся на две группы, выделяемые по признаку их направленности: “эндо-функции” и “экзо-функции”. Начнем с самого термина: эндо-функции (направленные на самих носителей субкультуры) – функции, которые выполняет субкультура для своих представителей; экзо-функции (направленные на общество) – это то, что субкультуры выполняют для общества.

Итак, какие же функции производит субкультура для носителей своих ценностей? Прежде всего, как было сказано ранее, это функция социализации, которая совершается внутри субкультуры, среди ее членов. Вступая в сообщество, человек принимает его нормы, ценности и правила. Вообще под субкультурой понимается система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой социальной общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной. Субкультурные атрибуты, ритуалы как устойчивые образцы поведения, а также ценности, как правило, отличаются от таковых в господствующей культуре, хотя с ними и связаны. Следовательно, идентифицируя себя с определенной субкультурой, человек получает не только определенный социальный статус, пусть даже и неформальный, но для поддержания этого статуса обязан выполнять определенные роли и предписания, которые сложились в этом сообществе.

Вступая в юношеский возраст, человек часто обособляется от семьи, ищет новую компанию, которая должна защитить его от пока еще чуждого общества. Между потерянной семьей и необретенным обществом молодой человек стремится примкнуть к себе подобным. Образующиеся таким образом первичные группы призваны удовлетворить потребность в социальной защите и обеспечить молодому человеку определенный социальный статус. Но платой за это выступает отказ от индивидуальности, полное подчинение нормам и интере-

сам группы².

Последователь З. Фрейда Д. Аусабель считал, что основные задачи подростка – во-первых, необходимость справиться с возрастными изменениями своего тела и, во-вторых, принять их. Вследствие этих изменений у подростка нередко возникает «чувство замешательства перед лицом необычности и внезапности этих изменений»³. В это время требуется освоить присущую своему полу роль и стать независимым от родителей и других воспитателей, как учителей, так и других взрослых. Задача подростка – отказаться от своего положения “спутника” (сателлита) по отношению к родителям и примкнуть к группе равных себе⁴.

По мнению психологов, это и является причиной поколенческого конфликта. Однако не нужно считать этот конфликт единственной силой, создающей условия для возникновения субкультур и способствующей уходу подростков в молодежные субкультуры. На практике часто происходит так, что значение субкультуры для молодого человека увеличивается до таких размеров, что все окружающие явления воспринимаются сквозь призму норм и ценностей субкультуры, которые становятся единственными и всеобъемлющими. Особенно ситуация усугубляется, когда институты образования и семьи не в достаточной степени выполняют свои функции или оказывают на индивида своего рода давление. И то и другое явление имеет место быть в современном российском обществе. Тогда на передний план выходят нормы и ценности субкультуры, тогда процесс социализации перемещается в область субкультуры или контркультуры.

Таким образом, субкультура служит для молодых людей своеобразным средством ухода от “несовершенств” окружающей действительности. Она образует для них “культурную нишу”, в которой можно укрыться от трудностей быта и проблем повседневной жизни.

Стоит также заметить одно существенное различие между отечественными и западными молодежными субкультурами. Особенность отечественных молодежных субкультур прежде всего в том, что большинство из них ориентированы либо на проведение досуга, либо на передачу и распространение информации. На Западе альтернативное движение, выросшее из молодежных субкультур 60–70 гг. XX в., активно участвует в социальных программах, помощи больным, инвалидам, престарелым, наркоманам и т.д. Очевидно, такое различие также связано с российской спецификой, местом и ролью государства, долгое время отучавшего граждан от самодеятельности и спонтанной активности⁵.

Досуговая функция молодежной субкультуры является наиболее значимой для ее носителей. В рамках субкультуры досуг выполняет коммуникативную, рекреативную, а в некоторых субкультурах – познавательную, креативную и эвристическую функции. Вообще, в условиях дисфункции многих воспитательных и образовательных институтов, молодежные субкультуры предстают как некое культурное пространство и круг общения подростковых и молодежных сообществ, помогающих им адаптироваться в социуме и создавать свои, автономные формы культурной активности. Коммуникативная функция здесь – одна из наиболее значимых и осознаваемых самими носителями субкультурных ценностей. Молодежные объединения служат одним из средств общения молодых людей. Даже проживая в разных городах, “субкуль-

турщики” нередко устанавливают контакты – ведут переписку, обмениваются аудио- и видеозаписями, совместно посещают концерты любимых групп, находя единомышленников. Как следствие этой функции, появляется другая – аффилиативная (группообразующая). Молодые люди зачастую объединяются по интересам. Наглядным тому примером могут служить фан-клубы того или иного исполнителя.

К проявлениям подростковой и молодежной субкультуры педагоги в рамках прежней, авторитарной, педагогики относились с предосуждением как проявлениям так называемой контркультуры. Здесь решающую роль играло непонимание того факта, что подростки более активно, чем младшие дети, в своем самоутверждении заинтересованы в поисковых формах деятельности и поведения, в более рискованных и нестандартных их актах. Не случайно поэтому подростковые и молодежные субкультуры – это реальные попытки создания новых норм социального действия, которые должны быть приняты и должны быть поняты педагогом. Таким образом, социализирующая функция, на наш взгляд, является основной. Функция любой субкультуры – провести обучение индивида в условиях упрощенного социума.

Подростковые и молодежные субкультуры выполняют не только социализирующие функции, но и конструктивно-творческие, поскольку явления молодежной субкультуры непосредственно включены в жизнь общества и определяют некоторые формы его развития. Стоит заметить, что эти эндо-функции, то есть функции, направленные на членов сообщества, тесно связаны с экзо-функциями, так как субкультуры хоть и можно назвать экстернальными сообществами, однако они так или иначе включены в общество, функционируя в нем и, соответственно, влияя на социальные отношения, установившиеся в нем. Исходя из этого, можно предположить, что, помимо внутренних функций, выполняются и внешние, те, которые можно назвать экзо-функциями, те, которые выполняются для общества.

Однако, если говорить о современном состоянии социализации молодежи в России, нельзя утверждать, что ее процесс протекает позитивно, что в достаточной степени и достаточно успешно реализуется хотя бы часть функций, о которых было сказано выше.

Действительно, в современных условиях социализация молодежи – это процесс, протекающий достаточно болезненно. Дело в том, что молодежь, являясь мощным фактором укрепления нового общества, в то же время с социальной точки зрения наиболее уязвима. Отсюда деструктивная деятельность некоторых объединений (например, таких, как скинхеды, нацболы, сатанисты, спортивные фанаты и т.п.). В этом случае неформальные объединения могут рассматриваться как фактор негативного влияния на социализацию своих членов. Таким образом, воздействие неформальных субкультур на молодежь носит крайне противоречивый характер. Часть субкультур оказывает нежелательное воздействие, провоцирующее девиантное и виктимное поведение, релятивизм нравственных ценностей в сознании современных молодых людей. В ряде субкультур лидерские позиции занимает манипуляционный тип стратегий и технологий, который имеет опасный, асоциальный результат⁶.

Не может не тревожить, что в современной России возникают явные анти-социальные молодежные движения. Особое опасение вызывают радикальные деструктивные молодежные организации. Серьезный общественный резонанс

получили выступления скинхедов в Москве, Санкт-Петербурге и крупных городах России. В Москве действует около двадцати мелких группировок. Самые заметные из них – это «Кровь и Честь» и «88» (88 – это закодированное по порядку латинского алфавита приветствие «Heil Hitler!»). «Сегодня в Петербурге, например, насчитывается примерно пять тысяч скинхедов, хотя я слышал цифру и двадцать тысяч», – утверждает заведующий лабораторией проблем молодежи НИИ комплексных социальных исследований Петербургского университета, профессор Анатолий Козлов⁷.

По данным представителей МВД РФ, «в России насчитывается от 15 до 20 тыс. скинхедов. Движение включает в себя разрозненные группы, численность которых колеблется. Так, по данным МВД, в столичном регионе насчитываются около 5 тыс. активных участников данного движения и около 100 лидеров различного уровня. В Санкт-Петербурге на профилактическом учете числятся около 3 тысяч скинхедов и 17 неонацистских организаций»⁸. Данные правозащитников еще больше дают повод для беспокойства. «Растет движение скинхедов, насчитывающее уже до 50 тысяч человек и распространяющееся из крупных региональных центров в малые города и поселки», – говорится в докладе Московского бюро по правам человека (МБПЧ)⁹. Как сообщает РИА «Новости», всего в 2002 году по статье 282 УК РФ (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды) было возбуждено 71 уголовное дело, 31 из них направлено в суд, 16 человек уже понесли наказание»¹⁰.

В 2003 г., по экспертным оценкам, в России действовали более 300 крупных молодежных синдикатов и около 1000 преступных банд и политических тоталитарных организаций. Так, по данным прессы, только в Москве к 2003 г. действовало четыре четко организованных объединения «бритоголовых» в возрасте от 21 до 27 лет, в которые входило до 10 тыс. человек; 24,1 % опрошенных В.С. Собкиным и М.В. Вагановой московских школьников общаются с людьми, состоящими в экстремистских организациях¹¹. Кроме того, увеличивается диапазон приемлемости по отношению к идеологии и практике контркультурных организаций у довольно больших групп населения. Это проявляется и в росте ксенофобии (ненависти к иностранцам), и в культурной и религиозной нетерпимости, и в других тенденциях. Опрос радиостанции «Эхо Москвы» в ноябре 2003 г. выявил, например, что 31 % из 3 тыс. позвонивших считают скинхедов патриотами. Альтернативный вариант ответа «Скинхеды – нацисты» выбрали 69 % позвонивших в студию. По данным ВЦИОМ (2002), каждый пятый житель Воронежа был готов отдать свой голос на думских выборах за русских нацистов (которые отсутствовали в опросном листе, и респонденты дописали название их организаций сами)¹².

Недавние этнические чистки в Карелии (Кондопога) и на Кубани (Ставропольский край) – не что иное, как попытка практического воплощения фашистской идеологии в России.

Итак, в последние десятилетия десоциализирующие влияния контркультурных организаций растут. Радикализм во всех его формах и проявлениях по своим масштабам и интенсивности, по своей жестокости превратился в одну из самых острых и злободневных проблем государства.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что, несмотря на многообразие субкультурных групп, молодежная субкультура как целостный социокультурный феномен выполняет ряд общих социальных функций. Участие в субкуль-

турной группе позволяет формирующейся личности молодого человека проявлять свою самостоятельность, что не всегда удается в семье и официальных коллективах. Для многих молодых людей субкультурная группа представляет возможность добиваться своих жизненных целей, реализовывать свои планы. Участник субкультуры ищет и часто находит в неформальной группе признание своей личности, своего достоинства, уважения к себе. Наконец, в субкультурной группе осуществляется интенсивный обмен информацией, обсуждаются вопросы, волнующие ее членов. «Молодежные субкультурные группы, несмотря на существенную дифференциацию по социальной направленности, по исповедуемым ценностям и идеалам, по целям и задачам деятельности, по принятым нормам поведения, по характеру общения и по другим признакам, являются целостным социокультурным феноменом, наиболее значимым отражением процесса становления молодежи как субъекта социального развития, внутренней стратификации молодежи»¹³.

Однако процесс социализации молодежи имеет и свои “против” (“contra”). Далеко не оптимистичной представляется возможная ситуация в ближайшем будущем с асоциальными и антисоциальными неформальными группами, объединениями. То, что на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних состоит до полумиллиона подростков, склонных к правонарушениям, показывает, насколько велик еще контингент маргинальных несовершеннолетних, откуда и черпают пополнение неформальные группы, объединения с негативной ориентацией. А ведь ежегодно выявляется и около 100 тысяч неблагополучных семей, из которых подростки вытесняются и бегут в поисках другой среды. Отрицательно сказываются здесь и общий упадок социальной дисциплины, и бытующие иллюзии вседозволенности в связи с переходом к правовому урегулированию по принципу «можно все, что не запрещено законом», и недостатки в работе правоохранительных органов и т.д. При неблагоприятных тенденциях роста преступности среди несовершеннолетних и молодежи (рост за 20 лет в полтора–два раза), увеличении доли устойчивых преступных групп, числа несовершеннолетних и молодых участников массовых беспорядков – настоятельно напрашивается вывод о прямой и обратной связи двух феноменов: преступности и неформальных молодежных общностей с негативной направленностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иванов Н.С. Неформальное молодежное движение как социально-политическое явление // Дис. ... канд. полит. наук. Одесса, 1992. – С. 32.
2. Левикова С.И. Молодежная субкультура. М., 2002. – С. 5.
3. Ausabel D.P. Jugendalter. Munchen. 1968. S. 88.
4. Левикова С.И. Указ. соч. – С. 65.
5. Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социальные исследования. – 1998. – № 11. – С. 73.
6. Подробнее об этом см., например: Башкатов И.П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. М., 2002; Долгова Т.П., Клейбер Ю.А. Молодежная субкультура и наркотики. Социокультурные и социопсихологические факторы. Тверь, 1997; Писарева В.А. Агрессивно-конформистская субкультура молодежи России // Предупреждение отклонений в нравственном поведении молодежи. М., 1989; Молодежный экстремизм / Под ред. А.А. Козлова. СПб., 1996; Жвания Дм. Бритоголовый геноцид, или Сколько в Петербурге неонацистов? // Час Пик. СПб., 1998. – № 16 (17) и др.
7. Цит. по [Электронный ресурс] <http://www.izvestia.ru/community/article 44753>.
8. Цит. по [Электронный ресурс] <http://News.ru> 4 февраля 2003.
9. Там же.
10. Цит. по [Электронный ресурс] <http://www.izvestia.ru/community/article 44753>.

11. Мудрик А.В. Социализация личности. М., 2004. – С. 206.
12. Цит. по [Электронный ресурс] <http://News.ru> 4 февраля 2003.
13. Блохина М.В. Проблема субкультурной дифференциации молодежи // Дис. ... канд. социол. наук. Тверь, 2002. – С. 65.

А.С. Сейранян
Московский государственный
областной университет

ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация

Основным объектом исследования данной статьи являются внешние угрозы экологической безопасности России. Особое внимание автор уделяет рассмотрению проблемы ввоза отходов из других стран при отсутствии в Российской Федерации экологической политики.

EXTERNAL THREATS OF ECOLOGICAL SECURITY OF RUSSIA

A. Seyranyan

Moscow State Region University

Abstract

The main object of this article is the external threats of ecological security of Russia. Especially the author pays his attention to the problem of import of waste products from the other countries for lack of ecological politics in Russian Federation.

Экологическая угроза России может иметь и нероссийское происхождение. Последнее обусловлено близостью территории нашей страны ко всем крупнейшим районам экономической деятельности: Западной Европе, Китаю, Японии и США (на Аляске добывается 1/4 американской нефти). Немаловажно также, что РФ на значительном протяжении граничит со странами СНГ, Прибалтики и Центральной Европы, которые так же, как и наша страна, переживают серьезные экономические трудности, и которым пока не до экологии.

Главными «экспортерами» в РФ атмосферных загрязнений являются Украина, Германия, Польша, Великобритания. Экспортируемые в Западную Европу газ и нефть частично возвращаются к нам в виде поллютантов с воздушными течениями. Потоки антропогенной серы, поступающие на Русскую равнину из Западной Европы, в 10 раз превосходят обратные потоки воздушных загрязнителей¹.

На европейской части территории России ежегодно выпадает свыше 1 млн. тонн окисленной серы трансграничного происхождения, что больше, чем от российских источников. Весьма существенный вклад в загрязнение природной среды России окислами серы и азота вносят Украина, Польша и Германия²!

Ежегодно на 1 квадратном метре поверхности Европейской части России выпадает в среднем 1 г серы и 0,6 г азота. Данные показатели должны настораживать, но они все же ниже, чем на других территориях. В европейских странах серы и азота выпадает вдвое больше, а на Балтийском побережье Польши, в Карпатах, Молдавии ежегодно отлагается 14 г серы и 6 г азота на 1 усредненный метр³.

Ослабление в России государственного надзора и отсутствие эффективных правовых и экономических механизмов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций увеличивают риск катастроф техногенного характера во всех сферах хозяйственной деятельности.

Серьезность экоугрозы была осознана после беспрецедентной аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. Руководством СССР были приложены чрезвычайные усилия для ликвидации ее последствий. Под давлением общественности остановлена Армянская АЭС, закрыт Семипалатинский ядерный полигон, прекращены работы на некоторых площадках других АЭС. Стали разрабатываться природоохранные программы.

Однако этот «экопорыв» угас в обстановке острой политической борьбы, приведшей к распаду СССР. Ныне продолжает функционировать Чернобыльская АЭС (закрытие которой предусматривалось в 1993 г.), расконсервирована Армянская АЭС. Отменен мораторий на строительство АЭС на Украине⁴.

Еще одной «внешней» экологической угрозой для России стал ввоз отходов из других стран. По официальным данным, в РФ их ввозится в процентах в 70 раз больше, чем вывозится. Растет также импорт в Россию экологически несовершенных автомобилей и продовольствия⁵. Имеется тенденция использования территории России в качестве места захоронений опасных для окружающей среды материалов и веществ.

И это происходит при том, что острыми остаются проблемы переработки своих бытовых и промышленных отходов, уничтожения химического, биологического и ядерного оружия. «Серьезная опасность исходит от переполненных, физически и морально устаревших хранилищ жидких радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива, выведенных из эксплуатации атомных подводных лодок – отмечалось на 2-м Всероссийском съезде по охране природы. – Высокая степень износа технологического оборудования на предприятиях химической, нефтехимической, микробиологической промышленности чревата техногенными авариями с последующим химическим заражением территории»⁶.

Особенно настораживают попытки создания в России хранилищ мировых ядерных отходов. Предприятия ядерного комплекса заметно выделяются среди источников потенциальной экологической опасности в России. В стране накоплено радиоактивных отходов суммарной активностью 2,73 млрд. Ки (это 55 «Чернобылей»). Не меньшую опасность создают обогащенный уран и плутоний боеголовок, ядерных зарядов и атомного топлива. Здесь не учтена также поступившая в биосферу активность от ядерных испытаний, аварий, функционирования ядерного комплекса. Подавляющее большинство высокоактивных отходов концентрируется в Челябинской, Томской областях и Красноярском крае. Серьезную угрозу представляет отработанное топливо реакторов выведенных из эксплуатации подводных лодок. 79 подлодок остаются на плаву в гаванях с не выгруженным топливом. Для потенциально опасных объектов и производств характерна существенная выработка проектного ресурса⁷.

Положение осложняется тем, что у России, по крайней мере в бюджетной сфере, не хватает средств на переработку ядерных отходов или постройку их надежных хранилищ.

Валентин Иванов, заместитель министра по атомной энергии, считает, что бизнес на переработке отходов (всего 20 тысяч тонн) может принести стране до

21 миллиарда долларов в течение 10-15 лет. Первоначальный задаток от заказчиков в 2 миллиарда долларов позволит России переоснастить существующие хранилища, построить новые и улучшить систему экологического мониторинга⁸. Таким образом, В. Иванов даже в намерениях говорит прежде всего о хранилищах ядерных отходов, а не о средствах по их переработке. Настораживает и количество ядерных отходов, которые предполагается ввести.

Как утверждает глава Госатомнадзора Юрий Вишневский, Россия не готова принять на хранение и переработку зарубежные ядерные отходы, поскольку располагает лишь химическим комбинатом «Маяк» и хранилищем в Железногорске (Красноярский край) мощностью 6 тысяч тонн, которое наполовину уже заполнено и продолжает принимать использованное топливо российских станций. «Если импортировать по 2 тысячи тонн отходов в год, хранилище будет заполнено под завязку через пару лет. Для постройки нового хранилища требуется разрешение местных властей, около 1 миллиарда долларов и 3-4 года». Сейчас у России нет возможности перерабатывать больше 400 тонн в год⁹.

Свою негативную оценку по поводу возможности ввоза в Россию иностранных радиоактивных отходов высказали граждане страны. В 2000 г. начался сбор подписей для проведения всероссийского природоохранного референдума. Было собрано 2,5 млн. подписей (при необходимых 2 млн.), однако Центральная избирательная комиссия России объявила 600 тыс. подписей недействительными и на этом основании запретила плебисцит.

В результате было принято разрешение на ввоз в страну отработанного ядерного топлива. В 2001 г. в Россию поступило 2 тыс. т. ОЯТ (отработанного ядерного топлива) и 550 кубометров высокоактивных ядерных отходов. При отсутствии надлежащего технического контроля при обращении с ОЯТ и прозрачной экономической схемы, гарантирующей целевое внутрироссийское использование полученных на строительство перерабатывающих комплексов денег – 20 млрд. долл., решение о ввозе в Россию ОЯТ можно охарактеризовать как недалновидное¹⁰.

Важнейшим фактором, оказывающим влияние на экологическую безопасность страны, является внешнеполитический. Дестабилизировать ситуацию в стране могут выбросы вредных веществ и техногенные катастрофы в граничащих с Россией странах. К числу серьезнейших «внешних» экологических угроз относится и экспорт в Россию радиоактивных отходов других стран.

В целом, в Российской Федерации складывается непростая экологическая ситуация, потенциально чреватая целым рядом проблем. Изменить ситуацию может только целенаправленная, систематическая деятельность по обеспечению экологической (и тем самым, национальной) безопасности страны – экологическая политика. Ее основой должно стать осознание того простого факта, что экономическая деятельность, связанная с выбросом отходов в природу и с активным потреблением природных ресурсов, не может продолжаться вечно и, в конечном счете, обречена на провал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Технологическая безопасность // Материалы к докладу «Национальный план действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1999-2001 гг.» <http://www.khbksau.ru/base-gvc/radiol/rad-vet/p34-10.html>.
2. Экологическая ситуация в России. Материалы 2-го Всероссийского съезда по охране природы. <http://www.ecocom.ru/arhiv/ecocom/twosjezd.html> (опубликованы: ЭКОС-информ (Федеральный вестник эко-

- логического права). 1999. №№ 8-9).
3. Минин А. О лесе и не только // Энергия. 1992. № 4. – С. 34-35.
 4. Технологическая безопасность // Материалы к докладу «Национальной план действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1999-2001 гг.» <http://www.khbksau.ru/base-gvc/radiol/rad-vet/p34-10.html>.
 5. Технологическая безопасность // Материалы к докладу «Национальной план действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1999-2001 гг.».
 6. Экологическая ситуация в России. Материалы 2-го Всероссийского съезда по охране природы. <http://www.ecosom.ru/arhiv/ecosom/twosjezd.html> (опубликованы: ЭКОС-информ (Федеральный вестник экологического права). 1999. №№ 8-9).
 7. Технологическая безопасность // Материалы к докладу «Национальной план действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1999-2001 гг.» <http://www.khbksau.ru/base-gvc/radiol/rad-vet/p34-10.html>.
 8. Перера Джудит. Сваливайте, пожалуйста // Вести. 2001. 3 января.
 9. Перера Джудит. Сваливайте, пожалуйста // Вести. 2001. 3 января.
 10. Шуленина Н.В. Экологическая политика современной России: от императивов к аргументам // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. – № 4. – С. 52.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минин А. О лесе и не только // Энергия. 1992. – № 4.
2. Перера Джудит. Сваливайте, пожалуйста // Вести. 2001. 3 января.
3. Технологическая безопасность // Материалы к докладу «Национальной план действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1999-2001 гг.» <http://www.khbksau.ru/base-gvc/radiol/rad-vet/p34-10.html>.
4. Шуленина Н.В. Экологическая политика современной России: от императивов к аргументам // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. – № 4.
5. Экологическая ситуация в России. Материалы 2-го Всероссийского съезда по охране природы. <http://www.ecosom.ru/arhiv/ecosom/twosjezd.html> (опубликованы: ЭКОС-информ (Федеральный вестник экологического права). 1999. №№ 8-9).

НАШИ АВТОРЫ

Андреюк В.Ю., Международная академия бизнеса и управления, доцент кафедры Мировой экономики

Афанасьев А.Д., Московский государственный открытый университет, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой издательства и полиграфии

Воронкова И.Е., Орловский государственный институт экономики и торговли, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социально-гуманитарных наук

Вострикова В.В., Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал в г. Орле), кандидат исторических наук доцент кафедры истории экономики, политики и культуры

Гайдин С.Т., Красноярский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и политологии

Галиев Э.Б., Оренбургский государственный аграрный университет, соискатель

Галич Ю. Н., преподаватель Высшей Школы перевода (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова; старший преподаватель Института Гуманитарного образования и информационных технологий; соискатель степени кандидата исторических наук Московского областного университета

Глушаченков А. А., Военно-воздушная инженерная академия им. проф. Н.Е. Жуковского, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Гришаева Л.Е., Московский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета

Камалова Г.Т., Южно-Уральский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, доцент

Крапотин Д.А., Московский государственный областной университет, аспирант кафедры политологии и права

Ламкина Г. П., Московский университет МВД России, методист

Мельников М. В., Ковровская государственная технологическая академия имени В.А. Дегтярева, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук

Мищенко В.В., Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского, аспирант

Николаева Н.А., Московский государственный областной университет, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков

Павлюк А.А., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, аспирант кафедры истории социально-политических учений философского факультета

Санькова С. М., Орловский государственный технический университет, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и история»

Сейранян А.С., Московский государственный областной университет, аспирант кафедры политологии и права

Трофимов Е.Н., Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС), кандидат политических наук, соискатель кафедры национальных и федеративных отношений

Трофимова И.Н., Институт социологии Российской Академии Наук, кандидат политических наук, научный сотрудник

Туаева Б.В., Владикавказский институт управления, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Юртаев С.А., Московский городской педагогический университет, аспирант кафедры всеобщей истории

Яснитский Н.А., Московский государственный областной университет, кандидат исторических наук, докторант кафедры новой и новейшей истории и методологии

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

I. История России в Новое время

Г.П. Ламкина

Самозванство в контексте кризиса института политической власти в России XVII века3

В.В. Мищенко

Исторические условия формирования старообрядчества Черниговской губернии8

Э.Б. Галиев

Роль правоохранительных органов Южного Урала в осуществлении аграрной политики правительства во второй половине XIX – начале XX вв.14

С.М. Санькова

Михаил Никифорович Катков: в поисках места в общественной жизни22

М.В. Мельников

Обсуждение в периодической печати проблемы введения золотого обращения в России в 1895 г.29

В.В. Вострикова

Российские либеральные мыслители начала XX в. о роли религии в общественной жизни36

II. Новейшая история России

Г.Т. Камалова

Особенности деятельности судебных органов на Урале в годы новой экономической политики44

С.Т. Гайдин

Основные этапы во взаимоотношениях отраслевых министерств и территорий в решении проблем природопользования в Восточной Сибири (1946 – 1990 гг.)50

А.Д. Афанасьев

Из истории формирования системы издания учебной литературы для высшей школы центральными издательствами (1960-1980 гг.)57

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

I. История Древнего мира

Н.А. Николаева

В поисках индоевропейцев. Современное состояние индоевропейской проблемы и новые пути ее решения66

Н.А. Николаева

Мифы как источник по реконструкции индоевропейской праистории76

II. Новая история

Н.А. Яснитский

Особенности английского Просвещения. Обзор трактовок84

III. Новейшая история

Ю.Н. Галич

Истоки патриотического воспитания и обновленный основной закон об образовании Японии98

С.А. Юртаев

«Австрийская» политика Бисмарка в начале 70-х гг. XIX в. в отражении русской прессы (на материале журнала «Вестник Европы», газет «Голос», «Московские ведомости»)106

И.Е. Воронкова

Боснийский кризис и его оценка конституционными демократами (к 100-летию события)111

В.Ю. Андреюк

Трансформация внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке во второй половине 60-начале 70-х гг. XX века119

В.Ю. Андреюк

Концептуальные приоритеты внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке (1960–1990 гг.)126

Л.Е. Гришаева

ООН: кризис миротворчества (Косовский вопрос. 1999-2008 гг.)136

IV. Политология

А.А. Павлюк

Воззрения Ф. Фукуямы на политические процессы на рубеже XX-XXI вв.152

А.А. Глушаченков

Политические процессы в современном российском обществе и Вооруженные силы (на основе анализа центральной периодической печати)157

И.Н. Трофимова

Региональная социальная политика в аспекте социального взаимодействия166

Е.Н. Трофимов

Проблемы этнокультурного развития русского народа в современной России173

Д.А. Крапотин

Неформальные молодежные субкультуры: pro et contra183

А.С. Сейранян

Внешние угрозы экологической безопасности России190

НАШИ АВТОРЫ

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук.

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском языке	Объем статьи – от 16000 до 20000 символов, включая пробелы Список использованной литературы под заголовком «Литература»

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт Arial, цвет шрифта черный, размер не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок

- **запрещено уплотнение интервалов;**

- **при нарушении требований** объекты удаляются из статьи.

Оформление ссылок на литературу и источники должно соответствовать требованиям издательского ГОСТа. Нумерация сносок дается в тексте статьи в квадратных скобках. Внутри квадратных скобок указывается порядковый номер работы, на которую делается ссылка, и номера страниц (образец: [16, 123; 9, 27 и т.д.]).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Библиографические примечания размещаются в конце статьи (нумерация сносок сплошная). Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой).

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «История и политические науки» – декан факультета истории, политологии и права МГОУ, доктор исторических наук, профессор Смоленский Николай Иванович.

Адрес редколлегии серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, МГОУ, факультет истории, политологии и права. Телефон 8(495) 261-19-19.

Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов МГОУ) происходит после принятия статьи ответственным редактором предметной серии и должна покрыть расходы на публикацию.

Краткие сведения о «Вестнике МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году. Многосерийное издание университета – «Вестник МГОУ» – включено в перечень ведущих рецензируемых и реферируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г.* (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикрепленный файл на сайте www.mgou.ru).

Первый номер 2008 г. по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй - 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в рефератах.

Подписка на Журнал осуществляется через Роспечать или непосредственно в издательстве МГОУ

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2008, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу vest@mgou.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

- а) авторскую анкету:
 - фамилия, имя, отчество (полностью);
 - ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура);
 - адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;
 - номер контактных телефонов (желательно и мобильного);
 - номер факса с кодом города;
 - адрес электронной почты;
 - желаемый месяц публикации;
- б) аннотацию на русском и одном из иностранных языков (примерно по 400 знаков с пробелами);
- в) текст статьи;
- г) список использованной литературы.

Оплата плановых статей сторонних авторов происходит после принятия статьи ответственным редактором предметной серии и должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой).

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию «Вестника МГОУ»: vest@mgou.ru. Конт.тел. (499)265-41-63 Наш адрес: ул. Радио, д.10А, комн.98.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, обед с 13 до 14 часов. Потапова Ирина Александровна. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«История и политические науки»

№ 4

Подписано в печать: 5.11.2008.

Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Уч.-изд. л. 14,5. Усл. п. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ № 103.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. (499) 265-41-63, факс (499) 265-41-62.